

С. А. СОЗИНА

ТУПАК АМАРУ-
ВЕЛИКИЙ
ИНДЕЙСКИЙ
ПОВСТАНЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Научные биографии»

С. А. СОЗИНА

**ТУПАК АМАРУ —
ВЕЛИКИЙ
ИНДЕЙСКИЙ
ПОВСТАНЕЦ
1738—1781**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва, 1979

Созина С. А. Тупак Амару — великий индейский повстанец 1738—1781.— М.: Наука, 1979.— 168 с., ил., 0,5 ил.— (Серия «Научные биографии»).

Книга рассказывает о героической жизни и борьбе замечательного индейского вождя Тупак Амару, возглавившего в конце XVIII в. в Перу самое грандиозное в истории Латинской Америки индейское восстание, которое до основания потрясло устои испанской колониальной империи. Восстание было подавлено, но оно стало прелюдией к войне испанских колоний за независимость.

Созина С. А.— кандидат исторических наук, специализируется в области истории Латинской Америки.

5.4

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Р. ГРИГУЛЕВИЧ

На первой странице обложки — Тупак Амару.
Портрет современного перуанского художника
М. Кахауаринги. 1970 г.

КНИГА О ТУПАК АМАРУ

Читателям уже знакомы интересные книги С. А. Созиной по древней и колониальной истории Латинской Америки: «Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки» (М., 1969) и «На горизонте — Эльдorado. Из истории открытия и завоевания Колумбии» (М., 1972). На этот раз она задалась целью воссоздать драматическую биографию индейского вождя Тупак Амару, организатора и руководителя мощного повстанческого движения, охватившего в 1780—1783 гг. широкие массы местного населения в колониальном Перу и других испанских владениях в Южной Америке. Это движение положило начало борьбе народов Испанской Америки за независимость.

Личность Тупак Амару, пламенного и смелого патриота, поднявшегося с оружием в руках против испанской короны на защиту прав индейцев и всех угнетенных сословий, занимает выдающееся место в истории национальной-освободительной борьбы Латинской Америки.

Национальный герой Республики Перу, Тупак Амару хорошо известен и популярен во многих латиноамериканских странах.

Книга С. А. Созиной — первое в советской литературе документированное исследование о жизни и деятельности Тупак Амару.

Работа основана на добротной документальной базе: в ней представлены исторические свидетельства, принадлежащие как Тупак Амару и его соратникам, так и его противникам из вражеского королевского лагеря. Со стра-

нийц книги встает напряженная, наполненная острыми социальными и национальными противоречиями предгрозовая эпоха кануна XIX в., эпоха кризиса колониальной системы Испании. Все это позволяет услышать читателю живой голос не только самого Тупак Амару, но и того бурного времени, в которое он жил и боролся.

Новая книга советского историка С. А. Созиной о героическом индейском повстанце увидит свет в преддверии важного события — 200-летней годовщины восстания.

Публикация жизнеописания Тупак Амару на русском языке — не только дань уважения одному из видных деятелей перуанской истории, но и вклад в дальнейшее укрепление дружественных связей между Советским Союзом и народами Латинской Америки.

И. Григулевич
доктор исторических наук
Заслуженный деятель науки РСФСР

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

3 октября 1968 г. власть в Перу перешла в руки Революционного правительства вооруженных сил. Новый кабинет, составленный из прогрессивно мыслящих военных лидеров, с первых же дней правления показал, что намерен заняться радикальным решением вековых проблем своей страны. Уже 9 октября в Перу принимается декрет о национализации нефтяных промыслов, принадлежавших всемогущей североамериканской «Интернэшнл петролеум компани». Продолжая наступление на позиции иностранного капитала, военное руководство экспроприрует затем часть владений еще одной компании США — «Серро-де-Паско корпорэйшн». Но это был только пролог.

Следующим важным шагом на пути преобразований стал Закон об аграрной реформе от 24 июня 1969 г. В манифесте к народу президент страны, в частности, сказал: «Перуанцы! Сегодняшний день является историческим. И все мы должны полностью осознать его величайшее значение. Сегодня Революционное правительство провозгласило Закон об аграрной реформе, и, совершая этот акт, оно дает стране самое эффективное орудие ее переустройства и развития... Человеку земли мы можем сказать бессмертными свободолюбивыми словами Тупак Амару: „Крестьянин! Хозяин больше не будет наживаться на твоей бедности“»¹.

Тупак Амару, или, как называют его в Республике Перу, «великий мятежник», — вождь индейского крестьянского восстания, потрясшего устои колониального режима в стране два столетия назад.

Обращение перуанских лидеров к памяти легендарного повстанца представляется нам закономерным. За всю длительную историю в Перу не было другого такого политического деятеля, который бы столь самоотверженно и целеустремленно боролся за уничтожение беспощадного

социального и национального угнетения индейцев, за признание крестьянина-индейца, изгоя, полноправным гражданином своей земли. Для Революционного правительства, решительно взявшегося за перестройку архаического крестьянского уклада, имя Тукак Амару стало символом намеченной программы реформ. После долгого забвения Тукак Амару объявлен ныне национальным героем Перу, его имя присвоено парадному залу правительственной резиденции, его портрет украшает рабочий кабинет президента республики.

Биография Хосе Габриэля Кондорканки, или, как он предпочитал называть себя, Тукак Амару, мало знакома нашему читателю. Советские историки до недавнего времени ограничивались кратким или беглым упоминанием о нем, лишь в последние годы появились специальные статьи, посвященные его деятельности².

Тукак Амару оставил значительное документальное наследство: до нас дошли его манифесты, указы, воззвания, письма к соратникам и политическим противникам. Сохранилось множество свидетельств современников: донесения вице-королей, послания епископов и отчеты королевских чиновников всех рангов, частная переписка очевидцев событий тех далеких лет.

Весь упомянутый свод документов публиковался в продолжение XIX и XX столетий. В монументальном издании, приуроченном к 150-летию независимости Перу, материалы о восстании Тукак Амару составляют несколько солидных томов³. Продолжают уточняться многие события и факты, связанные с восстанием, которое коснулось судеб тысяч людей в колониальном Перу и за его пределами. Фигура этого крестьянского вождя давно привлекает внимание зарубежных ученых, обширная библиография по движению Тукак Амару насчитывает десятки работ, в числе их авторов — перуанцы, аргентинцы, североамериканцы⁴.

Для того чтобы осмыслить весь накопленный материал, потребовалось бы написать не одну книгу. Автор ставит перед собой более скромную задачу — охарактеризовать основные вехи жизненного пути Тукак Амару и важнейшие этапы возглавленного им движения.

Легендарный Тукак Амару особенно интересен тем, что принадлежал одновременно прошлому, настоящему и будущему. Сын XVIII в., он остро ощущал связь времен.

Один из потомков инкской династии, этот индейский вождь как бы принял эстафету от поколений, создавших высококоразвитую самобытную культуру, корни которой уходят в толщу тысячелетий. Как и далекие предки, Тупак Амару называл себя с гордостью Инкой, в его представлении это значило прежде всего быть пламенным защитником индейских народов. Однако кровно связанный с миром индейцев, он отнюдь не замкнулся в нем. Сердце Инки было открыто всем угнетенным, а мировоззрение — свободно от национальных предрассудков. Тупак Амару мечтал создать такое общество, в котором жили бы, «как братья, соединенные воедино», люди всех оттенков кожи, рожденные на американской земле. Мечта, достойная подлинного гуманиста и поныне не воплотившаяся в жизнь. Вот почему Тупак Амару принадлежит не только прошлому, но и будущему своей страны.

Не примечательно ли, что спустя 200 лет после трагической гибели Тупак Амару значение его личности как бы заново открылось потомкам? Заветы Великого повстанца не потеряли остроты и по сей день, и сегодня они созвучны самым сокроуенным чаяниям более чем 10 миллионов индейцев и метисов, чаяниям подавляющего большинства населения современной Республики Перу.

Вот что писал о нем перуанский историк и общественный деятель Луис Валькарсель: «Тупак Амару — воплощение Перу, ее высокое и бессмертное выражение, пролитая им кровь стала плодотворным источником нашей свободы. Грандиозное потрясение, в которое вылилось восстание, перевернуло Испанскую Америку»⁵.

Каким же он был — мятежный Тупак Амару, восставший Инка XVIII в.?

Тридцать два миллиона индейцев — это как
Кордильеры, становой хребет Америки

*Вторая Гаванская декларация
4 февраля 1962 г.*

Прежде чем обратиться к драматическим событиям восстания под руководством Тукак Амару, попытаемся понять, какие истоки питали веками не затихавший социальный протест индейцев, каков их вклад в национально-освободительное движение стран Латинской Америки.

За прошедшие после испанского завоевания четыре с половиной столетия индейские народы показали удивительную жизнестойкость. Они пережили варварскую эпоху конкисты, вынесли на своих плечах тяжкое бремя социального и национального гнета времен колониального владычества Испании, их не сломили голод, нищета и бесправие, уготованные им местной правящей олигархией за последние 150 лет существования независимых латиноамериканских республик

На сегодняшний день индейцы образуют крупнейший компонент современных наций Латинской Америки, с ярко выраженным национальным самосознанием, языком, самобытным культурным и духовным складом. В таких «индейских» странах, как Боливия и Гватемала, они составляют почти девять десятых населения, в Перу и Эквадоре — более половины всех жителей. Производители основных материальных благ, индейцы продолжают подвергаться беззастенчивой эксплуатации и в своем большинстве находятся вне рамок национальной и политической жизни: как правило, и доныне они не владеют испанским языком или знают лишь обиходный, не умеют читать и писать по-испански и страдают от расовой дискриминации в различных ее проявлениях. По своему социальному положению индейцы — это главным образом бесправные крестьяне, опутанные многочисленными, подчас

полуфеодальными, формами зависимости от помещиков, кустари-ремесленники, сельские пролетарии, в последнее время пополняющие ряды городской бедноты крупных промышленных центров.

За минувшие десятилетия заметно выросла политическая сознательность крестьянских индейских масс, они все активнее включаются в демократическое и антиимпериалистическое движение своих стран, им, несомненно, суждено сыграть боевую роль в грядущих классовых битвах в качестве союзника рабочего класса.

Говоря о способности крестьянства на революционную борьбу, В. И. Ленин писал в работе «Проект программы нашей партии»: «Известны факты восстаний крестьян... против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. ...Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению»¹.

О значительных революционных возможностях индейского крестьянства свидетельствует история его героической многовековой национально-освободительной борьбы, традиции которой весьма поучительны.

Долгое время в буржуазной исторической литературе наблюдалась тенденция клеветать на индейские народы, приписывать им расовую и психическую неполноценность. Выступая наследниками и апологетами доктрин и теорий, созданных испанскими правящими кругами еще в колониальную эпоху, многие буржуазные латиноамериканские авторы отводили индейцам роль бессловесной темной массы, лишенной прошлого и не имеющей будущего. Так, перуанский писатель А. Деустуа видел в индейцах лишь «одушевленные орудия труда», а «первый философ» Боливии Г. Рене-Морено цинично заявлял: «Бронзовая раса уже исчерпала себя в течение веков. Сегодня их наследие для нас — ничто.. Ни одного, ни малейшего нового фактора не внесла эта раса ни в культуру, ни в современные виды деятельности»².

Выдающийся перуанский мыслитель, основатель Перуанской коммунистической партии Хосе Карлос Мариатеги, отвечая этим, по его словам, «прихлебателям феодализма», писал: «Обычно утверждают, что униженный индеец совершенно не способен ни на какую борьбу, ни на какое сопротивление. Однако только факта многочисленных восстаний и выступлений индейцев на протяжении

всей истории страны и репрессий против них достаточно, чтобы опровергнуть это утверждение»³.

И действительно, освободительное движение индейцев было исключительно широким и многообразным. За три столетия, с начала XVI и до начала XIX в., на территории вице-королевства Перу и других колониальных владений Испании, от Мексики на севере до Чили на юге, произошли сотни больших и малых восстаний, выдвинувших немало героических борцов.

Конкиста представляла собой неоднозначный акт, это был длительный исторический процесс. Завоевательные кампании, осуществленные испанскими конкистадорами: Эрнандо Кортесом — в Мексике (1519—1521), Хименесом де Кесада — в Колумбии (1537—1539), Франсиско Писарро — в Перу (1527—1533), Диего де Альмагро и Педро де Вальдивия — в Чили (1536—1553), — положили лишь начало покорению различных индейских народов. Военные успехи испанцев первого этапа конкисты имели в значительной степени номинальный характер. Практически конкиста растянулась на все XVI столетие, традиции освободительного движения перешли по наследству в XVII в. и в несколько видоизмененной форме стали характерной чертой колониальной жизни XVIII в.

Вот наиболее яркие примеры освободительной борьбы индейцев. В вице-королевстве Новая Испания (нынешняя Мексика) в 1571 г. союз индейцев провинции Синалоа объявил войну местным властям. Все проживавшие там испанцы были убиты, провинция надолго перешла в руки индейцев. В 1645 г. восстали семь племен тепехуанов после отказа испанской администрации оплатить им работу в шахтах и поместьях. Провинция Новый Леон до начала XVIII в. не была освоена испанцами из-за постоянных волнений индейцев. 20 лет, с 1624 по 1645 г., продолжалось восстание куачичилей в районе Сан-Луис-Потоси.

Испанские власти прибегали к изощренным способам борьбы с индейцами. Среди них — продажа в рабство, сожжение поселений и храмов, истребление особенно воинственных племен, жестокие карательные рейды с последующими казнями вождей и рядовых участников восстания.

Однако освободительное движение индейцев разрасталось. В индейских отрядах царила строгая дисциплина, они придерживались партизанской тактики, совершали на-

падения на укрепленные города. В некоторых восстаниях на северо-востоке Мексики в конце XVII в. участвовало до 300 индейских племен. Столь ожесточенное сопротивление вынудило испанцев приступить к сооружению системы военных гарнизонов — «королевских крепостей», которая к концу XVII — началу XVIII в. протянулась от Техасского побережья Мексики до берегов Верхней Калифорнии.

В конце XVIII столетия она была признана недееспособной, многие из крепостей испанцы покинули. «Вот почему, — по словам одного испанца, современника событий, — обитатели севера Новой Испании должны были жить в настоящем страхе и тревоге до начала XIX в.»⁴

В продолжение XVI—XVII вв. только в Северной Мексике произошло более 60 восстаний, в которых участвовало подавляющее число индейских племен, причем отдельные восстания продолжались с перерывами по нескольку лет.

Судя по документам, поводом для восстаний служило недовольство высокими и чрезмерными налогами; тяжестью трудовой повинности, особенно работами в рудниках и на пастбищах; жестоким обращением со стороны испанских землевладельцев; продажей в рабство трудоспособных индейцев; захватом испанцами индейских земель и, наконец, возмущение миссионерской деятельностью католических священников.

Даже краткий экскурс в историю освободительной борьбы мексиканских индейцев убедительно показывает, что восстания являлись причиной постоянной нестабильности внутренней жизни испанских колоний; прямое следствие и фактическое продолжение конкисты, они были равносильны внутреннему фронту, отнимавшему у испанских колонизаторов значительные материальные и человеческие ресурсы. По словам мексиканской исследовательницы Э. Г. Капдевилль, индейские «восстания вдохнули мощный революционный дух в огромные массы населения, покоренные испанцами»⁵.

Как же обстояли дела в других испанских владениях? Соратник Э. Кортеса — Педро де Альварадо в 1523 г. вторгся в Гватемалу. В течение последующих пяти лет он сумел подчинить, пользуясь внутренними раздорами, крупные государственные образования индейцев киче и какчикелей, сутухилей и пипилей. Однако обременитель-

ные подати, сожжение непокорных на кострах, непосильная работа в поместьях и на шахтах, угон в рабство неоднократно вызывали восстания в XVI—XVII вв.

Покорение Юкатана, майяских городов-государств, растянулось на два десятилетия и продолжалось с 1524 по 1546 г. Однако индейцы глубинных районов (вокруг озера Петен-Ица) с центром в городе Тайясале сохраняли в неприкосновенности самобытную культуру в течение XVI и XVII вв. Только будучи окруженными со всех сторон испанскими отрядами в 1697 г., в канун XVIII столетия, они сдались на милость победителей. Недаром в колониальные времена за этими землями закрепилось название «край войны».

Длительный и самоотверженный вооруженный отпор испанским колонизаторам оказывали многочисленные и высокоразвитые племена куна (современная Панама). Они сумели сохранить почти полную независимость в течение всей колониальной эпохи. В 1790 г. Испания, вынужденная заключить с верховными вождями куна мирный договор, признала их право на самостоятельное существование. И не случайно именно здесь спустя полтора столетия, в 1925 г., была образована Кунская республика. Ныне куны — единственный индейский народ в Латинской Америке, получивший автономию (в рамках Панамской республики). Прямая связь древних освободительных традиций с этим важным событием в жизни индейцев куна весьма ощутима.

В южноамериканских владениях Испании напряженная борьба развернулась на территории нынешних Перу и Боливии (кечва, аймара), Чили (арауканы) и в Парагвае (гуарани).

Наиболее значительным очагом индейского сопротивления стала Араукания, простирающаяся к югу от реки Био-Био. История борьбы арауканов против испанских колонизаторов насчитывает три столетия и даже при всем внушительном размахе индейского освободительного движения представляется совершенно беспримерной.

Первое восстание вспыхнуло в 1541 г. Только что основанный конкистадором Педро де Вальдивией город Сантьяго был осажден 10 тыс. индейцев и разрушен. В 1550 г. при попытке Вальдивии форсировать реку Био-Био и проникнуть в земли, лежащие южнее, на него обрушился отряд в 20 тыс. индейцев. «Поверьте, 30 лет

я служу Вашему величеству, воевал со многими народами,— писал Вальдивия испанскому королю,— но никогда не видел людей, которые сражались бы так неистово, как эти индейцы с нами. В течение трех часов мы не могли рассеять хотя бы один отряд противника»⁶.

В 1553 г. совет вождей араукан во главе с Каупо-ликаном решил дать отпор завоевателям соединенными силами. В битве за крепость Тукапель испанцы были наголову разбиты, Вальдивия был взят в плен и казнен.

В сражении на реке Чивилинго в феврале 1554 г. участвовало 100 тыс. индейцев; испанцы, бросив город Консепсьон, в панике бежали на север. Недаром Чили в XVI в. звали «могилой для испанцев».

Вспыхнувшее в 1571 г. восстание индейцев араукан под руководством вождя Колоколо продолжалось около 50 лет, в результате территория Араукании была полностью очищена от испанцев и практически вплоть до начала XIX в. находилась в руках индейцев. Мирным договором 1774 г. испанская корона признала независимость Араукании, этой, по словам чилийского социолога А. Липшутца, «классической зоны индейского сопротивления»⁷. Попытка же чилийских властей после отделения от Испании присоединить земли Араукании (1859) вылилась в кровопролитную войну, продолжавшуюся четверть столетия. По характерным своим проявлениям она стала повторением конкисты XVI в., так сказать, конкистой в миниатюре.

Не менее напряженное положение сложилось и в вице-королевстве Перу, в бассейне реки Ла-Плата в XVII—XVIII вв. В 1630 г. здесь, в долине реки Катамарка, восстали индейцы кальчаки. Движение охватило весь северо-запад, включая провинции Тукуман и Мендосу. Будучи подавленным пять лет спустя, восстание возобновлялось и в 1657, и в 1665 гг. Тогда 5 тыс. наиболее воинственно настроенных индейцев были обращены испанцами в рабов и насильно перевезены в различные города, в том числе и в Буэнос-Айрес.

В 1673 г. испанские власти начали продолжавшуюся почти столетие войну с непокорными племенами индейцев Чако. В 1727 г., ведя наступательные бои, индейцы дошли до стен города Кордовы, в последующие годы осаждали такие крупные центры Ла-Платы, как города Саль-

та, Жужуй и др. Наибольший резонанс на севере Ла-Платы вызвало массовое вооруженное выступление индейцев гуарани, вспыхнувшее в 1750 г., так называемая «война семи редукций». Длительное время почти 30-тысячная армия индейцев вела тяжелые, кровопролитные бои против объединенных испано-португальских сил, пытаясь избавиться как от испанского, так и от португальского колониального ига.

Естественно было ожидать, что могущественная раннеклассовая «империя» инков, вершина социального развития древней Америки, не смирится с поражением, которое ей нанесли отряды конкистадоров Ф. Писарро и Д. де Альмагро. После казни верховного правителя — Сапа Инки (Единственного Инки) Атавальпы в августе 1533 г. в различных частях бывшего государства инков: в центре, в окрестностях древней столицы Куско; на юге, на берегах озера Титикака; на севере, в окрестностях города Кито, — развернулось движение индейских племен. Выступления возглавили преемники убитого испанцами Атавальпы, представители инкской династии, так называемые неоинки. Они закрепились в одном из труднодоступных, высокогорных районов Центральных Анд. В продолжение нескольких десятилетий испанские колонизаторы предпринимали отчаянные попытки сломить сопротивление неоинков, не признававших власти завоевателей. В ход были пущены все средства: от подкупа, шантажа, засылки шпионов и убийц до карательных экспедиций. Лишь спустя 40 лет после «официального завоевания», с падением горной крепости Вилькапампы и казнью в 1572 г. последнего инки Тупак Амару испанским властям удалось водворить, наконец, в Перу относительное спокойствие. Героический отпор испанским завоевателям сыграл важную роль в формировании традиций освободительной борьбы андских индейцев. Имя Тупак Амару I неоднократно принимали вожди индейских восстаний в последующие века, оно превратилось в символ борьбы за национальное освобождение.

Таким образом, антииспанская освободительная борьба индейских народов в XVI—XVIII вв. была не случайным, а закономерным явлением, повседневной реальностью в жизни испанских колоний; весьма интенсивная по характеру, она распространялась на обширные районы Испанской Америки и зачастую приводила к тому, что

целые области полностью выходили из-под контроля колониальной администрации (арауканы, куны, майя, яки).

С какими же требованиями выступали вожди индейских восстаний? Многие из них, особенно те, что жили в отдаленных районах, где колониальная власть была слаба и неустойчива, объявили испанским угнетателям войну до полного уничтожения. Ненависть восставших зачастую обращалась против всего испанского: они убивали не только самих испанцев, но и истребляли привезенные ими из Европы скот, сельскохозяйственные культуры, разрушали поселки, рудники, церкви, словом очищали свои владения от всего неиндейского, стремясь, по словам одной испанской жалобы, «искоренить само имя христиан на этих землях»⁸. Это была попытка своеобразной индейской реконкисты, на которую испанцы отвечали жестоким террором.

Однако шли годы. Наступил XVII век. Испанская корона неуклонно укрепляла свою власть в завоеванных колониях. Кардинально менялся и этнический облик населения. Происходило смешение различных рас на американской земле. К середине XVII в. в испанских владениях значительно выросла прослойка метисов и мулатов, потомков от смешанных браков европейцев с индейцами и неграми. Требования «полного изгнания всех неиндейцев», которые отдельные вожди продолжали выдвигать в XVII и XVIII вв., все более теряли под собой реальную почву.

Как известно, главную тяжесть колониального гнета приняло на себя население тех испанских владений, где задолго до завоевания сложились высокоразвитые индейские государства: астеки и майя в Мексике, муиски в Колумбии, кечва и аймара в Перу и Боливии. Традиции индейской государственности оставили столь глубокий след в самосознании этих народов, что лозунг «восстановления» древних государственных образований стал одним из главных требований развивавшихся здесь индейских национальных движений. Особенно громко эти призывы зазвучали в XVIII в.

С этой точки зрения знаменательно восстание индейцев майя в ноябре 1761 г. на Юкатане, начавшееся под лозунгом создания независимого государства майя. Его возглавил грамотный индеец Хасинто, принявший имя Кан-Эк (родовое имя династии майя в Тайясале, под-

чинившейся испанцам только в 1697 г.). Кан-Эк соби-
рался короноваться под именем короля Хасинто. Примеча-
тельно, что в его титул было включено имя последнего
правителя могущественных астеков, полностью он звучал
так: «Король Хасинто Великолепный, маленький Мотекух-
сома». Под знамена Кан-Эка собралось 50 тыс. индей-
цев. Только прибытие значительного регулярного отряда,
посланного против восставших губернатором Юкатана,
положило конец восстанию.

Менее чем через столетие (1841) вождь из селения
Ичмуль — индеец майя Сесилио Чи возглавил новое вос-
стание, положившее начало длительному социальному
конфликту, вошедшему в историю Мексики под назва-
нием «войны каст», выдвинув программу полного изгна-
ния белых с Юкатана и восстановления доиспанских по-
рядков.

Под лозунгом восстановления индейской государствен-
ности прошли в 60—70-х годах XVIII в. также восста-
ние индейцев тарасков в Мичоакане (Мексика) под на-
чалом потомственного кальцонси (титул верховного пра-
вителя в древности) Педро Вильяроэля и движение
индейцев киче в Гватемале.

Сходные требования выдвигали и вожди индейцев в
вице-королевстве Перу. В июле 1739 г. в городе Оруро
власти раскрыли разветвленный заговор, в подготовке ко-
торого приняли участие индейские вожди различных рай-
онов Перу. Его возглавил знатный касик Велес де Кор-
дова, объявивший себя потомком инкской династии в пя-
том поколении. В составленном им «Перечне обид» он
призывал «креолов, касиков и всех индейцев протянуть
ему руку помощи, чтобы этим героическим делом осво-
бодить родину, избавив ее от тирании (подразумева-
лось — испанской.— С. С.), которая держит индейцев в
вечном страхе и обращается с ними почти как с рабами». Заявив о своей преданности католической церкви, он про-
возглашал: «Моя единственная цель — восстановить Ве-
ликую империю и монархию наших древних королей»⁹.
За два дня до начала намеченного выступления его вы-
дал предатель.

Через три года вице-королевство Перу всколыхнула
новая весть — индеец Хуан Сантос, окончивший иезуит-
ский колледж в Куско и побывавший в Испании, принял
имя инки Атавальпы и поднял восстание в горах Чанча-

майю, к северо-востоку от Лимы, в окрестностях городов Тарма и Хауха. Направленные туда карательные экспедиции потерпели поражение и в 1742, и в 1743 гг. За это время повстанцы овладели 27 селениями. В 1745 г. испанский король разрешил вице-королю Суперунде двинуть против восставших регулярный отряд из Чили.

В продолжение последующих десяти лет едва ли не ежегодно колониальные власти предпринимали безуспешные попытки покончить с очагом восстания. Военный совет Лимы, подсчитав затраты на организацию наступательных операций, пришел к выводу, что расходы превышают возможности вице-королевства. Показательно, что повстанцы применяли искусную тактику: избегая открытого боя, совершали внезапные атаки на отряды роялистов (сторонников испанского короля), разрушали мосты, устраивали завалы на дорогах, убивали королевских чиновников.

Таким образом, по соседству с Лимой, столицей вице-королевства Перу, «городом королей», как его называли испанцы, с 1742 по 1756 г. существовала повстанческая зона, управлявшаяся индейцами и фактически бывшая независимой от колониальных властей. По имеющимся данным, среди сподвижников Сантоса насчитывалось много метисов и негров. Сантос объявил себя «господином царства» и потребовал, чтобы «все испанцы покинули перуанскую землю»¹⁰.

С движением Сантоса связан, очевидно, и план восстания, раскрытый по доносу священника в июне 1750 г. в самой Лиме. Характерно, что у истоков и этого заговора стояли индейские вожди, в качестве союзников они хотели привлечь на свою сторону не только креолов и метисов, но и завезенных из Африки негров, значительное число которых жило в городе и окрестных имениях. Неграм было обещано немедленное освобождение от рабской неволи. Как выяснилось на следствии, имелся детально продуманный план: взять приступом дворец вице-короля, перебить охрану, захватить арсенал с оружием, а затем уничтожить виднейших испанских сановников. По отзыву вице-короля Суперунды, руководители заговора показали себя умелыми организаторами.

В 1755 г. в той же Лиме власти выявляют новую группу заговорщиков, которые намеревались добиться отделения от Испании, призвав на трон «Филиппа I, коро-

ля южных и северных морей», одного из потомков инкской династии.

Таким образом, порожденные всей практикой колониального угнетения, как социального, так и национального, индейские движения облекались в сложную идеологическую форму. С одной стороны, призыв к независимости и отделению от Испании, будучи весьма радикальным, надолго опередил освободительные планы вождей креольского движения. С другой — требования восстановить древние общественно-политические институты были обращены в прошлое, отражали распространенные среди индейских народов наивные иллюзии о «царстве справедливости» под началом своего, «индейского», царя. Однако, несмотря на противоречивые, подчас архаические покровы, индейские движения как высшее проявление социального протеста угнетенных угрожали жизненным устоям испанской колониальной системы и тем самым несли в себе мощный революционный заряд.

Все эти сильные и слабые черты нашли яркое воплощение в грандиозном восстании, поднятом Тунак Амару в канун XIX в., самом мощном выступлении индейских народов, когда-либо потрясавшем американские владения Испании за три столетия ее колониального владычества.

СКОЛЬКО ХОЗЯЕВ У ИНДЕЙЦА?

Индейцы — подлинные рабы в этих странах, счастливыми почитают себя те, у кого один только хозяин.

Х. Хуан и А. де Ульоа. Секретные известия об Америке. 1826 г.

Вице-королевство Перу, самое богатое, самое золотоносное среди колониальных американских владений Испании, во второй половине XVI в. занимало обширную часть Южноамериканского континента, за исключением северо-восточного побережья и бассейна Амазонки. В 1739 г. из его состава было выделено вице-королевство Новая Гранада (в границах современных Панамы, Колумбии и Эквадора) и в середине 1776 г., в связи с угрозой португальского вторжения во владения Испании на Атлантическом побережье, образовано новое вице-королевство — Ла-Плата, куда вошли земли современных латиноамериканских республик Боливии, Аргентины, Уругвая и Парагвая. Однако и в таком урезанном виде вице-королевство Перу значительно превышало по своим размерам метрополию и продолжало оставаться важнейшим звеном испанских колоний.

Многочисленная армия королевских чиновников представляла интересы испанской короны в ее заокеанских владениях. Высшая власть вверялась вице-королям — наместникам испанского короля, правившим от его имени и располагавшим всей полнотой политической, юридической и военной власти на подведомственной им территории.

Ступенькой ниже на иерархической лестнице находились члены аудиенсии — органа колониального управления с широкими административными и судебными полномочиями. Аудиенсия выполняла совещательные функции при вице-короле, ее члены замещали вице-короля, если он долго отсутствовал или болел, следили за выполнением колониального законодательства. Среди чиновников аудиенсии — ойдорес — были судьи, казначеи и

протекторы — особые коронные покровители индейцев. В аудиенсии главенствовала испанская титулованная знать. Она сидела в Лиме, главном городе вице-королевства Перу, и зачастую плохо знала, что делается на обширных подвластных ей просторах.

Для управления провинциями, глубинными районами, вице-король или аудиенсия назначали губернаторов, или коррехидоров (от испанского «коррехир» — «исправлять») на срок от трех до пяти лет. Те в свою очередь возглавляли кабильдо — органы городской власти провинциальных центров, ведавшие всеми местными административными и хозяйственными делами.

Однако высший административный орган, занимавшийся глобальной разработкой колониальной политики Испании в законодательной, политической и экономической областях, находился в Мадриде, за многие тысячи километров от Испанской Америки. Речь идет о Верховном Совете по делам Индий¹ (далее — Совет по делам Индий), учрежденном в 1511 г. Он был наделен огромными полномочиями: назначал и смещал вице-королей и других должностных лиц всех рангов — светских и духовных; контролировал деятельность колониального аппарата; как высшая апелляционная инстанция вершил суд и расправу над жителями колониальных владений. Совет по делам Индий, перед которым отчитывались вице-короли, возглавлял министр по делам Индий, бывший в свою очередь членом королевского правительства. Все нити этой централизованной системы колониального управления сходились в руках испанского монарха, лично утверждавшего все решения Совета по делам Индий.

Какие же этнические, экономические и социальные процессы были характерны для различных частей Испанской Америки? За два с половиной века, прошедших с начала завоевания, изменился облик Древнего Перу. Многочисленные индейские племена, жившие на засушливом побережье, были вытеснены со своих земель и в основном уничтожены. Вдоль побережья протянулись обширные сахарные, хлопковые и другие плантации и поместья, принадлежавшие потомкам испанских завоевателей. Плантации обрабатывались руками завезенных сюда рабов — африканских негров.

Индийские народы по-прежнему обитали главным образом в высокогорных долинах Анд. В отличие от малочис-

населенной, полупустынной Косты (побережья) Сьерра (нагорье) оставалась преимущественно индейской. Наиболее компактно были заселены горные склоны и равнины вокруг древних городов Куско, Пуно и Арекипа, а также обширное плоскогорье в окрестностях озера Титикака. На этих землях, издревле принадлежавших высокоразвитым индейским народам, и спустя два века после конкисты жили потомки и наследники их культуры — индейцы кечва и аймара.

Как и в древности, индейцы продолжали заниматься земледелием, возделывая такие традиционные сельскохозяйственные культуры, как маис (кукуруза), киноа (вид проса), перец, фасоль, картофель. Они разводили одомашненных ламу и альпаку. Из европейских культур здесь прижился ячмень, из завезенного европейцами скота прижились овцы, козы, ослы, мулы.

Достижения более передовой европейской сельскохозяйственной техники практически не затронули хозяйственный уклад индейских общин. Традиционный инвентарь, преимущественно деревянный, остался неизменным. Принадлежали прошлому и многие выдающиеся достижения древних инков в области высокогорного земледелия, такие, как террасирование склонов и система ирригационных каналов, бывших одной из главных забот инкской администрации. В своем большинстве террасы были заброшены или разрушены, техника обработки полей была забыта. Количество обрабатываемых земель сократилось.

Признававшиеся колониальным законодательством формально свободными индейцы Анд большей частью были отданы под власть испанской короны и низведены ею до положения вассалов испанского короля, как выражались официальные документы, «своего естественного сеньора». Индейцев лишили личной свободы и права передвижения. Именно индейские народы стали той основой, на которой зиждилась вся система колониального угнетения.

Испанцы уничтожили самобытную государственность кечва: ее высшую правящую иерархию — династию инков, сложную, разветвленную систему управления. Однако испанские колонизаторы частично сохранили и приспособили к своим целям низовые звенья древней социальной структуры: общину — айлью и тесно связанный с ней институт касиков².

Индийская айлью с ее древними земледельческими традициями, высокоэффективной организацией коллективного труда и самообеспечения давала возможность испанцам «без коренной экономической перестройки создать колониальную систему», пишет советский историк И. К. Самаркина. «Быстро оценив выгоды, которые в перспективе сулила эксплуатация айлью, испанская корона направила усилия на сохранение и интегрирование ее в колониальную систему»³.

Особая роль в деле приспособления индийской общины к новым, колониальным, условиям отводилась местным правителям, касикам, — среднему и низшему административному звену в государстве инков.

Испанцы вменяли касикам в обязанность сбор подушной подати — трибута, которую коренное население должно было выплачивать испанскому королю. Подать составляла львиную долю всех колониальных доходов испанской короны. Для королевских чиновников и духовенства касик с его неоспоримым, освященным временем авторитетом в глазах рядовых индейцев, с его знанием языка, бытового уклада, психологии коренных жителей стал главной фигурой в процессе включения индийского населения в систему колониальной эксплуатации. Другими словами, индийского общинника закабалляли с помощью индийской элиты и индийских традиционных институтов.

В документах колониального периода касики обозначались еще термином «сеньор натураль», т. е. туземный, или индийский, правитель. Испанское законодательство XVI—XVII вв. настойчиво рекомендовало местным властям «защищать наследственные права касиков на их земельные владения, собственность и привилегии... согласно древнему праву и обычаю»⁴. Покровительством испанской короны пользовались не только собственно касики индийских общин, но и представители древней индийской аристократии, в частности потомки инкской династии, весьма многочисленные.

Ряд привилегий закреплял за индийской знатью ее особое по сравнению с рядовой индийской массой сословное положение. Индийские касики получили право присоединить к своему имени подобно испанским аристократам приставку «дон», одеваться на испанский манер, пользоваться холодным оружием «для защиты и украшения своей персоны» (так гласит один из королевских

указов XVI в.), ездить верхом, разводить и покупать вьючный скот. Все это строжайше запрещалось простым индейцам. Касики подсудны были лишь королевской аудиенсии, и им разрешалось обращаться с жалобами и прошениями непосредственно к испанскому королю. Наконец, что особенно важно, касики и их старшие сыновья освобождались от уплаты подушной подати, а зачастую и от всех видов личной службы в шахтах, ткацких мастерских, поместьях испанцев. За ними закреплялись в личную собственность земельные владения, передававшиеся по наследству. Индейские правители получали от индейцев вверенных их попечению общин ежегодную подать; имели в личном распоряжении слуг и располагали достаточной свободой для злоупотребления своей пусть ограниченной, но властью.

Так, например, касик провинции Чукито в 1567 г. владел 20 га земли, которые обрабатывали индейцы-общинники. В различных селениях ему принадлежали 10 пастбищ и стадо лам в 300 голов. Индейцы выплачивали касику подать плащами и одеждой. Для работы в его усадьбе ежегодно выделялось 40—50 индейцев, занимавшихся продажей зерна, овощей, шерсти и выполнявших другие хозяйственные поручения. Семья касика Чокеванка из Асангаро к концу XVIII в. владела 16 усадьбами и стадом мулов, овец, лам⁵.

Неудивительно, что многие индейские вожди, получив возможность обогащаться в условиях колониальной системы, превращались в угнетателей своего народа и интересы испанской короны защищали как свои собственные. К их числу принадлежал, например, и знатный индеец Бустаманте Карлос Инка, автор опубликованного в 1773 г. дневника путешествия, которое он проделал из Буэнос-Айреса в Лиму. Убежденный испанofil, Бустаманте Карлос не только закрывал глаза на бедствия своих соотечественников, но и прямо утверждал, что индейцы не могут желать лучшего правления, чем то, которое даровала им испанская корона. Это был один из многих индейских вождей, «порабощенных духом, полностью подчинивших себя интересам и требованиям хозяев, презревших голос крови,— врагов своего народа», — пишет известный боливийский ученый и писатель Хесус Лара⁶.

Таким образом, в лице индейской аристократии испанская монархия создала социальную опору, ставшую

проводником и орудием ее колониальных устремлений, и тем самым провела глубокий водораздел между немногочисленной элитой и массами рядовых индейцев, на плечи которых и легло все бремя колониальной эксплуатации. Однако не все касики стали пособниками колониального режима. Некоторые из представителей этого древнейшего института, олицетворяя коллективные интересы индейской общины, как этого и требовала традиция, встали на защиту индейцев перед лицом тяжелой колониальной действительности, находясь в открытой или скрытой оппозиции к ней.

Итак, индейский касик теснее всех соприкасался с индейским крестьянином-общинником. За его спиной стоял коррехидор.

Институт королевских коррехидоров был учрежден в 1565 г. Главная их задача заключалась в том, чтобы «обеспечивать справедливость и порядок в жизни индейцев и защищать их от посягательств со стороны священников, индейских касиков и жителей новых городов»⁷.

Согласно закону коррехидору поручался пристрастный надзор за жизнью индейцев: объезжая свои владения, он должен был лично проверять, как соблюдались королевские указы; ежегодно составлять списки налогоплательщиков; смотреть за сохранностью дорог и мостов; следить, чтобы не отправлялись языческие культы, чтобы индейцы не носили огнестрельного и холодного оружия (и ослушников примерно наказывать), чтобы в селениях не пили горячительных напитков и т. д.

Однако из фигуры, призванной противостоять хищническим устремлениям испанских колонистов, коррехидор превратился со временем во всемогущего владыку, обладавшего бесконтрольной и неограниченной властью над жизнью индейских общин, вверенных его «отеческим заботам». Плодами этой власти он не захотел делиться ни с кем: «Каждый коррехидор в своей провинции вице-король», — недвусмысленно гласит документ эпохи⁸.

Обычно коррехидоры набирались из числа состоятельных испанских дворян, предпочтение отдавалось офицерам испанской армии, отличившимся в военных действиях в Европе. Из 62 коррехидоров, управлявших в колониальный период провинцией Кондесуйо (центр — город Арекипа), большая часть принадлежала к военно-религи-

озным орденам Сантьяго и Калатравы и находилась в тесных родственных связях с колониальной знатью⁹.

В колониальной жизни Перу XVIII в. не было фигуры более одиозной, чем фигура коррехидора. «Торговцы и судьи в одном лице, они по своей необузданной страсти к богатству по справедливости могут называться скорее грабителями, чем исправителями», — читаем мы в официальном сообщении конца XVIII в.¹⁰

Сам коррехидор получал весьма мизерное жалованье. А поскольку он покупал свой пост за деньги, то, естественно, за пятилетнее «царствование» стремился выжать максимум возможного из индейцев и метисов, нещадно их эксплуатируя.

Среди таких средств обогащения, как спекуляция, ростовщичество, прямое воровство (коррехидоры держали у себя один из трех ключей от общинных касс, где временами скапливались запасы на 100 тыс. песо и куда они без стеснения запускали руку), самым прибыльным считалось репартимьенто¹¹, или сокращенно — репарто, принудительная распродажа европейских товаров.

Обычно коррехидоры чуть ли не ежегодно объезжали индейские селения, заставляя каждого индейца покупать любые, даже ненужные предметы по взвинченным (в 5—6 раз) ценам. Индейцам насильственно навязывали дорогие ткани — бархат и атлас, бритвенные приборы и шелковые чулки, зеркала и очки, табакерки, карты и кольца, перья, бумагу и книги, даже руководства по правилам хорошего тона, духовную и светскую литературу. Среди принудительно продававшейся книжной продукции фигурировали 14 томов сочинений Б. Х. Фейхоо, испанского просветителя, и монументальная «Киропедия» — прославление завоеваний персидского царя Кира, принадлежащая перу великого греческого историка Ксенофонта. Не насмешка ли! Ведь все это предназначалось для полунищих, забитых, неграмотных индейцев, которые в подавляющем большинстве не владели испанским языком. В одной из челобитных 70-х годов XVIII в. есть такие строки: «Все эти коррехидоры пускают в продажу все, что им заблагорассудится, и при этом товары, ненужные индейцам, так что скоро дождемся, когда эти воры начнут продавать нам молитвенники, трески и рысы, чтобы мы могли служить обедню, и камилавки, чтобы сделать из нас докторов богословия»¹². Перуанский исто-

рик Модесто Басадре в прошлом столетии видел в доме одного индейского касика мраморный бюст Минервы, сохранявшийся как реликвия; бюст был куплен родителями индейца в конце XVIII в. во время одного из таких репарто.

Если индеец не выплачивал в положенный срок деньги, коррехидор отбирал в залог у него скот, сажал под арест его жену и детей, заколачивал дом, превращал отчаявшегося должника и всех его домочадцев в своих слуг и рабов. В результате всех этих бесчинств коррехидорам удавалось собирать за свое правление от 60 тыс. до 300 тыс. песо. Установлено, что только в 1746 г. коррехидоры «продали» перуанским индейцам товаров на 10 млн. песо¹³.

А вот что писал о незаконной торговле в одном из обличительных посланий испанскому королю вождь индейцев аймара Томас Катари: «Без сомнения, тиранические репарто коррехидоров есть главная причина разрухи всего королевства, потому что с их помощью не только сам коррехидор сдирает с нас шкуру, но и заместители, казначеи и присные его, что видно на примере коррехидора дона Хоакина Алоса: этот продал почти на 400 тыс. песо. Его заместитель с женою выручили еще большую сумму, другой заместитель... столько же, помимо прочих пособников, твердо уверенных, что после коррехидора и его помощников наступает их очередь нагружаться добром, а бедные индейцы остаются ни с чем»¹⁴.

Однако у коррехидора были и другие пути обогащения. При сборе подушной подати, которую индейское население выплачивало испанскому королю, фигурировало два списка. В официальный включались трудоспособные мужчины от 18 до 50 лет; в тайный — все индейцы поголовно: от малолетних детей до глубоких стариков, а также инвалиды, умалишенные, умершие и беглые. Индейская община под страхом телесных наказаний расплачивалась за всех и, случалось, не единожды. Поступления по тайному списку — падронсильо — исчезали в бездонных карманах коррехидоров. Стоит ли удивляться, что действия этих королевских чиновников вызывали повсеместное негодование и протест.

Но не только касик, не только коррехидор беззастенчиво обирали индейца. Наследникам испанских конкистадоров — завоевателей — владельцам богатых имений —

асенд, собственникам тысяч голов скота, горнодобытчикам все больше и больше требовались дешевые рабочие руки. И выход был найден в жестко регламентированном, принудительном труде коренных жителей колонии — индейцев.

Согласно указу Филиппа II от 1574 г. индейцы должны были отбывать трудовую повинность «по причине своего язычества». Трудовая кооперация — мита — применялась в государстве инков на общественных работах: ремонте дорог и мостов, строительстве дворцов и храмов и т. д. Колониальные власти превратили миту в централизованную систему обеспечения рабочей силой различных отраслей хозяйства, придав ей небывало массовый и хищнический характер. Для любого вида деятельности, признанного, говоря словами официального документа, «полезным государству и королевской казне», разрешалось использовать индейцев, шла ли речь об обработке плантаций хлопка, коки (кустарник, листья которого содержат кокаин), сахарного тростника, о выпасе скота или обслуживании хозяйства богатых землевладельцев — асендадо, священников и монастырей.

Наиболее изощренные, варварские формы принял принудительный труд индейцев в обрахе, примитивных ткацких мастерских, и на горных промыслах, где царили самые бесчеловечные условия труда.

Испанская метрополия, рассматривавшая свои колонии лишь как источник поступления драгоценных металлов и продуктов сельского хозяйства, всячески тормозила развитие местной промышленности. Готовые изделия, ткани и одежда, предметы первой необходимости ввозились из Испании, облагались высокими таможенными пошлинами и стоили очень дорого. Потребность в одежде, а следовательно, и в тканях, в колониях была весьма велика. Вот почему уже в конце XVI в. в Перу появились первые ткацкие мастерские.

В горах владельцами обрахе становились собственники мелкого скота (некоторые стада насчитывали до 80 тыс. овец), на побережье и в жарких долинах рек — владельцы плантаций хлопка и технических культур, среди них были как обладатели знатных титулов, так и военные, и члены кабилдо: ведь изготовление тканей и предметов одежды приносило огромный доход. Обрахе могли принадлежать и испанской короне, и индейской общине.

В последнем случае произведенными тканями община выплачивала налоги в королевскую казну.

Всего во второй половине XVIII в. в вице-королевстве Перу насчитывалось более 300 обрахе, в том числе более 50 в окрестностях Куско. Существовал огромный внутренний рынок — ежегодно жителям вице-королевства Ла-Платы отсюда поставлялось одежды и тканей на сумму около 1 млн. песо.

В отдельных обрахе производилось до 100—150 тыс. вар* различных тканей, в наиболее крупных работало до 400—450 индейцев¹⁵.

Обрахе обычно строились возле воды. В горных мастерских сучилась пряжа из шерсти овец, ламы, выделялись различного качества шерстяные ткани, из которых индейские мастера изготавливали одеяла и ковры, пончо и юбки, шали, плащи и т. д. Значительные доходы приносили шляпные мастерские в городах Потоси и Куско. В обрахе на побережье вырабатывались тонкое хлопчатобумажное полотно, парусина, мешковина и т. д. Власти строго следили за тем, чтобы применялись только примитивные ткацкие станки. Большая часть обрахе, особенно в Сьерре, под названием энтеро полностью обеспечивалась за счет окрестных индейцев. Владельцы мастерских нанимали специальных людей — гуатако, которые охотились за индейцами и стогнали их в обрахе насильно. Вереницы индейцев с цепями на ногах или привязанные за волосы к хвостам лошадей — обычная сцена на горных дорогах того времени. Мастерские служили одновременно и долговой ямой, и тюрьмой, поскольку индейцы отработывали здесь долги и наказание за проступки. Если подневольный работник умирал, не расплатившись с долгами, их отработывали члены его семьи.

В обрахе индейцев отправляли на 312 дней в году. Все это время каторжного труда индейцы называли «годом зарубок»: зарубками они отмечали каждый прожитый день. Во всем царил чудовищный произвол. Трудились от зари до зари, практически бесплатно: часть заработка отдавалась коррехидору для уплаты налога, другую часть забирал владделец обрахе за так называемое «содержание». Обычно индейцев запирали на целый день, пока они не выполняли положенной нормы, за малейшееслушание

* Вара — испанская мера длины, равная 83,5 см.

их жестоко избивали. На вспомогательных операциях широко использовался труд индейских детей.

Мастерские — один или несколько сараев, обнесенных стеной, закрывались тяжелыми воротами. Побегι исключались. Обязательную принадлежность обрабе составляли колодки, цепи, ошейники, подвалы, предназначавшиеся для «нерадивых и провинившихся». По свидетельству очевидцев, жены и старые матери оплакивали своих сыновей, осужденных на эту пытку, как если бы они уже умерли.

Однако символом и кульминацией колониальных злоупотреблений была горная мита — каторжная повинность индейцев на разработках драгоценных металлов. Американские недра чрезвычайно богаты залежами металлов. Всего к концу колониального периода в различных провинциях вице-королевств Перу и Ла-Платы разрабатывалось 1400 месторождений. К самым крупным относились серебряные копи в окрестностях города Потоси, к юго-востоку от озера Титикака. Испанская корона, получавшая значительные отчисления, щедро раздавала горные разработки на откуп частным лицам с целью интенсификации добычи золота и серебра.

Первые два столетия добыча металлов считалась почти единственным источником колониальной прибыли. Вице-король Франсиско Толедо писал королю в 1580 г., что, если бы индейцы покинули шахты, нечем стало бы удовлетворять потребности испанской монархии и «вице-королевство погибло бы»¹⁶. Согласно закону седьмая часть податных индейцев раз в семь лет должна была отработать 18 недель в году на рудниках, после чего им разрешалось вернуться домой; владельцев рудников обязывали оплачивать индейцам дорогу и работу в шахтах, при этом запрещалось вывозить индейцев далее 100—120 км от их селений. Одновременно рекомендовалось использовать и труд вольнонаемных рабочих. На практике все указанные постановления нарушались.

Шахтовладельцы, наживавшиеся на изощренной эксплуатации индейского труда, были крайне заинтересованы именно в рабочих-митайо. Уже упоминавшийся вице-король Толедо утверждал, что если бы им отдали половину всех индейцев, они потребовали бы и вторую.

И это не случайно. Владельцы рудников предпочитали митайо вольнонаемным рабочим, потому что последним

приходилось платить в 4—5 раз больше, а за счет дарового труда каждого индейца-митайо горнодобытчики Потоси в начале XVII в. получали до 300 песо прибыли ежегодно; только на оплату дорожных расходов митайо владельцы шахт экономили до 180 тыс. песо в год¹⁷.

Непосильный труд, бесчеловечное обращение, отказ владельцев шахт соблюдать самые элементарные нормы безопасности вели к высокой смертности индейцев-шахтеров. В одном обличительном документе 1657 г., направленном королю, сообщалось, что ртутные шахты в Уанкавелике опустошили девять окрестных, некогда процветавших провинций. Индейцы работали на глубине свыше 400 м, разутые и раздетые, отравляемые ядовитыми ртутными испарениями, кровь сочилась у них изо рта и ушей. Они неделями не покидали забоев и к концу срока превращались в безнадежно больных. Вот почему в окрестностях Уанкавелики индейские матери нередко калечили своих детей, чтобы избавить их в будущем от подобной смерти.

В 1777 г. 30 тыс. индейцев со всех концов Перу согнали на шахты Потоси, многим из них пришлось пройти путь в полторы тысячи километров, на что ушло два месяца. Как правило, только один митайо из пяти выживал. Подсчитано, что в течение колониального периода на шахтах погибло более 8 млн. индейцев.

Для многих представителей колониальной администрации были очевидны чудовищные последствия «серебряного» геноцида. Даже отнюдь не сентиментальный королевский чиновник Хосе Антонио де Арече, о котором пойдет речь позже, писал в частном письме 1777 г.: «И самое огрубевшее сердце не может спокойно видеть, как прощаются со своим домом каторжные индейцы, потому что если уходят 100, хорошо если обратно вернутся 20»¹⁸.

Прибавьте к этому притеснения со стороны приходских священников, испанских землевладельцев — асендадо, тогда понятными станут слова о том, что «для индейцев только воздух и был свободным». Об этом хорошо сказали испанские ученые Хорхе Хуан и Антонио де Ульоа, свидетели колониальных порядков в Перу середины XVIII в.: «Нельзя без слез взирать на злосчастную, убогую и безнадежную судьбу народа, чья единственная вина — простодушие и природное незнание — обрекли его

на рабство столь тяжелое, что по сравнению с ним можно назвать счастливыми рабов африканских»¹⁹.

Попытки испанских властей ограничить произвол владельцев ткацких мануфактур и рудников не давали никакого результата. Такова, например, и судьба указа 1621 г., запрещавшего строить ткацкие мастерские вблизи индейских селений, дабы владельцы обрахе не заставляли работать на себя живших там индейцев. В 1664 г. вице-король Сантистебан издал распоряжение точно установить рабочий день и жалование шахтеров-индейцев, а также прекратить использовать труд детей и престарелых. Однако, как справедливо заметил английский историк К. Маркхэм, «он так и не поколебал института миты... а его спасительные указы искусно саботировались»²⁰. И не случайно. Мало заклеить злоупотребление или исправить его «мудрым» постановлением, необходимо было решить проблему дешевых свободных рабочих рук, помимо индейцев, что противоречило бы всей практике колониальной эксплуатации американских владений Испании.

Известно, что в России XVIII—XIX вв. труд крепостных или зависимых, временно обязанных крестьян широко использовался в суконном производстве и на горных заводах Урала, при этом крестьяне насильственно отрывались от хозяйства и превращались в рабочих людей. В. И. Ленин считал эти отношения «примером того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»²¹. Система миты в ткацком и горном производствах колониальной Америки содержала, на наш взгляд, некоторые сходные черты.

В результате сложившейся колониальной системы угнетения к концу XVIII в. индейское население — общинники, батраки, а также рабочие шахт и мастерских — были фактически низведены до положения сословно неполноправных крестьян, опутанных такими формами эксплуатации, близкими к крепостничеству, как долговое рабство, различные виды отработок.

Численность индейцев резко сократилась. Если в начале конкисты на территории Перу проживало, по различным данным, от 6 млн. до 10 млн. индейцев, то, по данным переписи 90-х годов XVIII в., — немногим более 600 тыс.²²

Конкиста принесла в мир индейцев не только социальные, но и этнические перемены. Вице-королевство Перу конца XVIII в. представляло собой многоукладное иерархическое кастовое общество, весьма пестрое в социальном и этническом отношении. В этом, по выражению чилийского социолога А. Липшутца, «царстве пигментократии» исключительное значение придавалось цвету кожи. По канонам колониалистской философии, коренные жители страны — индейцы — считались «подлой расой».

Таким образом, в добавление к социальному гнету индейцы подвергались и национальному, составляя наиболее униженную касту колониального Перу. К ним примыкала абсолютно бесправная, относительно немногочисленная прослойка негров, работавших на сахарных плантациях, в помещичьих асьендах перуанской Косты, обслуживавших хозяйство жителей крупных городов.

В продолжение двух столетий, с начала эпохи конкисты, в вице-королевстве Перу активно происходил процесс метисации — смешения различных этнических общностей. Потомство от браков негров и европейцев получило название мулаты, от негров и индейцев — самбо, от индейцев и испанцев — метисы. Число лиц смешанного происхождения к концу XVIII в. значительно выросло.

Метисы, порвавшие связи с индейской общиной, занимались мелкой торговлей, ремеслом, работали пеонами — батраками в поместьях испанцев, подмастерьями на мануфактурах, особенно большое число их проживало на побережье и в городах. Испанская корона рассматривала метисов как более привилегированную по сравнению с индейцами касту: они не платили подать. Подобно мулатам метисы, лишенные гражданских прав, не могли занимать чиновничьих и офицерских должностей, участвовать в выборах городских органов управления.

К концу колониального периода среди разбогатевших метисов и мулатов наметилось стремление «обелиться», отречься от индейских или негритянских корней, чтобы обрести более высокий социальный статус. Такую возможность предоставляла сама испанская корона, с разрешения которой можно было купить специальный документ — «грасиас а сакар», санкционировавший переход его владельца в «разряд белых», невзирая на цвет кожи.

По-прежнему чужеродным элементом оставались пенинсуларес — испанцы, выходцы из метрополии, цвет колониальной знати: вице-короли, члены аудиенсий, коррегидоры, военные, епископы. Среди приезжих испанцев попадались и разорившиеся дворяне. Они оседали в колонии на короткий срок и стремились к личному обогащению любыми средствами.

Испанцы, родившиеся в Америке, назывались креолами. Потомки первого поколения конкистадоров и колонистов, они считали себя европейцами, хотя зачастую в их жилах текла и индейская кровь. Они представляли новую земельную и денежную аристократию, разбогатевшую на плантационном хозяйстве, торговых операциях и добыче драгоценных металлов. Среди креолов встречались и мелкие землевладельцы, мелкие чиновники, военные, низшее духовенство.

В документах той эпохи креолы часто называли себя, очевидно в пику выходцам из Испании, «сыновьями или Отцами Отечества», имея в виду американскую землю, на которой они родились. Другими словами, креол как Отец Отечества (оба слова писали с заглавной буквы) считал себя патриотом, испанца же — всегда чужеземцем. За испанцами закрепилась презрительная кличка чапетонес (новобранцы, новички). Характерна реплика жителя Куско, знатного испанца дона Симона Гутьерреса, согласно которой «легкомысленное и вульгарное звание Отцов Отечества присвоено людьми, враждебно настроенными по отношению к испанской нации» (3, 29).

Креолы, испытывавшие на себе воздействие индейской культуры и в ряде случаев осознававшие свою причастность к историческим судьбам метисов и индейцев, стремились тем не менее к равенству с чистокровными испанцами, чтобы превратиться в полноправных хозяев страны. Однако всей сутью колониальной политики испанская монархия решительно препятствовала осуществлению этого стремления.

Формально испанское законодательство предоставляло равные права в управлении колониями испанцам и креолам. Однако на практике креолы третировались испанцами как «нечистокровные» и в редких случаях допускались к высшим гражданским и духовным должностям, связанным с реальной властью. Из 170 вице-королей в Испанской Америке до 1813 г. только четверо родились

на ее земле, когда их отцы, выходцы из метрополии, служили в колониях; все четверо получили воспитание в Испании. Из 602 генерал-капитанов, президентов аудиенсий и губернаторов лишь 14 были креолами, из 706 епископов несколько больше — 105. О том, сколь остро воспринимали креолы свое политическое неравноправие, говорит памфлет под названием «Речь о предпочтении американцев в занятии должностей в Америке», написанный деятелем освободительного движения времен войны за независимость (1810—1826) адвокатом из Чукисаки М. А. Альваресом. Вот характерный отрывок: «Наши города управляются теми, кто их не основывал, а церкви — теми, кто их не воздвигал. Выходцы из Кастилии и Леона стали хозяевами всех духовных и светских должностей»²³. Креолам были доступны главным образом среднее и низшее звено органов местного самоуправления.

Испанская метрополия, в течение двух веков всячески тормозившая развитие экономики и торговли колоний, подвергала их жителей обременительному налоговому гнету. Огромный источник королевских доходов составляли поступления от продажи гражданских должностей — адвокатов, нотариусов, казначеев и т. д. — в размере половины годового оклада, так называемая медиа аната. Налог платили владельцы дипломов об окончании университетов, а также врачи, аптекари, цирюльники, ткачи и т. д.; лансас выплачивали владельцы знатных титулов; сиса взималась со всех в пользу муниципалитетов на сооружение дорог, крепостных стен, памятников. Так, мост через реку Римак в Лиме был построен на 185 тыс. песо, собранных в счет сисы. Аррерия взыскивалась со всех товаров, ввозившихся и вывозившихся из колоний (эти поступления шли на содержание испанского флота); алькабала — торговый сбор — начислялась при любой купле-продаже. Мелкие и крупные торговцы регулярно отчитывались в своих доходах перед специальными сборщиками алькабалы. Всего насчитывалось около 20 видов налоговых обложений, включая и многочисленные церковные поборы: десятину, «на святой храм в Иерусалиме», «на крестовые походы» и т. д.

Дополнительным и немалым источником дохода для королевской казны служила торговая монополия. Испанская корона монополизировала торговлю практически все-

ми товарами, которые могли принести прибыль: от табака, вина, пороха, гербовой бумаги до мороженого, соли и перца. Все эти товары продавались в специальных лавках (их в народе называли эстанко) по очень высоким ценам. С помощью налогов метрополия не только душила местную зарождавшуюся креольскую буржуазию, но и заставляла ее делиться своими доходами.

Представление о накале антииспанских настроений в креольской среде дает отрывок из письма коррехидора Арриаги от 11 июля 1780 г. вице-королю в Лиме: «Все креолы без каких-либо исключений — смертельные враги европейцев и до такой степени, что эта ненависть распространяется даже и на отцов, виданное ли это дело ненавидеть своего отца только потому, что он — испанец. И как можно любить короля, если он не американец»²⁴.

Что же касается жителей горных андских селений — индейцев кечва и аймара, то для них фигуры испанского чиновника — коррехидора — и его помощников; креолов — владельцев шахт и обрахе; землевладельцев-асендадо представлялись одинаково ненавистными, у них было одно лицо — лицо беспощадного угнетателя.

* * *

К концу XVIII в. в вице-королевстве Перу насчитывалось 1300 тыс. жителей, причем европейцев (испанцев и креолов) было 12,6% всего населения, негров и мулатов — 3,7%. Даже в крупных городах Сьерры испанцы оставались в меньшинстве, только в Куско, столице всего нагорья, испанцы и креолы составляли половину от 32 тыс. жителей города. В 1791 г. в провинции Абанкай на 22 тыс. коренного населения приходилось 2 тыс. испанцев и креолов, в Тинте на 35 тыс. индейцев — 324 испанца, в Урубамбе на 9 тыс. индейцев — 835 испанцев²⁵.

Притом что между кастами колониального Перу существовали подчас непримиримые противоречия, их всех объединяла ненависть к испанскому колониальному режиму. Жесткая политическая и экономическая дискриминация, бесправие вызывали возмущение и протест индейцев — общинников и пеонов; мулатов и метисов — ремесленников и городской бедноты; креолов — землевладельцев, купцов и владельцев мануфактур. К середине XVIII в. сложилась определенная общность интересов ин-

дейского, метисного и креольского населения, пробудилось национальное самосознание.

По мнению аргентинского историка Б. Левина, в Перу к концу колониального периода наметились «два революционных течения — креольское и индейское, хотя в каждом из них были представители этих двух слоев колониального общества... Эти революционные движения временами переплетались, временами развивались параллельно, но в конечном итоге оба включились в непреклонную борьбу с испанским режимом» ²⁶.

Между тем приближались 80-е годы XVIII в., подходил к концу колониальный период. С середины 50-х годов эконсмика вице-королевства Перу переживала все углублявшийся кризис, тяжелым бременем ложились на страну военные расходы: население колонии расплачивалось за оборону огромных владений Испании в Южной Америке и за ее военные конфликты в Европе. Испанская корона на протяжении всего XVIII в. вела длительные, разорительные войны: 1701—1714 гг. — война за Испанское наследство; 1740—1748 гг. — война за Австрийское наследство; 1756—1763 гг. — Семилетняя война (последняя поглотила 89,5% всех доходов вице-королевства Перу). Метрополия требовала все новых и новых поступлений от своих американских владений.

Испанская монархия, возглавлявшаяся в 1759—1788 гг. королем Карлом III, представителем «просвещенного абсолютизма», осуществила ряд социальных и экономических реформ с целью укрепления колониальной империи. Была пересмотрена торювая политика: разрешены внутренние торговые связи между различными колониальными владениями; предпринята попытка регламентации мануфактурного производства и упорядочения административного устройства. Однако главным направлением колониальной политики Карла III продолжало оставаться безудержное ограбление природных и людских ресурсов американских земель.

14 марта 1776 г. Карл III назначил Хосе Антонио де Арече генеральным виситадором — инспектором вице-королевств Перу, Ла-Платы и провинций Чили. Надвигался новый испано-английский конфликт, вновь нужны были огромные средства. Согласно инструкциям миссия Арече «носила исключительно экономический характер»: виситадору следовало «изыскать дополнительные источ-

ники дохода», в связи с чем он получил исключительное право на ревизию и пересмотр всех налоговых поступлений в королевскую казну.

Так в Лиме появилась эта мрачная личность, инквизитор по образу мыслей и по призванию, наделенный чрезвычайными полномочиями. Королевский эmissар принялся за выполнение порученной ему миссии столь рьяно и методично, что последствия принятых им мер в кратчайший срок перешли из сферы экономической в социальную и политическую. Первым долгом он пересмотрел все податные списки и отдал приказ обложить «оброком» не только индейцев, как практиковалось ранее, но и всех подданных смешанного происхождения: метисов, мулатов, самбо. Таким образом, значительная по численности прослойка метисов была фактически уравнена по положению с индейцами, что вызвало взрыв недовольства. Только в 1779 г. в королевскую казну поступило около 6 млн. песо. И весьма своевременно, так как Испания объявила войну Англии на сей раз в качестве союзника английских колоний в Северной Америке. Испанское правительство срочно приступило к подготовке в Кадисе экспедиционного корпуса для отправки его в помощь английским колониям, которые начиная с 1775 г. вели ожесточенные сражения за свою независимость.

Между тем Арече продолжал политику выколачивания денег любой ценой: был увеличен до 12% налог на вино, от чего пострадали винодельческие креольские хозяйства побережья; с 4 до 6% — ненавистная алькабала, ее впервые обязали выплачивать и индейцев; пошлиной облагался даже урожай, снятый с окрестных полей. Во многих городах были установлены адуканы — таможни. Словом, не осталось в Перу такой социальной прослойки, которая не ощутила бы тяжелые последствия экстренных налоговых мер виситадора Арече.

Массовые протесты не заставили себя ждать. В 14 провинциях из 50 вспыхнули стихийные бунты и вооруженные мятежи. Первыми восстали жители Кочабамбы. Клич «Смерть таможенникам!» пронесся над страной. В январе 1780 г. вслед за Кочабамбой восстали жители Арекипы — крупного торгового и экономического центра Южного Перу. Они ворвались в помещение местной таможни и уничтожили все хранившиеся там документы. На следующий день власти поторопились ее закрыть и уволить не-

навиственных чиновников. «Заговорили» стены домов и католических соборов перуанских городов, на них запестрела «паскинес» — «поджигательные листки», глас возмущенного народа.

Вот что было написано в настенной листовке, появившейся 8 марта 1780 г. в городе Паска: «Проклятый Арече! Приходи сам собирать налоги. Вот соль, чтобы засолить и сварить тебя! Вот уголь, чтобы поджарить тебя... Только тогда мы обретем покой. Кровавый волк всего королевства, сам дьявол ждет тебя в аду. Ты — враг короны, разоритель Карла III!»²⁷.

В этом любопытном документе отразился не только накал бушевавших страстей, но и весьма характерное всеобщее заблуждение, что к налоговой политике Арече испанский король не имеет никакого отношения, а виноваты во всем местные правители.

Вскоре недовольные предприняли попытку организовать еще одно выступление, на этот раз в Куско, однако в январе — марте 1780 г. по доносу священника Кастьяноса власти раскрыли тщательно готовившийся план восстания. У истоков заговора стояли креолы, метисы, индейцы, в том числе видный горожанин Лоренсо Фарфан и индейский касик Бернардо Тамбоваксо; 400 жителей Куско — ремесленники, торговцы, а также жители окрестных селений ждали приказа взяться за оружие.

На допросе Тамбоваксо, выданный испанцам, сказал: «Для дела, которое мы задумали, нужно сердце большее, чем главная площадь в Куско» (2, 216). И такое сердце нашлось. Огромное, как вся страна инков, вместившее в себя боль и страдание всего индейского народа. Оно билось в груди индейского вождя Хосе Габриэля Кондорканки, который бросил дерзкий вызов испанской тирании.

КЛИЧ В ТИНТЕ

В лице его было что-то величественное: суровое от природы, оно редко освещалось улыбкой. Казалось, душа его постоянно пребывала в самосозерцании... вечно занятая великими помыслами.

Анонимный хронист XVIII в.

Утром 10 ноября 1780 г. главная площадь селения Тунгасука, что в провинции Тинта, южнее города Куско, гудела сотнями голосов. Вот уже второй день со всех концов сюда спешили вооруженные креолы, метисы и окрестные индейцы. Прокатился слух, будто на побережье объявились пираты, и сам королевский коррехидор дон Антонио де Арриага велел собирать людей для отпора морским разбойникам. Хосе Габриэль Кондорканки, местный касик, верхом на белом коне — так гласит устная легенда — делал смотр собравшимся отрядам.

Между тем на площади соорудили помост, на нем — виселицу, словно собирались казнить государственного преступника. И действительно, вскоре показалась процессия. Впереди нее следовал глашатай и громким голосом то на языке кечва, то на испанском выкрикивал: «Король, наш господин, повелел лишить жизни этого человека как мятежника!»

Гул удивления пронесся над толпой: в человеке, который взбирался на эшафот, все узнали грозу и хозяина этих мест — ненавистного Арриагу. Началась процедура разжалования. С коррехидора сорвали полковничий мундир и все знаки отличия. От имени испанского короля Карла III был торжественно оглашен указ: казнить корыстолюбивого чиновника постыдной казнью — через повешение — за насилие, невыносимые поборы, за жестокость, с которой он обращался с индейцами. Негр Антонио Облитас, сапожник и бывший раб осужденного, немедленно привел приговор в исполнение.

Глава местных индейцев Хосе Кондорканки обратился к собравшимся и сказал, что волей, дарованной ему ко-

ролем, он воздаст справедливую кару коррехидорам и всем чапетонес, которые тиранят народ. Он объявил, что уничтожит репарто, алькабалу и ненавистную миту. Призыв креолов, метисов и индейцев присоединяться к нему, Кондорканки убеждал их не жалеть своих голов, если они хотят добиться победы. «Вы хорошо знаете мою любовь к вам,— продолжал Хосе Габриэль.— Я сам готов погибнуть на виселице и пойду на смерть с радостью, лишь бы вернуть вам свободу». И он накинул на себя петлю, чтобы никто не усомнился в его искренности (2, 253—256). Так, по рассказам очевидцев, индейский касик Хосе Габриэль Кондорканки объявил войну испанскому колониальному режиму.

Однако кто уполномочил его говорить и действовать от имени Карла III? Это был тактический прием, расчетливая попытка предотвратить возможное сопротивление индейцев и метисов. Подавляющее большинство свидетелей и очевидцев казни коррехидора Арриаги не знали подлинных намерений касика, они были уверены, что действительно присутствуют при исполнении королевского указа.

Из разноречивых показаний, собранных впоследствии, стало известно, как развивались события. За неделю до своей казни коррехидор провинции Тинта Арриага праздновал в селении Янаока, в доме местного священника, день рождения августейшего монарха. Еще до окончания торжества Кондорканки, находившийся среди гостей, сослался на неотложные дела и покинул дом священника. Много позже разомлевший от обильной трапезы сеньор коррехидор был схвачен на пути домой по тайному приказу индейского касика. К ночи коррехидора и сопровождавших его слуг скрытно доставили и надежно спрятали в доме Кондорканки в селении Тунгасука. Вся «операция» прошла столь молниеносно, что о местонахождении испанского чиновника в последующие дни никто даже и не догадывался. По словам современника, «одни говорили, что он объезжает дальние селения, другие, что он по горло занят важными делами, не оставляющими ему досуга» (2, 253).

Видимо, Хосе Кондорканки тщательно разработал и детально продумал план действий: он был человеком недюжинной смелости, отваги, острого ума и безгранично верил в успех задуманного предприятия. Хосе Габриэль

все делает настойчиво, быстро, решительно. Обращает на себя внимание и то, что круг его единомышленников на начальном этапе чрезвычайно узок: очевидно, он боялся предательства. Кондорканки не мог не знать, что многие планы предыдущих восстаний так и остались плапами: их раскрывали доносчики.

Оказавшись пленником индейского вождя, Арриага становится орудием выполнения его замысла. Под давлением Хосе Кондорканки коррехидор подписывает несколько важных документов: письмо казначею в городе Тинта, чтобы тот немедленно доставил в Тунгасуку всю общественную казну и наличное оружие подведомственной ему провинции; и индейский вождь, так остро нуждавшийся в том и в другом, получает 22 тыс. песо; много золота в слитках; 75 мушкетов; лошадей и мулов и личное оружие коррехидора (2, 712).

В следующем письме Арриага приказывает доставить ему его постель, ножные кандалы (они предназначались для него самого) и, главное, ключи от всех общественных зданий в Тинте.

К испанцу Бернардо Ла Мадриду, владельцу обрахе Помоканчи, что в 20 км от селения Тунгасука, в те дни также пришло «послание Арриаги». Вот вкратце его рассказ. «5 ноября 1780 г. я получил записку за подписью, как мне показалось, моего друга полковника дона Антонио де Арриаги (коррехидора провинции Тинта) следующего содержания: „Дорогой друг! Как только прочтете письмо, немедленно отправляйтесь в Тунгасуку, нам нужно обсудить сегодня вечером несколько важных дел...“» Несколько удивленный, Ла Мадрид тем не менее вскочил на коня и поспешил выполнить приказ. Прискакав в Тунгасуку, он вошел в дом Кондорканки и застал его обедающим в окружении многочисленных родственников. Объяснив, что приехал по вызову коррехидора, Ла Мадрид спросил, где тот находится. «Он скоро будет здесь»,— ответил Кондорканки. «Я весьма поразился,— пишет испанец,— так как письмо было прислано из этого селения, и хотел тут же уехать по делам, не терпящим отлагательства». Тогда Хосе Габриэль вывел Ла Мадрида во двор и сказал, что в силу некоторых обстоятельств коррехидор скрывается у него и подвел его к дверям пристройки. «Я быстро вошел,— продолжает свой рассказ Ла Мадрид,— на меня тут же набросились

люди... вскоре я увидел и самого коррехидора, прикованного к колоде. Меня связали...» (2, 395—396).

Таким же образом Кондорканки удастся заманить к себе ближайших помощников коррехидора: казначея, секретаря, оружейных дел мастера, которым он предлагает перейти на свою сторону. Незаметно для всех в течение недели Кондорканки превращается в истинного хозяина провинции Тинта. Наконец, 8 ноября арестованный коррехидор Арриага по требованию Кондорканки скрепляет своей подписью последний приказ, обязывающий жителей всех окрестных селений за 24 часа собраться в Тунгасуке «ради службы королю и общественному делу»¹. Он созывает людей на собственную казнь... Остальное уже известно читателю.

Кто же был этот человек, дерзнувший открыто бросить столь смелый вызов владыкам колониального Перу?

Генеалогическое древо Хосе Габриэля Кондорканки уходило корнями в далекое и трагическое прошлое страны инков. Бунтарский дух он унаследовал от своего предка — Тупак Амару I².

Два столетия прошли с тех пор, как в 1572 г. на площади многострадального Куско по приказу вице-короля Франсиско де Толедо испанцы казнили юного Тупак Амару, последнего инку, последнего защитника героической Вилькапампы, горной крепости, которую 40 лет не могли покорить испанские завоеватели.

В живых осталась малолетняя дочь казненного, ньуста (принцесса) Хуана Пилькоуако. Из находящегося в Генеральном архиве Индий прошения, принадлежавшего перу Хосе Кондорканки, нам известно, что в 70-х годах XVIII в. он хранил у себя собрание документов, заполненных, по его словам, «старинными буквами» и передававшихся из поколения в поколение. Переплетенные в четыре объемистые тетради, они насчитывали свыше 500 листов (2, 39—42, 47). В них содержались неоспоримые доказательства происхождения Кондорканки от дочери казненного Тупак Амару I.

Согласно этим бумагам в 1609 г. Хуана Пилькоуако, к тому времени уже жена индейского касика Диего Кондорканки, прошла процедуру проверки и подтверждения своей принадлежности к инкской династии. 12 свидетелей, заслуживавших «самого высокого доверия», среди

них потомки инков, единогласно подтвердили следующее: когда в Куско по приказу дона Франсиско де Толедо доставили пленного Тупак Амару из провинции Вилькапампы, вместе с ним привезли донью Хуану и другую ее сестру грудного возраста, которых тот как дочерей «воспитывал и признавал». Девочек несли на носилках: ведь они были дочерьми Инки. Далее следует характерная деталь: свидетели своими глазами видели, как усадили на площади дочерей Тупак Амару, чтобы они наблюдали за казнью своего отца (2, 41).

Догадывался ли Кондорканки, не раз читавший этот старинный документ, что столь бесчеловечной сцене суждено будет повториться через 200 лет?

Блас Кондорканки, прадед Хосе Габриэля, взял в жены креолку Франсиску Торрес: в жилах их детей смешалась индейская и испанская кровь. В 1699 г. дед Хосе Габриэля — Бартоломе — был официально признан потомком Тупак Амару по прямой линии. В соответствии со знатым происхождением он получил право носить холодное оружие — шпагу и кинжал, ездить верхом и держать лошадей. В 1715 г. Бартоломе стал одним из 24 знатных индейцев, допущенных к выборам альфереса — знаменосца, носившего на праздничных церемониях штандарт города Куско (2, 46). Должность скорее декоративная, но престижная. Далее этого не простиралась щедрость испанской короны по отношению к бывшим хозяевам Перу.

* * *

В 120 км южнее Куско, в междуречье двух могучих водных потоков — Апуримака и Урубамбы, пробивающих себе путь на север среди отрогов Центральных Анд, расположилась провинция Тинта. Древние инки называли верхнее течение Урубамбы Вилькамайо, что значит Священная река. В ее долинах и на горных склонах издревле жили индейцы кечва. В самой северной части провинции Тинта, вокруг небольшого горного озера, находились наследственные земли семьи Кондорканки: селения Пампамарка и Тунгасука, на самом берегу, и Суримана, чуть выше, на горном склоне. В Суримане 19 марта 1738 г.³ и родился Хосе Габриэль — в семье потомственного касика Мигеля Кондорканки-и-дель-Камино.

Рано осиротевшего мальчика (сначала он потерял мать, а потом и отца) взяли на попечение два дяди, которые постарались дать племяннику хорошее образование.

Первым его учителем стал местный священник Карлос Родригес, в 15 лет Хосе отвезли учиться в древний город Куско.

Город двух народов, двух миров, двух культур, он, так же как и его новый житель, был метисом Анд: на домах и улицах лежала печать причудливого смешения индейских и испанских традиций. Кирпичные стены испанских домов покоились на каменных глыбах монолитной кладки времен инков, а на монументальных, циклопических блоках, бывших некогда фундаментом величавого инкского Храма Солнца и окружавших его храмов Луны и Звезд, высились стены монастыря Санто-Доминго, принадлежавшего ордену доминиканцев: вместе с конкистадорами завоевали они древнее Куско.

На развалинах дворца одного из последних инков — Вайна Капака — выросли башни иезуитского монастыря и церкви Ла-Компания. Неподалеку располагалось и закрытое учебное заведение — училище для знатных индейцев и касиков Сан-Франсиско-де-Борха, основанное в 1630 г. и названное в честь видного деятеля ордена иезуитов. Именно сюда и приехал учиться Хосе Кондорканки.

Школа предназначалась для «старших сыновей главных касиков», наследовавших родовые земельные владения своих отцов. В ее задачу входило обучение знатных индейских отпрысков «евангельской доктрине и христианской вере, дабы навсегда отвратить их от идолопоклонства, чтобы не следовали ему и остальные индейцы»⁴.

Открывая училище, колониальные власти стремились создать опору в рядах индейцев в виде прослойки легко управляемой элиты, послушно идущей в колониальной упряжке. Для новой касты «маленьких господ» (чтобы выпускников «не путали с обычными представителями их расы») считалось обязательным, во-первых, ношение обуви и, во-вторых, отпущенных до плеч волос. И если парадная форма с королевским гербом и шляпой с высокой тульей на испанский манер — дань европейским традициям, то длинные волосы — далеким языче-

ским временам: знатные правители инков весьма заботились о своей прическе, бывшей знаком их аристократического происхождения — ведь недаром обрезание волос у индейского в ждя почиталось за бесчестье.

Таким молодым аристократом, отделенным стеной словных предрассудков от рядовых индейцев, казалось бы, предстояло стать и новому ученику иезуитской школы Хосе Габриэлю Кондорканки, который проучился в ней шесть лет вплоть до 1759 г.

Юный Хосе проявил себя не только примерным, но и весьма любознательным учеником, легко одолевшим азы премудрости элементарного школьного курса: бегло читал по-латыни; свободно изъяснялся по-испански и, как отмечали современники, с особым изяществом на родном языке — кечва; немного знал библейскую историю и теологию, начатки права. Некоторые биографы уверяют, что молодой Кондорканки стал «доктором обоих прав» (теологии и права) и окончил университет Сан-Маркос в Лиме⁵. Правда, соответствующие документы не найдены, но все знавшие Кондорканки единодушно утверждали, что он был человеком образованным: и действительно, о нем с уважением отзывались даже его заклятые враги — королевские чиновники.

Сохранился устный портрет молодого Кондорканки, составленный креолом Пабло Астете: среднего роста, худощавый, с чисто индейской внешностью — орлиный нос, глаза живые и черные, кожа намного светлее, чем у индейцев, но и не такая светлая, как у испанцев. Учтивый и любезный, он с достоинством держался с властями и доброжелательно — с индейцами. Жил небедно, в дорогу отправлялся всегда в сопровождении слуг, а иногда и духовника. Часто приезжал в Куско. Обычно на нем были камзол, короткие панталоны из черного бархата, шелковые чулки (на коленях и на туфлях золотые застёжки); касторовая испанская шляпа и жакет из золотой парчи — вещи весьма дорогие и доступные лишь зажиточным людям дополняли костюм касика. На плечах — традиционный унку — шерстяная туника, на которой золотыми нитками вышит герб далеких предков. Волосы длинные, тщательно ухоженные, ниспадавшие на спину, — отличительный знак индейской аристократии. «Кондорканки весьма почитали во всех слоях общества», — так заканчивает свой рассказ Пабло Астете⁶.

По тогдашним, и не только индейским, стандартам он был состоятельным человеком: в наследство ему досталось 350 мулов. По землям провинции Тинта издревле проходил путь, связывающий север страны с так называемым Верхним Перу, нагорной областью восточнее озера Титикака, знаменитый почтовый тракт Лима — Буэнос-Айрес, основной наземный путь Южноамериканского континента. Погонным промыслом занимались многие индейские общины провинции Тинта. Кондорканки не составляли исключения, вот почему некоторые испанцы презрительно называли его «погонщиком мулов».

Сотни километров исходил по горным дорогам и перевалам Сьерры со своим караваном Кондорканки. Не раз бывал в знаменитых городах Верхнего Перу — Ла-Пасе и Потоси, в индейских селениях на берегах озера Титикака, в Куско и Арекипе. Перевозил сахар и вино, зерно и ткани, наблюдал собственными глазами, в какой безысходной нищете, в каком беспорядке живут поденщики-негры, подневольные метисы и индейцы, гнувшие спину на помещиков, священников, владельцев шахт и обрахе. Поездки распахивали его кругозор, предельно обнажено раскрывали перед ним всю неприглядную картину колониальной действительности. Не равнодушный наблюдатель, не покорный прислужник короля, а бунтовщик и мятежник созрел в молодом индейском касике Кондорканки. К тому же он вырос в семье, где бережно сохранялась память о далеких предках. В роду Кондорканки бороться за облегчение судьбы индейцев было традицией, освященной временем.

В возрасте 28 лет Кондорканки стал касиком наследственных селений — Суриманы, Пампамарки и Тунгасуки. Так наступил новый этап в его жизни: страстное стремление облегчить участь индейцев породило чувство ответственности за их судьбы. Испанское законодательство ограничивало круг полномочий касика сбором ежегодной подати и рассмотрением мелких тяжб среди индейцев. Молодого Кондорканки такое положение не могло удовлетворить. Он задался целью оздоровить жизнь индейских общин на своих землях: не только выплачивал из собственных средств налоги за разорившиеся семьи, поддерживал голодающих, но и всячески поощрял древние индейские традиции; в частности под его руководством на деревенских праздниках неоднократно ставилась

древняя кечванская драма «Апу-Ольянтай», действие которой разворачивается в эпоху инков.

Постепенно расширяется круг деятельности Хосе Габриэля. Кондорканки стремится в рамках законности, воздействуя на местные органы колониальной власти, добиться отмены наиболее ненавистных колониальных порядков. Индейский вождь берется за составление петиций и прошений. Подача челобитных является по своей сути первой, еще до конца не осознанной попыткой социального протеста. Это был уже бунт, но бунт на коленях. Фактами и цифрами Кондорканки убеждает колониальных чиновников в чрезвычайной пагубности института миты не только для жизни индейского населения, но и для экономики всей страны и самой метрополии — Испании. Он утверждает, что индейцы — главное богатство Перу. В качестве веских аргументов Кондорканки приводит соответствующие параграфы из Законов Индий, запрещавших принудительный труд индейцев, повторную отправку на рудники, вменявших в обязанность королевским чиновникам заботу о здоровье индейцев и справедливой оплате их работы. Он призывает испанские власти выполнять королевские постановления и примерно наказывать тех, кто их нарушает.

К каким же законам апеллировал молодой Кондорканки? Утверждают, что великий канцелярист — король-чиновник Филипп II любил повторять, будто в Индиях больше ценились хорошие обычаи, чем хорошие законы. Что касается последних, то испанский король, несомненно, имел в виду так называемые Законы Индий, непрерывно издававшиеся в Испании начиная с 1518 г. После длительной работы специально назначенного совета редакторов в 1680 г. увидел свет «Свод законов, действующих в Индиях» из девяти книг, при этом лишь в самом кратком изложении.

Каких только рекомендаций не содержал пресловутый свод: здесь были и советы хорошо обращаться с индейцами, справедливо оплачивать их работу и допускать к административным должностям, не разлучать индейских женщин с детьми и мужьями, строго наказывать тех, кто заставляет индейцев работать, как рабсв, и великое множество других, не менее «добрых» поучений. Примером законодательного лицемерия может послужить глава четвертая из седьмой книги свода. В ней

испанские придворные законодатели милостиво разрешали коррехидорам во время посещений индейских селений переносить себя на носилках только при отсутствии «вьючного скота или дорог», при этом «носилки должны были нести несколько индейцев не моложе 18 лет и чтобы на каждого приходилось не более 20 кг веса»⁷. Ни одному коррехидору, бесконтрольно распоряжавшемуся, как мы видели, жизнью индейцев, не пришлось бы в голову выполнять подобное распоряжение.

Какие цели преследовала испанская монархия, издавая подобные законы?

Необходимо учитывать, что обширными колониальными владениями испанская корона управляла с помощью многочисленной армии чиновников, от вице-королей до судей и полицейских, которая кормилась и обогащалась за счет тех же индейцев. Метрополия стремилась по возможности оградить индейское крестьянство — основного производителя материальных благ — от полного разорения, воспрепятствовать утечке колониальных доходов. Ведь недаром колониальные ресурсы всегда рассматривались в качестве «жирного супа» испанских королей⁸.

Громадное влияние в колониях все более приобретала креольская земельная аристократия в лице асендадо — владельцев земледельческих и скотоводческих хозяйств в Сьерре и плантаций на побережье. Крупное землевладение наступало на индейскую общину, неуклонно расширяясь за счет захвата все новых общинных земель. Варварская эксплуатация индейцев на шахтах и в мастерских приводила к истощению людских ресурсов и разрушению индейской общины. А ведь «с точки зрения экономики и казны испанское государство было заинтересовано в экономической дееспособности и налогоплательственности индейца», — справедливо пишет мексиканский историк Х. М. Отс Капдеки⁹.

То, что официальная историография называла «гуманными и отеческими законами», «монументом колониального гения Испании», являлось на практике попыткой государственного регулирования колониальной политики, вынужденным компромиссом¹⁰ со стороны испанских правящих кругов.

Покровительственная политика Испании по отношению к индейцам потерпела полный крах. Весь официальный

мир Перу объединился в пассивном сопротивлении каким-либо реформам. «Повинуюсь, но не выполняю» — эта вошедшая в поговорку фраза четко отражает реакцию колониальных чиновников и местной креольской аристократии на стремление метрополии сгладить крайности колониальной эксплуатации. Вот почему повсеместно королевские законы нарушались, скрыто или открыто саботировались. Оторванная от своих колоний «расстоянием в семь тысяч миль и по крайней мере восемью месяцами во времени»¹¹, испанская монархия была не в состоянии держать в узде местную олигархию.

Отчего Законы Индий не могли на деле оградить индейцев от произвола колониальных властей? Главное в этом вопросе отметил выдающийся перуанский мыслитель Х. К. Мариатеги: «Никакой закон не может нарушить механику феодального строя, если не будут подорваны его основы»¹². И действительно, как справедливо писал перуанский историк М. В. Вильярран, «богатый шахтовладелец, латифундист, священник, коррехидор, безнравственный монах, алчный чиновник, высокомерный сеньор — кто из них думал об индейце? Все они считали его низшим существом, предназначенным служить им и обогащать их»¹³.

Однако законы посеяли иллюзии, что далекий король защищает интересы индейцев, а исполнители его воли на местах из личной корысти искажают подлинный смысл законов и препятствуют их претворению в жизнь. Эта мысль уже совершенно отчетливо выражена в перуанской хронике конца XVI в., автором которой был индеец Ваман Пома де Аяла. «Его величество король так добр и так свяг, что всем прелатам и всем вице-королям, направляющимся в эти земли, он поручает заботу об их бедных уроженцах, рекомендуя помогать индейцам, однако те, едва сойдя на берег... забывают эти советы и начинают действовать против бедных индейцев»¹⁴. Так родился лозунг «Да здравствует добрый король, долой плохих чиновников!», столь характерный для народных антииспанских движений в Перу в XVIII в. и для мировоззрения Кондорканки, в частности. Можно полагать, что на первых порах, задавшись целью избавить индейцев от рабской участи, Кондорканки действительно верил в охранительную миссию Законов Индий. Горькое прозрение наступило позже.

Кондорканки неоднократно обращался за помощью к светским и духовным властям других городов, убеждая их поднять голос в защиту индейцев. И находил союзников. Губернатор Ла-Паса — Вентура Санталисес не только поддержал Кондорканки, но и взялся лично передать его послания в Совет по делам Индий, надеясь найти там понимание. По утверждению современников, сам Карл III благосклонно выслушал сановника и пообещал ему содействие. Однако вскоре Вентура, а затем и дядя Кондорканки — Блас Тупак Амару, вместе с губернатором ездивший в Испанию, скоропостижно и при странных обстоятельствах скончались. Ходили упорные слухи, что их отравили могущественные враги.

Кондорканки не мог не знать, что он не первый обращается за океан в поисках справедливости.

Как обличитель колониальных язв и защитник индейцев Кондорканки вырос на благодатной почве. У него насчитывалось много предшественников. В колониальном Перу существовало целое направление обличительной литературы — так называемые «Манифесты обид», в них отражался растущий социальный протест против колониального угнетения. Среди авторов были креолы, метисы, индейцы. Так, юрист Ортис де Сервантес, уроженец Лимы, адресовал в 1619 г. испанскому королю разоблачительный документ о злоупотреблениях коррехидоров, в 1657 г. другой юрист — Падилья-и-Пастрана направил в Мадрид обвинительное послание из 150 пунктов. В 1750 г. францисканский монах, один из потомков инкской династии Калисто Сан-Хосе Тупак Инка передал свой манифест лично в руки испанскому королю. В манифесте, помимо критики действий королевских чиновников, содержалась и позитивная часть: Калисто предлагал провести в колониальных владениях ряд реформ, в частности, ликвидировать институт коррехидоров, миту, обрахе, ввести индейское самоуправление, разрешить индейцам занимать военные, гражданские и духовные должности и т. д. Поучительна его судьба: как «опасную личность» Калисто выслали из Лимы в Испанию и пожизненно заточили в монастыре Монте-Адамус в Гранаде. Защита индейцев была небезопасным делом.

Известно также, что в 20-х годах XVIII в. двум индейским касикам — Висенте Морачимо с побережья Перу и Антонио Кольятопо из Кахамарки, каждому на свой

страх и риск, удалось добраться до Испании. Они пытались передать испанскому королю обличительные манифесты «от имени всех касиков», прося оградить от произвола местных властей. Не стоит удивляться, что ни одна из этих поистине самоотверженных попыток «раскрыть глаза» королевскому правительству не принесла никакого облегчения коренному населению. Все жалобы и челобитные погребались в обширных архивах Совета по делам Индий.

Однако обличать можно было не только разоблачая жестокость колониального гнета, но и возвеличивая достижения самобытной государственности инков.

В колониальном Перу среди индейцев и метисов пользовалась необычайно широкой популярностью историческая хроника XVI в., родившаяся на местной перуанской почве, «Подлинные комментарии инков» хрониста Гарсиласо де ла Веги, живое напоминание потомкам инков их славного прошлого. Автор с гордостью говорил о себе: «Детей испанца и индианки или индейца и испанки, нас называют метисами, чтобы сказать, что мы являемся смесью обоих народов... Я в полный голос называю себя этим именем и горжусь им»¹⁵. В этом историческом труде нарисована идеализированная картина жизни в древнем государстве инков. Как справедливо пишет советский латиноамериканист Ю. А. Зубрицкий, Кондорканки «мог почерпнуть из хроники Гарсиласо де ла Веги не только воспоминания о величии независимой державы своих предков, но также мысли о всенародном благоденствии и справедливости, о разумных и добрых правителях»¹⁶. Естественно, что из памяти индейских поколений через 250 лет после падения государства инков изгладился отнюдь не идиллический характер царивших в нем общественных отношений. Но что могло быть страшнее жесточайшей колониальной действительности? Чтение, простой пересказ «Подлинных комментариев» порождали в слушателях дух сопротивления, пробуждали национальное самосознание индейских народов. Не случайно в 1783 г. испанские власти изъяли из обращения печатные и рукописные копии знаменитой хроники, поскольку, по мнению колониальных чиновников, в ней содержался призыв к свержению испанского правления.

Таким образом, историческая традиция, обличительная литература, неоднократные попытки отдельных ин-

дейских касиков изменить сложившуюся колониальную практику, непрерывавшиеся индейские восстания в Перу в первой половине XVIII в., наконец, безысходное положение индейцев — все это питало движение социального протеста и заставляло Кондорканки искать новые пути борьбы. Он словно принял эстафету, завещанную ему предыдущими поколениями борцов.

Не добившись ничего, кроме туманных обещаний в Куско, Хосе Габриэль решает ехать в далекую Лиму. Уж там-то, полагает индейский вождь, должны знать цену королевским законам.

В 1776 г. он отправляется в Лиму как представитель нескольких индейских общин и поселков провинции Тинты. Цель поездки — добиться освобождения Тинты от поставок людей в Потоси и вручить прошение непосредственно вице-королю Мануэлю де Гириору. В 1777—1778 гг. касик по несколько месяцев живет в Лиме, ожидая решения дела.

В прошении от 18 декабря 1777 г. Кондорканки рисует мрачную картину прощания индейцев митайо с близкими: зная, что им суждено «умереть или никогда уже не вернуться в родные места, они продают свои хижины и имущество, и так с одним митайо уходит из селения целая семья... каждый с женами и детьми». Его голос достигает особой силы, когда он продолжает: «Если первое время мита была необходима из-за недостатка рабочих рук, то сейчас, когда добыча металла сократилась, работников в окрестностях Потоси имеется в избытке... Шахтовладельцы прекрасно знают это, но требуют митайо, потому что обращаются с ними хуже, чем с рабами, потому что платят им меньше и под предлогом привилегий для шахт и убытков в добыче металлов они сохраняют миту» (2, 83, 86). Как видно, Кондорканки вплотную подошел к пониманию того, что горнодобытчики сознательно использовали полурабскую, полукрепостную зависимость индейца-крестьянина ради получения высокой прибыли.

Одно из его писем попало генеральному виситадору, всесильному временщику Арече. Тот высокомерно одернул Кондорканки, заявив, что он не полномочен представлять всю провинцию, и повелел вернуться ему домой, смиренно ожидать ответа (2, 82). Такова первая, но не последняя встреча этих двух людей.

Защита индейцев снискала Кондорканки признание и высокий авторитет не только среди соплеменников, но и среди привилегированной прослойки колониального Перу. Ведь не случайно сам Арече адресовался к нему со словами «Ваша милость», принятыми в обращении к людям высокого социального положения. Поездка и жизнь в Лиме свели Кондорканки с влиятельной креольской элитой и во многом определили последующий ход событий. Вырвавшись из провинциального Куско, Кондорканки оказался в гуще новых веяний и идей, пришедших из Европы.

Какие же это были веяния? В те годы в далекой Европе, особенно во Франции, «разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях...»¹⁷. Вся вторая половина XVIII в. на Европейском континенте прошла под знаком Просвещения. Ш. Монтескьё в работе «О духе законов» (1748) провозгласил деспотизм властью, противоречащей самой природе человека. Вольтер в трагедиях, поэмах и философских повестях пропагандировал идеи разумного переустройства общества. Событием века стало издание «Энциклопедии» (1751—1780), систематического свода достижений тогдашней науки, техники и социальных знаний. В ней подвергались суду разума и королевский деспотизм, и феодальная идеология, и религия. Д. Дидро в статье «Собственность» (Энциклопедия, т. XVIII) категорически заявил, что власть, основанная на насилии, насилием же и свергается, он активно проповедовал идею «просвещенной монархии».

Самый влиятельный деятель французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо отстаивал идею народного суверенитета и право народов свергать тиранов. В романе «Юлия, или Новая Элоиза» от имени своего героя Сен-Пре, путешествующего по Америке, он писал: «На побережье Мексики и Перу я видел ту же картину, что и в Бразилии: редкое и несчастное население — жалкие остатки двух могущественных народов — влачит свою жизнь в оковах, в нищете среди драгоценных металлов и со слезами упрекает небо за то, что оно так щедро наделило сокровищами их земли... я обогнул почти все западное побережье Америки и был охвачен изумлением, видя, что берег, протяженностью в полторы тысячи льё и самый большой океан в мире находятся под властью одной державы,

в руках которой, таким образом, оказались ключи ко всему западному полушарию земли»¹⁸.

Неудивительно, что произведения английских и французских просветителей инквизиция занесла в списки запрещенных книг, «противных спокойствию государств и королевств», призывающих «к самому отвратительному восстанию, к самому чудовищному предательству и ужасающей анархии верные народы испанской нации»¹⁹.

Однако, несмотря на жестокие запреты и ограничения, касавшиеся ввоза и чтения «подрывной» литературы (один из первых запретов датируется 1609 г.), американские колонии с начала конкисты были открыты веяниям из Старого Света. Запрещенные работы: «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» французского аббата Г. Рейналя, разоблачавшего бесчеловечность колониального режима и предсказывавшего приход «черного Спартака»; эпическая поэма «Потерянный рай» великого английского поэта-вольнодумца Джона Мильтона и другие книги, — ввозились в испанские колонии контрабандным путем.

Привозная европейская литература подогревала освободительные настроения в радикально мыслящей среде колониального Перу:

В годы пребывания Кондорканки в Лиме там разворачивалась деятельность видного креола Хосе Бакихано-и-Каррильо, известного деятеля перуанского Просвещения, владельца богатого собрания трудов энциклопедистов, вывезенного им из Европы. В то время Бакихано занимал пост протектора индейцев в лимской аудиенсии. Возможно, они встречались.

Передовые революционные идеи как нельзя более отвечали политическим планам и проектам Кондорканки. Однако еще одно событие исторической важности, весть о котором дошла до перуанских берегов, способствовало его окончательному прозрению. В креольской среде тех лет оживленно обсуждался ход войны английских колоний за независимость. В вице-королевстве Перу, так же как и в других испанских владениях, с напряженным вниманием следили за перипетиями этой борьбы: 4 июля 1776 г. 13 английских колоний объявили о разрыве с метрополией и стали называться Соединенными Штатами Америки.

Нужно полагать, что Кондорканки был достаточно хорошо осведомлен о событиях, происходивших на севере Американского континента. Со слов его секретаря Диего Сиснероса нам известно, что в Лиме Кондорканки познакомился с Мигелем Монтьелем, богатым негоциантом, который только что вернулся из Англии. Впоследствии тот стал поверенным в делах и активным приверженцем Кондорканки.

После неудачного исхода дел в Лиме (Кондорканки так и не удалось избавить своих индейцев от миты) Хосе Габриэль принял решение ехать в Испанию и лично ходатайствовать перед Советом по делам Индий. То, что эта идея одно время занимала Кондорканки, подтвердила впоследствии и его жена — Микаэла (2, 724). Поездка к королевскому двору логично завершила бы тернистый путь поисков справедливости, уже отмеченный веками: Куско — Лима.

Однако этому плану не суждено было осуществиться. Полный новых идей и решимости довести до конца начатое им дело освобождения индейцев, Кондорканки возвращается в родные места.

Глава четвертая

ВОССТАВШИЙ ИНКА

Не плачь, индианочка, не плачь,
Настанет день,
Придет освободить тебя
Король индейцев Тупак Амару.

Народная кечуанская песня

Попытки Кондорканки заставить закон служить индейцам ничего утешительного не дали: и в далекой Лиме, и в близком Куско остались одинаково равнодушны к судьбе индейских народов. Тогда Кондорканки избирает другой путь — вооруженную борьбу. Публичной казнью коррехидора Арриаги 10 ноября 1780 г. открылся новый этап в жизни Хосе Габриэля Кондорканки. Бросив вызов королевской Испании, он тем самым перешел свой Рубикон.

Впрочем, впервые имя Кондорканки как заговорщика было названо предшественнику Арриаги — коррехидору Мендиете еще в 1777 г. Во время тревожных событий в апреле 1780 г., когда в Куско власти раскрыли разветвленный антииспанский заговор, шла волна повальных арестов, имя Кондорканки также фигурировало в списке подозревавшихся, он мог быть схвачен. Архидьякон Куско Хименес де Вильяльба настойчиво предлагал Арриаге арестовать Кондорканки — «этого преступника», на что тот отвечал: «Он — влиятельный касик и сделать это, не вызывая волнений и протестов, невозможно» (3, 433).

Все современники и очевидцы дальнейших событий так же как и исследователи, единогласно утверждают, что план вооруженного выступления Кондорканки вынашивал в течение долгих — от пяти до десяти — лет. «Создать широко разветвленную тайную организацию»¹ — такова была цель тщательно скрытой от посторонних глаз деятельности умелого конспиратора.

По имеющимся сведениям, уже в первые недели восстания в различных селениях, разделенных сотнями ки-

лометров, были найдены изображения Кондорканки. В местечке Моса власти арестовали более 20 его сторонников. Те вышли на площадь, поднимая высоко над головой «большие медали, вырезанные из дерева, с изображением фигуры Тупак Амару и его жены»; восставшие индейцы Мачакамарки также «носили по улицам его портрет словно знамя, называя Тупак Амару королем и спасителем»². Эти факты прямо говорят о том, что движению, начатому 10 ноября 1780 г., предшествовала длительная подготовка.

Повсеместное недовольство колониальным режимом, брожение в низах и верхах колониального общества, антииспанские заговоры в городах и волнения в горах среди индейцев, вести об освободительной войне английских колоний — все заставляло думать, что он не будет одинок. Годы борьбы закалили его веру в себя, веру в особое предназначение — освободить индейцев от тяжелого колониального ярма. Большое значение Кондорканки придавал официальному признанию его потомком Тупак Амару I и подтверждению его права на титул маркиза Оропеса, дарованный испанской короной в XVI в. представителям инкской династии.

Здесь следует сделать маленькое отступление. Как справедливо заметил Ю. А. Зубрицкий, активная роль представителей инкской династии в антииспанском движении XVI в. породила среди индейского населения «глубокую убежденность в том, что освобождение от тяжелой доли придет к ним именно от инков или от их потомков»³. Вот почему вожди многих восстаний в колониальной истории Перу присваивали себе титул Инка. Хосе Кондорканки не представлял исключения, с одной лишь поправкой: его стремление добиться монопольного права называться Инкой едва ли оправданно. Так, он утверждал: «Моя кровь — единственная, оставшаяся от королевской крови инков, королей этого царства»⁴. Однако в 70-х годах XVIII в. Кондорканки был не единственным, а одним из многих знатных индейцев, которые вели свое происхождение от инкской династии: к их числу принадлежали индейские касики Пумакава, Чокеванка и др. Представители знатного рода Савараура считали себя потомками по мужской линии девятого инки Пачакути Юпанки, а по женской — одиннадцатого инки Вайна Капака (4, 246). И это неудивительно,

По сообщению хрониста Гарсиласо де ла Веги, известно, что в 1603 г. в Перу потомки инкской династии составили ходатайство к испанскому королю Филиппу III. Авторы ходатайства, жалуюсь на свое бедственное положение, просили освободить их от уплаты податей и других повинностей, которыми они были обложены, «как и остальные индейцы». Всего в этом списке через 70 лет после конкисты упоминалось «567 особ мужского рода», представлявших 11 колен, каждое из которых возводило себя к одному из правивших в доиспанское время верховных правителей — инков⁵.

В XVII в. в Куско проживало 400 потомков инкской династии по мужской линии⁶.

Оставляя в стороне честолюбивые притязания Кондорканки, вполне в духе его времени, а он был сыном своего времени, выразим уверенность: в отличие от других знатных индейцев почетный титул Инка был ему нужен прежде всего для того, чтобы получить моральное право говорить от имени всех индейцев. В его понимании быть Инкой значило быть Вождем. Впоследствии он сам напишет: «Это вдохновило меня встать на защиту индейцев, используя все возможные средства, чтобы навсегда покончить с тяжелыми притеснениями со стороны корредоров и других чиновников» (127).

Необходимо учитывать и другую, практическую, сторону: для осуществления своего грандиозного замысла Кондорканки нуждался в возможно более активной поддержке индейцев. В индейской же среде спустя два с половиной столетия после конкисты продолжали сохраняться пережитки культа верховных правителей.

В древности глава государства Сапа Инка — Единственный Инка — считался воплощением самого могущественного и всесильного бога инкского пантеона — бога Солнца. Личность верховного правителя — сына Солнца — обожествлялась, служила объектом религиозного поклонения.

Конкиста навсегда развеяла миф о всемогуществе сыновей Солнца, но языческие традиции все еще давали о себе знать как в быту, так и в общественной жизни колонии. Процветала местная иконография: изображения древних правителей с традиционными знаками отличия украшали стены домов знатных индейцев, церквей, часовен. По особо торжественным случаям в Лиме и

Куско устраивались торжественные процессии, в которых принимали участие и представители самых аристократических родов. Так, в 1747 г. в церемониальном шествии по главной площади Куско прошли «20 инков законной линии», одетых согласно древнему обычаю, в окружении многочисленной личной свиты⁷.

Вполне понятно, что Кондорканки, называя себя Инкой, рассчитывал в полной мере опереться на тот высокий, непререкаемый авторитет, которым пользовались среди индейцев обладатели этого древнего титула. Вот почему под его первыми воззваниями стоит подпись: «Дон Хосе Габриэль Тупак Амару, индеец королевской крови инков и главного рода, Инка».

В память о его предке, казненном в 1572 г., потомки нарекут Кондорканки — Тупак Амару II.

* * *

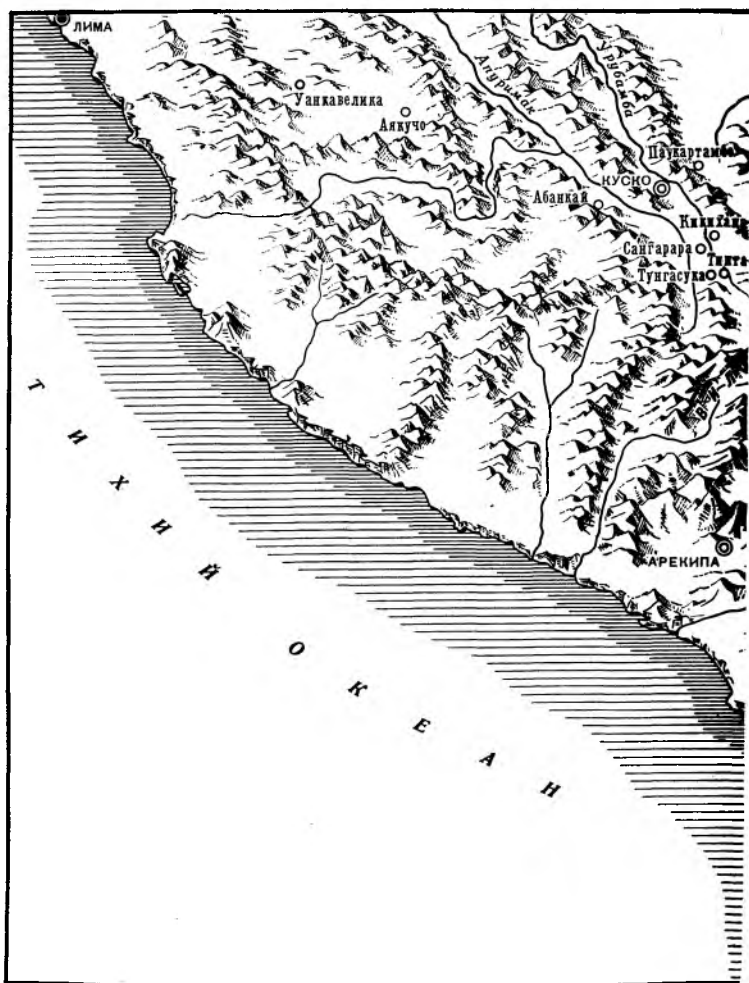
Тупак Амару действует без промедления. 11 ноября отряды вооруженных индейцев, метисов и креолов направились в соседнюю провинцию Киспиканчи. В главном городе провинции — Кикихане повстанцы намеревались публично казнить местного коррехидора Ф. Кабреру⁸. Однако тому удалось уйти от справедливого возмездия и тайными тропами добраться до Куско. 12 ноября там стало известно, что Кондорканки поднял восстание.

Среди ближайших сподвижников Тупак Амару были его сыновья Иполито и Мариано, двоюродный брат Диего Кристобаль, сводный брат Хуан Баутиста, а также жена Микаэла Бастидас и ее братья.

Захватив Кикихану, Тупак Амару овладел королевской казной и складами. Часть средств он сразу же распределил между повстанцами, в частности товары, предназначенные для очередного репарто. Тупак Амару открыл двери местной тюрьмы и освободил томившихся там заключенных, в том числе и негров. Объявив их свободными, он предложил всем вступить в ряды его армии.

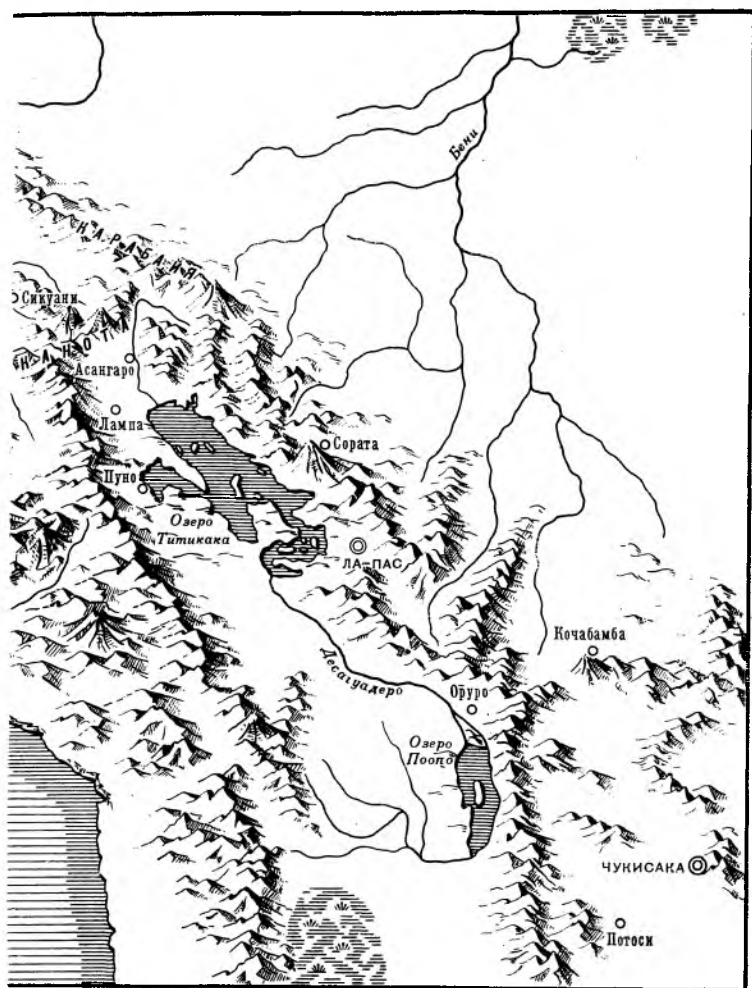
На обратном пути в селениях Помоканча и Парапикчу Тупак Амару снес до основания помещения, где находились ненавистные обрахе — ткацкие мастерские.

Документ эпохи гласит: «13 ноября пришел (Тупак Амару.— С. С.) к обрахе Помоканча в селении того же

Район Сьерры, охваченный восстанием

имени, которые повелел открыть; и в присутствии нескольких касиков из соседних сел, созданных по его приказу, сказал им, что его долг — не только в том, чтобы повесить пять коррахидоров, но и в том, чтобы разрушить все обрахе; затем он заставил вытащить из них всю одежду, спросил, не были ли их хозяин чьим-либо должником...

и, уплатив все его долги, распределил все оставшееся между индейцами»⁹.

Фактор неожиданности, внезапности, который Тупак Амару расчетливо использовал в первые дни восстания, дал ему 6 тыс. добровольцев, из которых только три сотни были вооружены мушкетами, остальные же, главным образом индейцы его и из соседних владений, — только пиками да пращами. Срочно требовались новые доброволь-

цы и новые сторонники. Он с жаром берется за составление обращений и указов, которые адресуются к близким и далеким провинциям и зовут присоединиться к делу, начатому им. Революционные воззвания, написанные на тонком полотне, прятались в одежде посланцев Кондорканки и рассылались в самые дальние уголки вице-королевств Перу и Ла-Платы.

Язык этих документов прост и лаконичен. Вот письмо, отправленное 15 ноября 1780 г. двоюродному брату Тукак Амару — дону Бернардо Сукакава: «Имею повеление свыше уничтожить коррехидоров, о чем сообщаю и тебе, чтобы ты делал то же самое, что и я. Посылаю копию, которая прилагается, обнародуй ее лично в виде указа во всех селениях, и пусть поставят виселицы для всех несогласных. Прodelав это от имени короля, нашего сеньора, созови всю провинцию и всех, кто необходим, хватай нынешнего коррехидора и прежнего, поставь их имущество под надежную охрану и присмотр».

И, как бы предваряя недоуменный вопрос, — приписка: «Этот приказ не против бога, не против короля, а против плохих законов. Приказываю также сделать копии с текста оригинала, чтобы вывесить их во всех селениях этой провинции и на воротах всех церквей, чтобы сей приказ стал известен всем жителям и никто не остался бы в неведении» (120).

Сам указ гласил: «Так как король приказал мне принять чрезвычайные меры против разных коррехидоров и их советников на законном основании... назначаю своим заместителем (в провинции Лампа. — *С. С.*) правителя дона Б. Сукакава; пусть он немедленно с должной осмотрительностью и втайне схватит коррехидора и его помощника, созвав для этой цели солдат и индейцев этой провинции, пусть содержит преступников в самой крепкой тюрьме под стражей, отказывая им в каком-либо сообщении [с внешним миром], пока не будет сделана тщательная опись всех вещей и бумаг, которые будут найдены, не упустив ни одной, о чем дать мне самый подробный отчет, так как все эти вещи принадлежат королю и настоящим властям, которые правят по справедливости, чтобы возместить таким путем все убытки, от которых до сего дня страдали индейцы и другие люди. Дано в селении Тунгасука» (121).

В тот же день Тукак Амару отправил письмо друго-

му своему родственнику — дону Диего Чокеванка в город Асангаро. Он писал: «Сообщаю, что приказом свыше имею задание уничтожить коррехидоров ради общего блага... чтобы впредь не было коррехидоров, чтобы также полностью уничтожить миту в Потоси, алькабалу, адуану и многие другие пагубные установления». Повелев дону Диего поставить виселицы для всех непокорных, Тупак Амару разъяснял: «Я сочувствую землякам-креолам, которым никогда не собирался причинять какого-либо вреда, чтобы мы жили как братья, соединенные воедино...» (123, 125).

Добиваясь поддержки поднятого им восстания, индейский вождь усиленно рекомендовал другим индейским правителям ту самую тактику, которую столь успешно применил сам: прибегать как к моральному давлению (все делается от имени и по приказу короля), так и к угрозам физической расправы. Это был голос трезво мыслящего политика. Однако «любимый родственник» Диего Чокеванка предпочел остаться верным королю и срочно переслал в Куско «поджигательное» письмо.

В городе встревожились. Слишком велики были авторитет и влияние восставшего Тупак Амару в индейских селениях и в самом Куско, чтобы недооценить начавшееся движение. В городе, втором по значению после Лимы (в нем в ту пору насчитывалось 26 тыс. жителей), срочно созывается военная хунта.

С целью привлечь в свой лагерь новых сторонников Тупак Амару направляет в Куско указ следующего содержания: «Указ от 16 ноября 1780 г. (через шесть дней после начала восстания.— С. С.) для города Куско, чтобы чапетонес отпустили рабов, предоставив им свободу. ...Каждый, без исключения, кто на себе испытал жестокое обращение европейцев, должен поддержать мой указ и полностью отобрать у чапетонес принадлежащих им рабов. Добавляю, что те должны быть освобождены от рабской службы и рабского состояния, в котором эти люди пребывают сейчас; за невыполнение сего указа моих противников ждет самое суровое наказание, которое только имеется в моей власти, будь это священники, монахи или лица другого положения или звания.

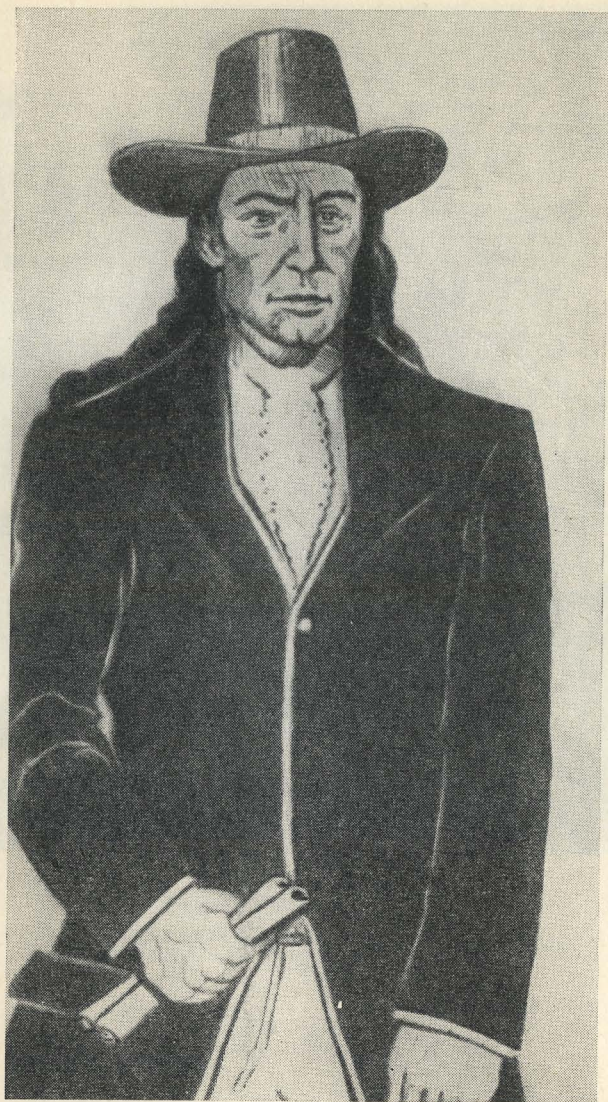
И чтобы никто не остался бы в неведении, приказываю вывесить эти воззвания в общественных местах этого города. Хосе Габриэль Тупак Амару, Инка» ¹⁰.

Какою уверенностью дышат эти строки! Полное и немедленное освобождение рабов! Словно нет военной хунты в Куско, словно уже открылись ворота города на встречу повстанцам!

Напуганные власти принимают срочные меры, чтобы подавить восстание в зародыше. В Куско спешно формируется карательный отряд в 1500 человек — испанцев, креолов, метисов. 17 ноября он форсированным маршем выступает на юг, в провинцию Тинта. Отряд возглавляет коррехидор Фернандо Кабрера, жаждавший вернуть богатства, реквизированные у него восставшими. В обозе идет 2400 «верных» индейцев (которым военная хунта выдала мизерное жалованье из расчета по 1,5 реала в день и 60 тюков коки, без которой индейцы не обходились) под началом «преданного» индейского касика Педро Савараура (3, 581).

Вечером 17 ноября отряд прибывает в небольшой городок Сангарарá в двух днях пути от намеченной цели и располагается лагерем на главной площади перед церковью. Каратели, однако, пренебрегают мерами предосторожности: ранним утром их застигают врасплох повстанцы, прекрасно осведомленные о всех передвижениях противника. В начавшейся панике, окруженные со всех сторон, испанцы теряют большую часть своих людей, оставшиеся в живых прячутся в церкви. Тупак Амару предлагает испанскому командованию отпустить креолов и метисов, а также женщин с детьми, укрывшихся под сводами церкви. Однако испанцы обрекают всех на смерть в этом каменном мешке, который вскоре загорелся от взрыва спрятанных там пороха и снарядов. Повстанцы сжигают местную тюрьму, выпускают на свободу всех пленников и, захватив богатые трофеи — мушкеты, пушки, запасы пороха и снаряжения, с триумфом возвращаются в Тунгасуку. Победа над правительственным войском вдохнула в повстанцев новые силы. Восемь провинций перешли под знамена восставшего индейского вождя.

Как только весть о разгроме карательного отряда достигла Куско, в городе поднялась паника. Один из очевидцев событий писал: «19 ноября прошел ложный слух, будто мятежники уже к десяти часам дня будут в городе; побросав артиллерию, все сбежались и закрылись внутри церкви Ла-Компания; таким образом, если бы он (Тупак

ТУПАК АМАРУ

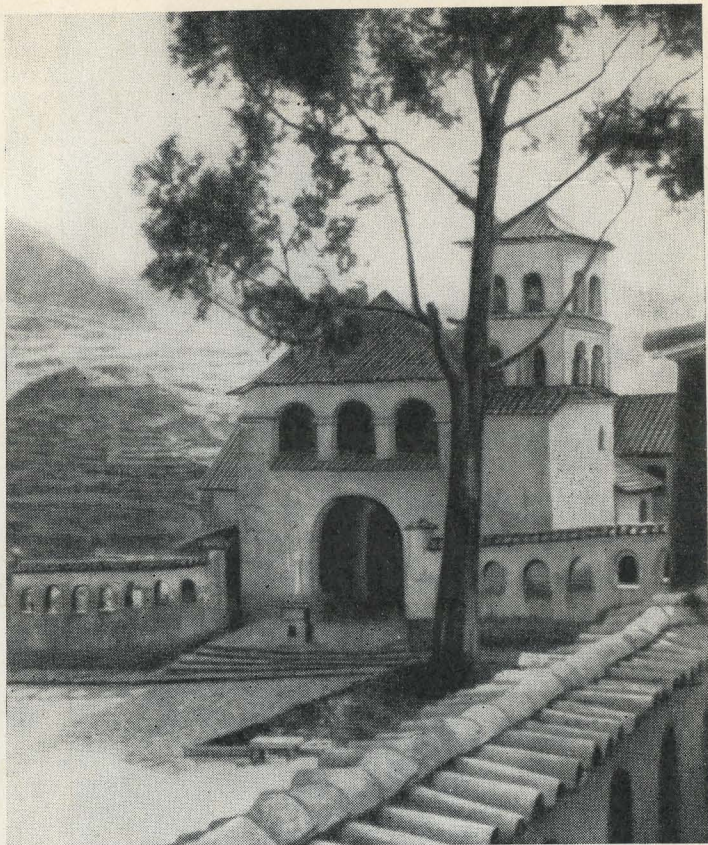
Современный рисунок («Фаналь». Лима, 1955)

+ 238

Dime con mi
 de una 25 p. p. p.
 me una ni vido
 O como al fido a dno
 p. q. me va
 a la p. p. p.
 D. la c. o. a. p. p.
 no d. e. l. a. p. u. e. r. e. n.
 e. r. t. o. p. i. e. n. d. i. t. o. d. i.
 me al b. i. o. o. m. a.
 e. r. s. a. g. u. o.

Sama Sino
 ami m. que
 b. l. a. i. o. n. c. i. b. l. a.
 v. c. Tupa Ama

D. o. o. o. o. o. o.
 x. d. e. r. e. r. e. r. e.
 E. a. b. a. g. a.
 e. n. g. o. o. o. o.
 o. o. o. o. o. o.
 e. l. g. u. a. n. t. e. p. i.
 o. v. n. a. a. l. e. n.
 t. a. y. n. o. h. i. e.
 t. e. n. d. e. r. p. a.
 c. l. a. d. o. u. n. o.
 a. c. l. a. d. o. u. n. o.
 e. n. d. i. o. o. o.
 y. u. e. o. o. o. o.
 d. e. r. e. r. e. r. e.
 e. l. t. o. o. o.
 d. i. o. o. o. o.

Селение Суримана, где родился Тупак Амару

Памятник Тупак Амару в городе Тинте

Главная площадь города Куско. В центре — монастырь ордена иезуитов и церковь Ла-Компания

Внутренний двор монастыря — место заключения Тупак Амару и его сторонников

Бюст Тупак Амару в городе Лиме

Памятник Микаэле Бастидае в городе Лиме

Амару.— С. С.) действительно пошел бы на Куско, он овладел бы им» ¹¹.

О том, сколь велико было значение Куско как столицы перуанской Сьерры для королевской власти, писал участник событий, житель Куско — испанец Хименес де Вильяльба: «Я не сомневаюсь, соблюдая спокойствие этот город — все остальные мятежи в стране будут мимолетны и незначительны, но если он (Тупак Амару.— С. С.) овладеет Куско, вся страна станет нашим врагом» (3, 151).

Пока в смятенном Куско терялись в догадках по поводу ближайших планов восставших, Тупак Амару принял решение отправиться на юг и юго-восток страны и поднять против испанцев жителей нагорной области Колясуйо, у северных берегов озера Титикака. В то же время его двоюродный брат Диего двинулся к северу, на другой берег реки Вилькамайо, чтобы отрезать Куско с востока, со стороны крепости Саксаваман.

Тупак Амару провозглашает обширную программу социально-экономических реформ, которые не только обещает, но и в революционном порядке осуществляет на практике.

Везде, где бы ни появлялись его отряды, они немедленно объявляли об отмене наиболее ненавистных колониальных институтов, таких как мита, обрахе, алькабала, десятина, бывших непосредственной, наиболее понятной индейской массе причиной их бедственного положения.

Тупак Амару прилагал огромные усилия, чтобы привлечь на свою сторону и креолов. Как справедливо заметил Б. Левин, он использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы развеять пущенный испанцами слух, что-де движение направлено не только против них, но и против креолов. Не случайно во всех своих воззваниях Тупак Амару столь демонстративно «подчеркивал свою любовь ко всем без различия людям, родившимся на земле Америки» ¹².

В воззвании к жителям провинции Карабая от 15 декабря 1780 г. он писал: «Как друг моих соотечественников, счел я нужным и необходимым приказать вам не повиноваться и не оказывать помощи судьям вашей провинции». Неделий позже: «Меры, которые я принял, имеют целью поддержку, защиту и охрану испанцев-креолов, метисов, самбо и индейцев и их благополучия,

потому что все мы — земляки и соотечественники, поскольку родились в наших землях и все произошло от единого корня — от индейцев... в моем распоряжении люди, деньги и все соседние провинции, где царит союз между креолами и индейцами» (121).

7 декабря Тупак Амару пересек горную цепь Вильканоту, границу между вице-королевством Перу и Ла-Платой, и вышел к озеру Титикака. В воззваниях к освобожденным провинциям он называл себя «освободителем королевства» и писал, что его первая задача — «восстановить привилегии, предоставленные Индиям католическими королями»¹³. По пути он смещал коррехидоров, назначал на их место своих людей; установил смертную казнь за воровство, пьянство и ложь. Жители многих городов и селений восторженно встречали его отряды. Коррехидоры, местная знать и роялистское ополчение в панике бежали, не смея сопротивляться победоносному маршу повстанцев. Всего за время южного похода под знаменем Тупак Амару встали 24 провинции. Численность его армии выросла до 90 тыс. человек.

Вот каким видели современники восставшего Инку в декабре 1780 г.: «Тупак Амару выезжал на белом коне, украшенном богатой сбруей, с двумя мушкетами у седла, с пистолетом и пшпайгой, в камзоле из голубого бархата, обшитом золотым галуном. Вокруг лба — золотая повязка, на голове шляпа-треуголка... на груди — золотая цепь, а на ней — золотое солнце, символ правителей, его предков» (19).

Однако хоть и велики были успехи индейского вождя, а долгое его отсутствие вызывало нарастающую тревогу у тех, кто остался в провинции Тинта. Упорные сомнения в необходимости южной кампании высказывала прежде всего жена Тупак Амару — Микаэла Бастидас. Метиска по рождению, она стала достойной соратницей и помощницей своего мужа. По отзывам современников, ни умом, ни храбростью Микаэла не уступала Тупак Амару, а в дальновидности и проницательности не раз превосходила его. Не будучи уверена в том, что у Кондорканки хватит мужества повесить Арриагу, она явилась к месту казни с мушкетом под плащом: уж если не с помощью петли, так пулей совершить справедливый акт возмездия. Оставшись заместителем Тупак Амару в штаб-квартире восстания — провинции Тинта, она разви-

ла неутомимую деятельность, свидетельствовавшую об исключительной воле, энергии и одаренности этой необыкновенной женщины.

Микаэла собирала разведывательные данные с помощью налаженной сети разведчиков, неприкосновенность которых охраняла специальными пропусками. Без такого пропуска, подписанного «донья Микаэла Бастидас», ни один человек не мог передвигаться по территории, захваченной повстанцами. Она занималась материальным обеспечением армии — от таких мелочей, как бинокли, до пушек, провизии, одежды; вела оживленную переписку с восставшими провинциями севера, призывая местных вождей покончить «с тяжкими поборами и положением собак», на которое обрекли индейцев.

По приказу Микаэлы индейцы сожгли мосты через реки Кикихана, Уркос, Кайкай, Писак. Повстанцы пытались уничтожить мост через бурную Урубамбу и выйти к большому, главному мосту через реку Апуримак, единственному каналу связи между Куско и Лимой, чтобы, по ее словам, «чапетонес не могли спастись бегством». Это был великолепный тактический ход, к сожалению, оставшийся невыполненным.

Микаэла предусмотрительно велела выставить пушки на господствующих над Куско вершинах, таких, как Пикчу и других, «чтобы враги не опередили». Ясно осознавая влияние церкви на умы и настроение индейской массы, Микаэла назначила «епископом», духовным пастырем восставших, метиса — монаха Николаса Вилью, противопоставив его заседавшему в Куско епископу Хуану Мануэлю Москосо, предавшему анафеме Тупак Амару и его сподвижников (2, 302, 307, 331—332 и др.). Донья Микаэла настаивала на том, чтобы сразу же после разгрома испанцев под Сангарара повстанцы двинулись на Куско, объятый паникой и растерянностью.

Позднейшие биографы и исследователи безоговорочно приняли сторону жены Тупак Амару, считая, что тот совершил роковую ошибку, когда на месяц отложил осаду этой колониальной цитадели.

Однако поход Тупак Амару по южным провинциям был вызван серьезными тактическими соображениями. Здесь располагались крупные города, опора роялистов — Лампа, Арекипа, Пуно. И хотя военный совет в Лампе в начале декабря решил отступить, «так как сопротивле-

ние невозможно, а сдаться с оружием — постыдно», власти Арекипы приняли энергичные меры для организации отпора повстанцам. Они провели срочную мобилизацию местного ополчения в пяти окрестных провинциях и затребовали оружие из городов Ика и Арика на побережье. Испанцы разрабатывали план атаковать Тинту одновременно с юга и севера. Как явствует из письма Тупак Амару от 1 декабря 1780 г., он решил «покончить первым делом» с роялистской угрозой на юге (4, 46—52; 2, 322). У него были для этого веские основания.

Все время, пока Тупак Амару действовал в южной части страны, Микаэла настойчиво убеждала его вернуться. В своих письмах она приводила разные доводы: «ты упускаешь прекрасную возможность и приводишь меня в отчаяние»; «даешь нашим главным врагам в Куско время подготовиться к отпору», «чтобы они вооружились и разорвали нас на куски»; «тратишь в мелких стычках деньги и средства, которых будет недоставать в решающий момент»; «погубишь всех людей, предназначенных для взятия Куско»¹⁴. Поистине в этой женщине жил великий стратег.

10 декабря из Тунгасуки она прислала последнее, решающее письмо мужу. В нем Микаэла сообщала, что из Куско направляются три колонны карательных войск, чтобы, пользуясь его длительным отсутствием, взять приступом Тинту. Письмо заканчивалось тревожным «Поторопись». Не дойдя до города Пуно, на западном берегу озера Титикака, уже готового пасть к ногам повстанцев, Тупак Амару отдал приказ о возвращении; 17 декабря он прибыл в Тинту.

Шел второй месяц небывалого в истории Испанской Америки восстания. В нем все было необычным: и неожиданно дерзкое начало, и могучий размах во всем, касалось ли это числа повстанцев, представительности социального состава участников движения, размеров охваченной им территории, организации военных наступательных действий.

Современник событий писал: «Тупак Амару во главе своих приверженцев уже имеет значительную армию, и не такую, которую встретили в этих местах Писарро... и другие первые конкистадоры, а вооруженную огнестрельным оружием... и маленькими пушками, которые тиран (так называли Тупак Амару враги.— С. С.) на-

учился отливать, снабженный для этого всем необходимым» (50).

Объятые паникой колониальные власти с самого начала серьезно считались с тем, что восстание может привести к потере всего вице-королевства Перу и части вице-королевства Ла-Плата.

Нет, это был не заговор одиночек, не робкая попытка протеста, не стихийный взрыв, а хорошо организованное, массовое, вооруженное выступление со своей политической программой.

В перуанских Андах, исконном обиталище индейских народов, назревали драматические события.

Движение возглавил человек, который с гордостью говорил о себе: «Всем известно и общепризнанно, что я — индеец со всех сторон» (2, 72). Ополчившись на кастовые предрассудки, индейский вождь впервые открыто заявил, что индейцы — это могучий корень, питающий живительными соками все сословия. Низведенного до рабского состояния индейского крестьянина он потребовал признать в качестве полноправного соотечественника креола.

Совершенно новым для политической жизни колонии и чреватым самыми опасными последствиями для колониального режима являлся и призыв Тупак Амару к единению «соотечественников всех званий и положения, рожденных в паших землях», для борьбы против «тяжкого ига, тиранического правления Испании» (41).

Громоздкий, неповоротливый механизм бюрократической колониальной машины, с трудом раскручиваясь, еще не вступил в действие.

ОСАДА КУСКО

Я поднял голос в защиту всего королевства, чтобы положить конец великим притеснениям, грабёжам, убийствам и другим тяжким оскорблениям и невиданному поруганию... Я направил посланцев... чтобы они убедили сдать город...

*Послание Тупак Амару епископу Москосо.
12 декабря 1780 г.*

В древней столице инков, индейском сердце Сьерры, хорошо понимали, что противник силен и борьба предстоит нешуточная. Еще 13 ноября, сразу же после получения известия о казни коррехидора Арриаги, дон Висенте Соль отправился специальным гонцом в «город королей», далекую Лиму. С собой он вез послание, в котором «военная хунта и вернейшие вассалы города Куско» просили лимские власти «не останавливаться ни перед какой жертвой для спасения власти короля»¹.

Куско начал готовиться к осаде.

Епископ Хуан Мануэль Москосо с амвона кафедрального собора предал анафеме и отлучил от церкви «предателя, подлого индейца, незаконно именующего себя Тупак Амару». Сия «божья кара» распространялась и на всех приверженцев Инки. В послании ко всем духовным лицам Куско и его окрестностей епископ Москосо призвал собирать оружие и деньги на войну с Тупак Амару, а также приложить все усилия к тому, чтобы удержать индейскую паству в верности ее «законному хозяину — испанскому королю Карлу III»².

Королевская военная хунта после плачевного исхода первого столкновения с повстанцами под Сангарара принялась изыскивать новые финансовые и военные ресурсы. Она поставила цель «разрушить планы восставшего, пленить его, сохранить в неприкосновенности религию, владения короля и общее дело» (3, 587). Большие надежды возлагались на помощь из Лимы, на отряды королевской армии, размещенные в северных провинциях Перу.

Чтобы получить ясное представление о расстановке сил в вице-королевстве Перу времен восстания, необходимо сказать несколько слов о состоянии королевской армии. В 1771 г. из более чем 45 тыс. солдат испанской регулярной армии в американских владениях подавляющая их часть была сосредоточена в вице-королевстве Новая Испания и вдоль Карибского побережья, наиболее часто подвергавшихся атакам английских и голландских пиратов.

В 1776 г. в распоряжении вице-короля Перу имелось 810 солдат регулярной службы, одну половину из которых составляла гвардия и штабные офицеры, а другую — пехотный батальон, разбросанный вдоль всего огромного Тихоокеанского побережья для охраны его от внешних врагов³. При этом служба в регулярной армии не пользовалась популярностью среди креолов, в отряды набирались мулаты, метисы, выходцы из самых низов общества. Испанцы занимали лишь командные должности.

Практическое отсутствие регулярной армии во внутренних районах должны были возместить добровольцы из числа гражданских лиц, так называемая милисия — ополчение, призванное защищать провинции в экстренных случаях. Эти самодеятельные отряды ополчения — *компаниас* комплектовались по профессиональному или этническому принципу. В Лиме имелись отряды индейцев, мулатов и испанцев; в Кальяо, аванпорте Лимы, — моряков, конопатчиков, торговцев и т. д. Как правило, ополчение содержалось за собственный счет и ничего не стоило испанскому королю. Креольская верхушка составляла кавалерию, метисы и индейцы — пехоту. Другими словами, на случай серьезного внутреннего конфликта королевские власти могли полагаться только на ополчение.

В ожидании помощи из Лимы на что мог рассчитывать Куско? По сведениям тех лет, гарнизон города вместе с гарнизонами восьми окрестных городов, включая Тинту, состоял всего из 1473 человек, «числа абсолютно недостаточного даже для защиты самого Куско» (3, 115).

Лучшие силы и вооружение были потеряны под Сангарара. Королевская казна после драконовских «изъятий» Арече пустовала. Куско переполняли многочисленные беженцы, остро не хватало продовольствия, надвигалась угроза голода. Среди креольской части населения царил полный разброд. Генеральный штаб расположился за

толстыми стенами иезуитского монастыря. Сюда перенесли все наличное оружие. Испанские власти выставили вокруг Куско посты, усиленная стража патрулировала индейские кварталы.

Нам известно, что в конце ноября 1780 г. Тупак Амару получил несколько писем из Куско. Автор одного из них, его двоюродный брат Х. Паласиос, сообщал о тайной заготовке продовольствия для повстанцев, другой корреспондент по имени Капетильо писал о нехватке оружия в городе и, удивляясь тому, что Тупак Амару до сих пор не осадил Куско, восклицал: «Атаковать — именно это дело сейчас самое важное, а не бродить из провинции в провинцию» (3, 423).

Как мы знаем, у Тупак Амару были серьезные причины для южной кампании. Возможно, будучи совершенно уверенным в своих силах, Тупак Амару считал судьбу города предрешенной и именно поэтому не торопился. А Куско тем временем руками согнанных туда индейцев превращался в неприступную крепость. На главной площади Пласа-де-Армас под руководством французского инженера Гильермо де Бастине сооружалась система окопов и траншей. Улицы перегораживались стенами из камня и щебенки, вокруг кварталов Альмудена, Белен, Айягуако, Санта-Ана и других возводились укрепления.

В городские оружейные мастерские свозились дрова, уголь, железо, олово, селитра для отливки пушек, снарядов, спешно делались ружья и копья. Шла заготовка припасов — касик Чиллитупа пригнал стадо баранов в 2205 голов, в Куско доставляли маис, муку, корм для скота, сюда направлялись также караваны лошадей и мулов (3, 560, 653).

Кто нес бремя расходов на все военные приготовления? Испанцы — королевские чиновники и военные лица; видные креолы; представители духовенства; наконец, оставшиеся верными королю индейские вожди. Многие испанские чиновники отказались от получения полагавшегося им по закону королевского жалованья на долгие месяцы восстания.

Дон Симон Гутьеррес, кавалер ордена Сантьяго, полковник ополчения Куско, испанец, выставил отряд более чем из 100 человек, одел и вооружил его за свой счет и внес в королевскую казну с декабря 1780 по начало 1782 г. более 30 тыс. песо на нужды военных экспедиций.

Доктор теологии, дон Лоайса-и-Арестеги, священник, испанец, житель селения Оропеса, возглавил в качестве командира и капеллана военный отряд в 2300 человек из жителей селения, испанцев и индейцев, и в течение двух с половиной месяцев удерживал провинцию Карабайя; выделил 2 тыс. песо для содержания королевского войска, дважды восстанавливал мост через реку Кайкай за свой счет, чтобы открыть по нему движение роялистским частям в провинцию Паукартамбо.

Дон Мартин Мариано де Толедо, викарий провинции Абанкай, с первых же дней восстания вооружил прихожан, перевел их на военное положение, выставил посты на дорогах и мостах через реки Чурук и Кутуктай. В течение двух месяцев поддерживал в отряде строгую воинскую дисциплину. Во время осады Куско защищал к нему подходы и истратил 1500 песо личных сбережений на содержание своих людей.

Дон Висенте де Харос, священник из Куско, испанец, сын знатных родителей, пожертвовал все свои деньги, скот и лошадей для нужд роялистских отрядов и перевозки припасов (3, 419, 453, 491, 506).

И так далее и тому подобное. Этот список можно было бы продолжить. Другими словами, на принадлежавших испанскому королю Карлу III перуанских землях не было недостатка в его рьяных приверженцах.

На фоне массового изъятия верноподданнических чувств поведение епископа Москосо, видного представителя креольской среды, выглядело «ура-патриотическим». Он превратил епископскую резиденцию в казарму, где в спешном порядке обучались военному делу монахи, священники и семинаристы. Из них Москосо сформировал четыре отряда. Для службы в церквях были оставлены лишь инвалиды. Сей «достославный сын божий» в нарушение всех церковных правил подпоясался мечом, взгромоздил ружье на плечо и, восседая верхом на муле, участвовал в вылазках, вдохновляя всех, по словам очевидцев, криком: «Пусть вечно живет король!»⁴

А касики индейских селений в окрестностях Куско? Как откликнулись они на действия восставших? Здесь настало время вывести на авансцену нового героя, точнее антигероя, полную противоположность вождю повстанцев Тупак Амару — знатного касика Матео Пумакаву, обладателя аристократического титула Инка. Вот что сообщает

нам епископ Москосо в послании к испанскому королю: «Этот преданнейший индеец как только узнал, что подлый разбойник Хосе Габриэль Тупак Амару увлек за собой жителей всех селений... вооружил своих людей и, внушив им искреннюю любовь и преданность своему законному государю, встал на защиту своего селения Чинчиро и всей провинции Калька-и-Ларес, которая и была целью врага. Будь и эта провинция захвачена повстанцами... враг не пропустил бы подмогу к осажденному Куско и сделался бы непобедимым. Но Пумакаве удалось провалить этот коварный замысел...».

Прервем эту красноречивую цитату. Матео Пумакава, верный слуга короля, еще не раз появится на страницах книги, так как именно ему принадлежит немалая «заслуга» в подавлении движения, начатого Тупак Амару. В письме зафиксированы только первые шаги его «умиротворительной деятельности». Примеру дона Матео последовали индейские касики Николас де Росас, Маркос Чиллитупа и другие индейские правители, принявшие активное участие в защите Куско.

Особо ревностно служили испанскому королю индейские вожди из древнего рода Савараура. Один из них — Педро Савараура, касик селения Оропес, не только выдал властям Ильдефонсо Кастильо, участника заговора 1780 г. в Куско, и тем самым прямо способствовал провалу готовившегося выступления, но и возглавил индейский отряд в бсю под Сангарара против Тупак Амару и в том же бою был убит повстанцами. Другой представитель этого рода, видный житель Куско — Савараура Титу Атаучи — написал работу «Государство Перу», в которой не только встал на защиту колониального испанского режима, но и всячески восхвалял карательные действия виситадора Арече, утопившего в крови движение Тупак Амару.

Но как бы ни складывались обстоятельства, час решительного поединка наступил. Попробуем представить, какие мысли волновали его в те далекие дни? После столь успешного первого месяца борьбы Инка должен был чувствовать себя удовлетворенным: 24 провинции перешли под его знамена, войско насчитывало до 80—90 тыс. человек. Можно ли не признать власти человека, под контролем которого находилась добрая половина вице-королевства?!

Однако Тупак Амару понимал, что успех начатого им вооруженного выступления в значительной степени зависит от чисто военных факторов: наличия опытных солдат и офицеров, технической оснащенности повстанческих отрядов, воинской дисциплины. Нужно признать, что с этой точки зрения возможности повстанцев оставляли желать лучшего. Мало было повести за собой угнетенные массы, их предстояло еще научить воевать, а на это требовалось время.

Вот что писал об индейцах, служивших в рядах королевской армии, фельдмаршал Хосе дель Валье: «Моя армия состояла в подавляющем большинстве из метисов и индейцев, 16 тыс. человек, из которых... ни один не имел и малейшего представления о воинской субординации и дисциплине; добровольцы, пришедшие из провинций, пребывали в абсолютном неведении обо всех этих вещах, в том числе и о том, как хранить оружие и пользоваться им... Их командиры были подобны им и равного с ними невежества, так как все они пришли прямо со своих полей» (3, 105, 115).

Приведенная характеристика полностью относилась и к индейцам, сражавшимся в рядах Тупак Амару. Действительно, откуда было знать забитым, безграмотным крестьянам, как стрелять из ружей и пушек, ведь подобно рабам Древнего Рима им запрещалось иметь не только огнестрельное, но и холодное оружие. Драконовские запреты распространялись и на продажу оружия индейцам, им возбранялось даже находиться вблизи помещений, где оно производилось. Обычно индейцы использовались во вспомогательных войсках, в обозе, в пехоте, ведь ездить верхом им также запрещалось. Не мудрено, что звук выстрелов и пушечная канонада приводили в замешательство индейские ряды. И многое ли можно сделать первобытной пращей, палками и копьями, составлявшими традиционное «вооружение» подавляющей части повстанцев? Показательно, что даже «верных» индейцев испанские власти избегали снабжать огнестрельным оружием.

И как тут не оценить «трогательную заботу» колониальной администрации о том, чтобы ни под каким видом не обучать индейцев ни военному делу, ни владению оружием даже в самой поверхностной форме. «Причина очевидна,— писал испанский полковник Симон Гутьеррес,— если, к примеру, выучить владеть оружием тысячу

человек в Куско и привлечь их на военную службу, через шесть месяцев уже мало кто в городе останется не умеющим стрелять... Мы все знаем, что с помощью всего лишь 80 мушкетов, которые отобрал Тупак Амару у казненного коррехидора Тинты и которые он распределил среди своих метисов... он нанес нам поражение в Сангарара, атаковал нас на вершине Пикчу и во многих других неисчислимых случаях. Что произошло бы, если бы эти люди научились чистить ружья и стрелять из них? А ведь индейцев охраняют недоступные перуанские горы, из которых мы до сих пор не можем их выкурить, хотя нет у них у всех иной защиты, кроме пращи и палки, и при этом они испытывают великий страх при взрыве пороха» (3, 26—27).

Тупак Амару, по свидетельству очевидцев, буквально охотился за специалистами по военному делу и под страхом смерти заставлял их заниматься изготовлением оружия. В штаб-квартире повстанцев в городе Тинта пленные испанцы и креолы под началом пленного испанского капитана Антонио Фигероа отливали пушки различного калибра, снаряды к ним, шпаги, тяжелые тесаки-мачете, изготавливали ружья. Как не вспомнить здесь слова трагически погибшего индейского касика Тамбоваксо, участника заговора 1780 г. в Куско, который сказал: «Не думаю, что успех зависит от количества индейцев. Если бы только об этом шла речь, можно было бы покрыть ими сплошь все холмы вокруг города. Главное дело — оружие и боеприпасы»⁵.

Именно этого в лагере повстанцев остро не хватало. Предпринимались попытки делать ружья из деревянных брусков, которые обтягивались кожей. Однако, чтобы произвести выстрел из такого «ружья», требовались усилия двух человек, что давало незначительный эффект. В общей сложности Тупак Амару удалось снабдить огнестрельным оружием только тысячу человек; на 40 повстанцев, отправившихся сражаться под Куско, приходилось одно ружье. Овладевали же воинским искусством индейцы на ходу.

Между тем колониальные власти прибегли к решительной мере. 19 декабря 1780 г. по распоряжению вице-короля Хаурегги во всех городах был опубликован указ, которым Тупак Амару лишался титула касика. Его объявляли также «мятежником, который обманным путем

привлек людей на свою сторону». Вице-король обещал прощение всем, кто покинет повстанческий лагерь. Однако самое главное он приберет под конец: в указе торжественно провозглашалось, что уничтожается ненавистное репарто во всех без исключения провинциях вице-королевства Перу, что отныне все коррехидоры переводятся на твердое жалованье и что в случае, если они попытаются вести незаконную торговлю, то будут-де сурово наказаны.

Вице-король так торопился с обнародованием указа, что в нарушение всех правил не стал дожидаться его утверждения Карлом III⁶.

Тем не менее эта вынужденная полумера, знак того, как напуганы были колониальные власти, не могла уже ни притушить страсти, ни остановить движение. Буря нарастала. Бунты вспыхивают в самой Лиме, искры восстания перекидываются к границам провинции Кито. Вынесенный революционными потрясениями на самую авансцену политической борьбы Тупак Амару становится в глазах угнетенных сословий, говоря словами одного письма, «отцом всех бедных, униженных и притесненных».

Оставив часть войск в тылу, Тупак Амару двумя колоннами двинулся на север. В них насчитывалось 40 тыс. повстанцев.

28 декабря армия Тупак Амару появилась в окрестностях Куско. Он не произвел немедленную атаку на город, а первоначально обстрелял его из пушек с целью произвести скорее психологический эффект. Между тем в Куско прибыла первая помощь из далекой Лимы, присланная вице-королем. Небольшой отряд в 200 человек проделал этот путь за 35 дней.

В Куско было объявлено чрезвычайное положение. Специальный указ запретил кому-либо из жителей покидать город в это беспокойное время под угрозой смертной казни⁷ (дело в том, что жители тайком уходили из города и вливались в армию Тупак Амару). Среди зажиточной части населения сложились две партии: одна предлагала сдать город без боя, другая — отстаивать его до конца. Наступил самый драматический момент противоборства авторитета королевской власти и революционно-го напора повстанцев.

Вопрос стоял так: кому удастся взять в руки инициативу, тому и быть хозяином Куско.

Как принял этот вызов Тупак Амару? Осада такого хорошо укрепленного города являлась делом необычайно трудным, требующим большого воинского искусства. К такой осаде, по существу, индейский вождь не был готов. До сих пор все большие и малые города и селения добровольно признавали его власть.

12 декабря индейский вождь обращается к властям Куско, избирая своим адресатом могущественного представителя церкви епископа Москосо. Тупак Амару пишет, что главным своим долгом считает «уничтожить обременительную должность чиновников, называемых коррехидорами, и чрезмерные доходы, которые они получают благодаря введению таможенных и других налогов, угрожающих убогим хижинам верных подданных и взимающихся с неумолимостью второго Писарро по тирании» (125—126).

Индейский вождь требует сдать город без кровопролития. Бросаются в глаза его слова — *«ожидая, что кто-нибудь другой или другие сбросят иго»*. Здесь важны два мотива. Первый: Тупак Амару, очевидно, рассчитывал на поддержку восстания тайными сторонниками в Куско, он не собирался действовать в одиночку⁸. Вполне возможно, что знаемые креолы и метисы из Лимы и Куско говорили ему примерно следующее: «Ты начни первым, подними индейцев, а за нами дело не станет». Таков психологический подтекст намека Тупак Амару⁹. Недаром же проницательный Арече считал, что, если вице-король хочет иметь мир в Сьерре, он должен сначала навести порядок в Лиме¹⁰. Мотив второй: «От угнетения страдают все, я защищаю общее дело — вот другая причина, по которой следует поддержать меня и никто не будет обижен». К этим мотивам Тупак Амару неоднократно возвращается и в других своих документах периода «великого противостояния» под Куско.

Между тем в 20-х числах декабря из Лимы вышел основной испанский карательный отряд во главе с испанцами — фельдмаршалом Хосе дель Валье и виситадором Арече. В отряде насчитывалось 700 солдат, в обозе везли 6 пушек и 3 тыс ружей.

Союзник короля, индейский касик Матео Пумакава, уже очистил от повстанцев северные окрестности Куско, не позволив уничтожить стратегически важный мост через реку Апуримак, и тем самым обрек на неудачу дей-

ствия брата Инки — Диего, в задачу которого входило окружить город с севера и востока.

28 декабря, в канун нового, 1781-го, года, в канун решительной схватки с повстанцами роялисты устроили в Куско чествование Пумакавы, словно не было тогда дела более важного. Военная хунта Куско за «столь блестящие действия и в столь необходимое время» наградила Пумакаву званием полковника и королевской медалью, которую самолично прикрепил ему испанский полковник дон Габриэль Авилес. Другую медаль — за защиту религии — пожаловал вездесущий епископ Москосо (3, 327, 362—363). Отныне тот в своих письмах будет величать индейского правителя не иначе как «его превосходительство, сеньор полковник, дон Матео Пумакава».

«Сей преданный индеец», «сей столп благонадежности» был для испанцев живым отрицанием Тупак Амару, «козырной картой» в их борьбе за индейские массы.

Пять дней ждал Тупак Амару ключей от города и не дождался. 3 января 1781 г. он направил в осажденный город личного посланца, капитана Бернардо Ла Мадрида, в сопровождении двух священников. С ними было передано новое послание, адресованное «кабильдо великого города Куско», в котором содержался ультиматум: сдать город без боя и кровопролития, в противном случае он будет взят силой и жизнь будет оставлена лишь лицам духовного звания, женщинам и детям.

Однако Тупак Амару выступает в этом послании не только с позиции силы. Инка вновь излагает политическое кредо, пытаясь склонить на свою сторону городские власти. Этот бесстрашный защитник индейцев пишет: «Чудовищное положение индейцев столь очевидно, что не нужно иного доказательства, кроме тех слез, которые эти несчастные проливают вот уже три столетия». Инка не только взывает к состраданию, но и обличает: «Эта рабская доля никогда не позволяла узнать индейцам подлинного бога, кроме контрибуций коррехидорам и куракам (касикам), добытых трудом и потом».

Предлагая свой рецепт лечения прогнившей системы, индейский вождь призывает ввести институт выборных чиновников — алькальдов из числа самих индейцев «достойного поведения» со скромным жалованьем, а также образовать королевскую аудиенсию в Куско с вице-королем во главе в качестве ее президента.

Тупак Амару не скрывает также и того, что у него есть и другие планы и идеи, о которых, сообщает он, «речь пойдет в свое время» (127). Весьма многозначительное уточнение, в тех неопределенных условиях Инка говорил отнюдь не все, что хотел бы высказать.

Вот о чем писал и думал восставший Инка на равнине Окорро под Куско 3 января 1781 г.

Послание Тупак Амару осталось без ответа. Прослойка состоятельных креолов и метисов, на поддержку которых он так рассчитывал, мучительно колебалась. Характерна настенная листовка, появившаяся в те дни в Лиме: «Если победит Тупак Амару — плохо, если виситадор — еще хуже, и в этом выжидании, вице-король и город, наберитесь терпения». В листовке, вывешенной 5 января 1781 г. в осажденном Куско, ее авторы от имени креолов возлагали всю вину за восстание на коррехидоров, виситадора и других «изобретателей тирании».

Никакой прямой поддержки Тупак Амару они не обещали и лишь призывали короля Испании «обнажить свой меч против виновников этого несчастья» (т. е. восстания) ¹¹.

Итак, снова близорукая, но весьма распространенная во всех прослойках колониального Перу вера в «хорошего» короля и ненависть к его «дурным» чиновникам.

Выжидали креолы, выжидал и Тупак Амару. Убеждая их, он боялся развязать кровопролитие, за ним стояли десятки тысяч индейцев, которые в любой момент могли выйти из-под контроля.

Тупак Амару ясно сознавал: здесь, у стен Куско, решалась судьба начатого им движения! Он нуждался не в поверженном городе, а в союзниках, чтобы действовать в масштабах всей страны; восставший Инка понимал: без поддержки креолов силы повстанцев, как бы они ни были велики не смогут одержать победу.

Пассивное поведение Тупак Амару под стенами Куско разительно отличалось от его решительных и умелых действий в первые дни восстания в провинции Тинта, где он чувствовал себя хозяином положения.

Вот почему столкновения в окрестностях Куско скорее напоминали разведку боем и взаимную проверку сил. Фактически военные действия разворачивались в предместьях города. Главное же сопротивление ожидало восставших на сильно укрепленной главной площади Куско.

А что происходило в эти дни за стенами осажденной столицы Сьерры? Очевидцы осады единодушно рисуют самыми черными красками действия военной хунты по защите Куско. Один из них прямо утверждает: если бы не ущелья рек Калька и Паруро, служивших естественными укреплениями города, «мы бы погибли, нас и 4 лиг* не отделяло от более чем 20 тыс. индейцев, наводнивших все селения провинции Калька по ту сторону рек... Мы чудом выжили ...» (3, 19—20).

Из показаний другого очевидца выясняется весьма характерная деталь: оказывается, почти все наличное огнестрельное и холодное оружие было сосредоточено на главной площади Куско. С его помощью «хозяева охраняли свои ценности, укрытые в надежных подвалах иезуитского монастыря» (130). Занятые заботами о своем добре, состоятельные граждане Куско, естественно, не могли защищать боевые позиции, вот почему там сражались в основном индейцы, оставшиеся верными королю, торговцы да монахи — они-то и стали защитниками Куско.

Один из свидетелей осады категорически заявляет, что город устоял и был спасен от индейцев... руками индейцев. Что же касается «знатных сеньоров (испанцев.— С. С.), то они, верно, оставили всю свою храбрость в Испании и в память о ней сохранили лишь мундиры» (3, 20).

Да, как это ни парадоксально, но «великий город Куско» устоял под натиском восставших индейцев благодаря усилиям индейцев, оставшихся верными королю.

Приведем факты: важный в военном отношении холм Саксаваман защищали индейцы Пумакавы, рядом с ними, около высоты Пикчу, разместились отряды касика Николаса де Росаса численностью в 2500 человек.

Передовой отряд Тулак Амару нацелился на уязвимый проход между холмами Пикчу и Пукин. В мелких стычках 6 января повстанцы убили 15 солдат, прибывших из Лимы. Решительный бой разыгрался днем 8 января: он начался в час дня и с ожесточением продолжался до вечера. Авангард Тулак Амару напал на окопавшихся «верных» индейцев. По свидетельству очевидцев, среди них насчитывалось много жертв: метисы из Куско под градом сотен камней, которыми закидали их повстанцы, покинули свои позиции.

* Лига равна 5572 м.

И та, и другая сторона сражались главным образом с помощью такого традиционного индейского оружия, как праща. Повстанцы пустили в ход еще и педреро — пушки, стрелявшие каменными ядрами. В бою участвовал также отряд в 130 человек, выставленный торговцами города Куско. К ночи сражение затихло, не принеся победы ни одной из сторон. Противники остались на прежних местах.

А утром 9 января Тупак Амару посылает новое обращение «многославному кабилдо» Куско: «Вчера, 8 января, продвинулись вперед мои войска с присущим им пылом и захватили один участок, не причинив никому ущерба, хоть люди из города обвинили нас в том, что мы ведем наступательные действия... Избежать смертей, уничтожения домов и пожаров будет невозможно, если я со своей стороны продолжу оборонительную войну!.. Скорбные последствия, которых нужно ждать, вынуждают меня поставить вас в известность: мои индейны требуют, чтобы позволил я им разграбить этот город. Если это случится, он будет разрушен, а жители его обращены в прах, что и составляет цель, которую они преследуют, так как желают отдать город в мое распоряжение. В качестве компенсации они сами хотят заселить его, чтобы не жили в Куско другие жители, кроме моих воинов» (129).

Здесь Тупак Амару отбрасывает все дипломатические уловки, он угрожает и хорошо знает цену своей угрозе. После столь сильного аргумента он прямо переходит к главному: «По образу моих мыслей я никогда и никому не хотел причинять зла... и чтобы ни бог, ни король не обвинили меня потом, прошу передать через моего посланца Фр. Берналеса свое согласие на сдачу города. Высота Пикчу, 9 января 1781 г.» (130).

И на это послание восставшего Инки ответа не последовало. Требовалась решительная военная акция со стороны осаждавших, попытка прорваться на улицы города и использовать по крайней мере свое численное превосходство.

Весь день 9 января на подступах к городу происходили упорные стычки, индейцы из Куско под началом метиса Франсиско Лайсекильи атаковали позиции повстанцев. в атаках принимали участие даже женщины и дети, «они бросали камни, подносили еду и питье». Осаждавшим не удалось прорваться на улицы города. Вечером

того же дня из лагеря Тупак Амару сбежал пленный испанский капитан Антонио Фигероа, отвечавший за всю артиллерию повстанцев.

По словам одного роялиста, жителя Куско, «бой продолжался до глубокой ночи. На рассвете поднялась плотная пелена тумана. Долго не удавалось обнаружить противника и определить его местонахождение. Когда же обследовали местность, оказалось, что он оставил поле боя»¹².

И действительно, бросив повозки, лошадей, мулов, даже свою палатку, Тупак Амару оставил высоту Пикчу и отошел от города.

После 10 дней боев, продолжавшихся с переменным успехом, повстанцы, число которых более чем в три раза превышало число защитников города, снялись с занятых позиций и покинули окрестные холмы к немалому удивлению осажденных¹³.

Что принудило Тупак Амару снять осаду города? И начавшееся дезертирство в его рядах, и крупная военная помощь осажденным, прибывшая в ночь с 8 на 9 января, и, наконец, может быть, самое главное, упорное сопротивление, оказанное ему.

Страх креолов перед правительственной расправой, их политическая аморфность и незрелость, разброд и шатания в среде индейских вождей — все это привело к тому, что антиколониальный союз, за который Тупак Амару столь страстно ратовал, так и не сложился.

Пригрозив вернуться с еще более сильной армией, Тупак Амару отошел на юг, в Тинту, туда, где он полностью контролировал положение. В тылу поддерживался строжайший порядок, активно действовало индейское самоуправление, колониальные чиновники жаловались на то, что на всем протяжении от Куско до Оруро не осталось ни одного испанца.

Спустя два года после осады испанский министр по делам Индий Хосе де Гальвес в память об усилиях, с которыми город Куско сдерживал напор повстанцев, пожаловал городу титул «вернейшего» с теми же привилегиями, какие были и у столицы Лимы (3, 424).

Глава шестая

РЕШИТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

Нас уничтожают как собак, будто мы не христиане, бросают наши тела в полях на прокорм стервятникам, убивают наших жен и детей на груди матерей.

*Письмо Тупак Амару виситадору Арече.
5 марта 1781 г.*

Хотя к 14 января 1781 г. основная часть повстанцев покинула окрестности Куско и ушла на юг, в провинцию Тинта, положение в городе оставалось напряженным. Еще продолжались стычки с отдельными отрядами, да и грозный Тупак Амару в любой момент мог вновь появиться у городских стен. Помощь из Лимы была еще в дороге.

Между тем вице-король Ла-Платы Хосе де Вертис открыл новый, восточный, фронт против повстанцев и скоординировал свои усилия с действиями вице-короля Перу. 15 января он издал указ, в котором повелел для «искоренения пагубного источника всех бед... снять голову с восставшего Хосе и оценить ее в 10 тыс. песо серебром; тому же, кто возьмет его живым, заплатить 20 тыс. ... если же это сделает кто-либо из его сторонников, тот, помимо денежного вознаграждения, получит прощение всех своих грехов и избежит положенного наказания» (137).

Одновременно было принято решение «для полной гармонии» объединить наступление армий обоих вице-королевств против Тупак Амару. Однако желанная «гармония» оказалась трудно осуществимой. Дело в том, что у колониальных властей Ла-Платы имелись свои основания для тревоги и беспокойства.

Примыкающее с востока к озеру Титикака обширное плоскогорье в колониальное время называлось Верхним Перу. С 1776 г. Верхнее Перу стало частью нового вице-королевства Ла-Плата. Однако новые административные границы не принимались всерьез восставшими индейцами, превратившими Сьерру в единый театр военных действий.

За год до восстания Тупак Амару в провинции Чайянта, близ города Потоси, начались волнения среди живших там индейцев аймара и кечва. Волнения угрожали распространиться на окрестности важнейших городов Верхнего Перу — Ла-Паса, Оруро и др. Наличие такого мощного повстанческого движения, как движение перуанских индейцев, в непосредственной близости от озера Титикака могло иметь самые печальные последствия для колониальных властей в Буэнос-Айресе.

Волнения в провинции Чайянта приняли вскоре грозный оборот. 24 августа 1780 г. в селении Покоата произошло столкновение между местным коррехидором Хоакином Алосом и индейцами. В возникшей перестрелке многие были убиты и ранены. Индейцы пленили Алоса и увели с собой. Спасая жизнь коррехидору, власти Потоси срочно выпустили из тюрьмы незадолго до этого посаженного туда вождя местных индейцев Томаса Катари, который уже несколько лет вел упорную борьбу с злоупотреблениями местных чиновников, снискав огромную популярность среди индейцев аймара.

Все документы эпохи рисуют Томаса Катари как сподвижника, соратника, сторонника Тупак Амару¹. Подобно восставшему Инке Томас Катари искал управу на колониальных чиновников, коррехидора Алоса и покрывавших его судей у представителей высшей колониальной администрации. Вождь индейцев аймара стал легендарной личностью при жизни, совершив поход в столицу вице-королевства — город Буэнос-Айрес. Пройдя 3 тыс. км от андских вершин до Атлантического океана, этот мужественный индеец в декабре 1778 г. добрался до Буэнос-Айреса «без плаща, шапки, рубашки и обуви, проделав весь этот тягостный путь пешком, без знания испанского языка» (296). Томаса Катари принял и выслушал протектор индейцев — Самудио и вице-король Хосе де Вертис. Высокие испанские чиновники повелели властям Потоси произвести строжайший разбор жалоб Томаса Катари. Приказ, однако, не возымел никакого действия. Алчный, не брезговавший никакими средствами обогащения коррехидор Алос, достойный собрат своего «коллеги» Арриаги, оказался сильнее вице-короля. В июне 1780 г. Томас Катари уже в который раз был упрятан Алосом и его покровителями в тюрьму, откуда его и выпустили под давлением индейцев 30 августа 1780 г.

Движение индейцев аймара под руководством Томаса Катари, возникшее до начала мощного восстания Тупак Амару, а затем развивавшееся одновременно с ним, к декабрю 1780 г. охватило территорию не только Чайянты, но и соседних с нею провинций. Все испанцы, креолы, метисы, даже некоторые оставшиеся верными королю индейские правители покинули район, опасаясь за свою жизнь. Томас Катари, ставший полновластным хозяином этой важной горнорудной области, ввел индейское самоуправление, назначив на все административные посты индейцев, своих сподвижников. Он повсеместно снизил налоги, завышенные Алосом. По свидетельству очевидцев, «индейцы целовали Томасу Катари руки, край его пончо, называли его спасителем. индейские касики присягали ему на верность, как королю»². Однако никаких военных наступательных акций против гарнизонов крупных испанских городов он не предпринимал, не координировал прямо своих действий с действиями Тупак Амару, ограничившись местными рамками.

15 января 1781 г., в дни отступления Тупак Амару из-под Куско, Томас Катари был убит испанцами. Руководство восставшим районом перешло в руки его братьев — Николаса и Дамасо Катари. Вместе с ними на повстанческой арене появился еще один представитель индейцев аймара — Хулиан Апаса, торговец кокой, житель селения Сикасика, расположенного между городами Ла-Пас и Оруро. Он получил из рук братьев Катари «мандат на право называться вице-королем» и осуществлять его полномочия на территории родного и ближайших селений, объединив 5 тыс. индейцев (3, 165). Так возник еще один очаг повстанческого движения, прямо угрожавший крупному колониальному центру — городу Ла-Пасу, стоявшему близ восточного побережья озера Титикака. Комендант города, дон Себастьян де Сегурола, готовый уже по приказу вице-короля выступить против армии Тупак Амару, оказался вынужденным свернуть приготовления к походу и заняться оборонительными укреплениями Ла-Паса.

Как видно, движение индейцев аймара в начале 1781 г. объективно способствовало провалу оперативного плана колониальных властей объединить действия карательных отрядов против Тупак Амару с востока и запада. Это развязывало ему руки и предоставляло широкое поле для инициативы.

Какие же шаги предпринял восставший Инка после отступления из-под Куско?

Сосредоточив все свои силы в провинции Тинта, решив превратить ее в неприступный бастион, Тупак Амару продолжал наносить роялистскому ополчению чувствительные удары в различных частях Сьерры. Особенно успешно шли дела в окрестностях озера Титикака, провинциях Асангаро, Лампа, Чукито, где уже полным ходом развернулось движение индейцев аймара. На этом направлении руководили операциями командиры-креолы Рамон Понсе и Педро Варгас, индейцы Николас Санка, Паскуаль Алапарига, Андрес Ингарикона, Исидро и Хуан Мамани. Гарнизон Пуно, стратегически важного пункта на границе вице-королевств Перу и Ла-Платы, на западном берегу озера Титикака, оказывал повстанцам упорное сопротивление. В захваченных селениях повстанческие командиры именем «Инки, короля и сеньора Перу» (3, 54), сжигали тюрьмы, стоявшие на главных площадях виселицы и позорные столбы, непременные атрибуты и символы испанской колониальной власти, а также дома и владения испанцев. В случае, если те не успевали скрыться, их убивали на месте. Остальные жители пополняли ряды восставших. По словам очевидцев, атаки повстанцев сопровождались «оглушительным кличем, боем барабанов, трелями рожков, а также пальбой из ружей в честь многочисленных развевавшихся знамен» (3, 46). Отдельные малочисленные отряды испанского ополчения в панике разбегались.

К концу января 1781 г. относится важный документ, направленный Тупак Амару тайному стороннику Хосе Паредесу, священнику из Ла-Паса. В письме Тупак Амару, в частности, утверждает, что из восьми приходов Куско шесть на его стороне, рассказывает о том, сколько он приложил усилий, чтобы удержать индейцев от разрушения Куско. Инка пишет о главной своей задаче «добиться справедливости и облегчить участь жителей королевства», за это он отдал бы и тысячу жизней, если бы их имел, так как действует во имя общего блага, ибо он противник корыстного правления и изгоняет только коррехидоров и всех чапетонес, которые противятся его приказам. Объясняя причину, побудившую его действовать «в пользу индейцев и других каст страны», Инка заявляет: «Мой долг сделать это, так как я последний

Тупак Амару Fonta y Feb ° 28 de 1781

Автограф Тупак Амару. 28 февраля 1781 г.

потомок последнего короля Перу и его наследник и нет другого, кто мог бы совершить это святое, правое дело»³.

В конце января 1781 г. Тупак Амару, очевидно, еще не расстался с мыслью возобновить наступление на Куско. Он отдал приказ реквизировать в захваченных им провинциях скот и королевскую казну и оставил за собой право собирать королевские налоги, чтобы подготовить новую осаду Куско.

Двоюродный брат Тупак Амару — Диего Кристоаль вместе с индейцем Томасом Парвиной и испанцем Фелипе Бермудесом вели в это время напряженные бои на южных и восточных подступах к Куско. Особенно активные военные действия, продолжавшиеся 17 дней, развернулись в феврале 1781 г. около горной крепости Паукартамбо. Повстанцам не удалось взять ее, они оставили также селения Койя, Ламай и Сан-Сальвадор. И на этот раз испанцы были обязаны военными успехами энергичному и умело организованному наступлению индейского отряда под командованием Матео Пумакавы. 1 марта 1781 г. испанская корона в очередной раз отметила его заслуги: ему пожизненно назначили жалованье капитана королевской армии⁴.

К концу февраля 1781 г. провинция Чумбивилькас,

вдоль западной границы повстанческой провинции Тинта, была потеряна восставшими. С конца февраля 1781 г. положение Тупак Амару кардинально изменилось. 23 февраля в Куско вошли карательные силы во главе с генеральным виситадором Арече и фельдмаршалом Хосе дель Валье. Два месяца потребовалось им, чтобы преодолеть путь из Лимы. Отныне Тупак Амару перестал быть хозяином положения в Тинте.

Испанское командование немедленно взялось за разработку плана наступления. На кого могли рассчитывать испанцы, собирая свою армию? Прибывшие из Лимы солдаты регулярной службы — отряд мулатов, драгуны из порта Кальяо были немногочисленны и фактически небоеспособны из-за непривычного для них высокогорного климата перуанской Сьерры. Вся надежда возлагалась на ополчение из немногих испанских офицеров, жителей Куско и «верных» индейцев. К началу марта посулами, уговорами и угрозами власти собрали 17 116 человек, из них более 16 тыс. составляли индейцы из окрестных общин и сел. Не ограничившись военной подготовкой, королевские чиновники решили подорвать изнутри лагерь повстанцев.

5 марта 1781 г. на улицах Куско появился указ за подписью Арече, в котором провозглашалась амнистия всем участникам восстания, кроме главных его вдохновителей и организаторов: тому, кто выдаст Тупак Амару и ближайших его сподвижников, торжественно обещалась пожизненная пенсия в 80 песо. Этим указом роялисты рассчитывали вызвать массовое дезертирство в рядах повстанцев. Сам факт присутствия в Куско правительственной армии и личного представителя короля — Арече — коренным образом менял расстановку сил в Сьерре.

Тупак Амару отчетливо понимал всю угрозу, которую представляли для повстанцев карательная армия во главе с опытными испанскими офицерами и план нападения, нацеленный в самое сердце повстанческой зоны.

Не оставалось никаких сомнений в том, что неизбежное столкновение двух армий — дело ближайшего будущего.

В этой критической ситуации индейский вождь прибегает к тактическому ходу с тем, чтобы сорвать готовящееся наступление. 5 марта 1780 г., сразу же после объявления так называемой амнистии, он направляет про-

странное послание виситадору Арече, цель его — посадить роялистов за стол переговоров и тем самым избежать нового неминуемого кровопролития. Очевидно, Тупак Амару полагал, что сосредоточенная в его руках повстанческая сила — гарантия успеха задуманного им шага.

Это новое обращение к колониальным властям, интереснейший человеческий документ, — отнюдь не покаянное письмо, а скорее обвинительный акт. В нем Тупак Амару обрушивается с резкой критикой на колониальные порядки и требует коренной их перестройки.

Вновь и вновь с гневом ополчается он на коррехидоров. Обращаясь к библейской истории, Тупак Амару восклицает: «Добро бы фараон, который нас преследует, унижает и уничтожает, был бы один, но их много — это коррехидоры, их заместители, сборщики налогов и прочие крючкотворы, люди поистине дьявольские и порочные, словно родились они в мрачном адском хаосе и вскормлены были на груди самых неблагодарных гарпий, настолько они бесчеловечны, жестоки и деспотичны... Хорошо известно, что на них жаловались королевскому совету архиепископы, епископы, члены кабилдо, прелаты, священники и другие достойные и образованные люди, прося найти на них управу, но, к огромному нашему несчастью, ни в прошлом, ни в настоящее время их мольбы не были услышаны в королевском совете, не дошли они и до королевских ушей...» (146).

Прибегая к историческим аналогиям, к авторитету влиятельных представителей колониального общества, Тупак Амару пытался оказать моральное давление на виситадора Арече. Обличая злоупотребления коррехидоров, Тупак Амару приводит и конкретные факты: «Покойный Арриага... продал нам товаров более чем на 300 тыс. песо согласно книгам учета, находящимся в моем распоряжении. Норма же для этой провинции — 112 тыс. на все пятилетие его правления; коррехидор провинции Чумбивилькас похвалялся, что за два года выручит больше, чем его предшественник добыл за пять лет. И так поступает каждый... Асендадо обращаются с нами хуже, чем с рабами, заставляя нас работать с двух часов утра до полуночи, когда загораются первые звезды...» (147—148).

Тупак Амару вновь затрагивает наболевший вопрос, которому он всю жизнь придавал огромное и, к сожалению,

нию, незаслуженно большое значение,— вопрос о том, чтобы пресловутые Законы Индий перестали, наконец, пылиться на полках королевских канцелярий и начали претворяться в жизнь. Вот почему он восклицает: «Не хотим, чтобы нами управляли с помощью кастильских законов... а только нашими собственными — королевскими указами, выработанными для наших королевств (т. е. колониальных владений.— С. С.) и предназначенными для нашего блага... В Законах говорится о том, чтобы наши жизни и имущество оберегались и чтобы нас не увозили от дома далее чем на 29 лиг. На миту в Потоси мы тратим более трех месяцев пути, никто нам не оплачивает дорогу ни туда, ни обратно ... Те же индейцы, что возвращаются, умирают через месяц харкая кровью...».

Наконец, что очень важно, прибегая к авторитету королевского законодательства, Тупак Амару яростно отстаивает свое право на защиту индейцев любыми способами включая восстание.

«Как гласят пункты Законов 8, 9, 10,— пишет Инка,— в случае восстания, даже если оно будет направлено против королевской короны (настоящее таковым не является, а направлено против продажных коррехидоров), нас должны спокойно призвать к миру без войны, грабежа и смертей...

Скажу же я теперь, какую мягкость, какое стремление к миру проявили до сего дня к нам... Нас уничтожают как собак, будто мы не христиане, бросают наши тела в полях на прокорм стервятникам, убивают наших жен и детей на груди матерей. Разве грабить нас — это и есть способ призвать к миру и покорности королевской короне Испании? Опубликовать указ о прощении одних и наказании других — это и есть путь умиротворения народов?» — гневно вопрошает автор письма. Он выражает страстную уверенность в том, что именно повстанцы, «убивая коррехидоров и их приспешников, оказывают огромную услугу его величеству и потому достойны награды и всякого расположения» (150—151).

Письмо к Арече было последней попыткой Тупак Амару убедить колониальные власти в необходимости, законности и правомерности своих действий. Он еще надеялся быть услышанным.

Ответное письмо генерального виситадора не оставляло никаких надежд на мирное разрешение конфликта.

Предупредив Тупак Амару, что идет на него с многочисленной и хорошо вооруженной армией, Арече настоятельно убеждал его «сдаться по собственной воле и уповать на милосердие и справедливость короля» (2, 564).

Индийский вождь решил бороться до конца. Ему не удалось остановить кровопролитие. Колониальные власти не оставили ему никакого другого выбора, кроме отчаянного вооруженного сопротивления.

В первых числах марта из Куско на юг начали выходить отдельные подразделения карательного войска, каждое из них следовало по предназначенному ему маршруту. Согласно разработанному плану наступления им надлежало подойти к провинции Тинта с разных сторон, окружить и ликвидировать этот повстанческий бастион. Неуверенность и смута, царившие в королевском лагере, вынудили Арече поставить во главе всех шести колонн и резервного полка исключительно испанских офицеров, креолы не вызывали у него доверия. В обозе, как всегда, шли «верные» индейцы. Одним из индейских отрядов командовал слуга испанского короля — Матео Пумакава.

Как следует из дневниковых записей Хосе дель Валье, карательная армия с самого начала столкнулась с большими трудностями. Он писал: «9 марта вышел я из Куско во главе 16 тыс. человек. Армия состояла из небольшого числа метисов, более же всего из индейцев «верных» провинций, таких же наших врагов, что и мятежники. Чтобы добиться их участия в походе, пришлось дать обещание отпустить их на месяц раньше для сбора урожая с полей.

С первых же дней обнаружилась нехватка еды для солдат и фуража для вьючного скота... Путь проходил по обезлюдевшим, заброшенным местам, много селений было сожжено, жители их прятались на заснеженных вершинах, скрывшись от нас со всем своим скотом, зерном, лошадьми и имуществом. В этих суровых краях нельзя было найти ни вязанки дров, ни сухого навоза, чтобы развести костер, ежедневно от голода падало 25—30 мулов. Враги перерезали сообщение с Куско. Одного индейца, который вез мне письмо, мятежники поймали и обрезали ему уши, нос и руки, вот почему я больше не мог найти желающих для выполнения подобной же миссии» (3, 91—92). Как видно, в горных районах повстанцы продолжали чувствовать себя хозяевами положения.

Первое столкновение произошло на границе провинции Чумбивилькас и Тинта. 18 марта Инка передал испанскому главнокомандующему письмо: поскольку следующий день — праздник св. Хосе, покровительствующего им обоим (дель Валье был тезкой Тупак Амару), он считает эту дату подходящей для решительной схватки. Обращает на себя внимание дерзкий, вызывающий тон письма, словно Инка заранее уверен в успехе. И действительно, то был искусный маневр. Испанский отряд тщетно ждал нападения: индейские воины исчезли, чтобы нанести удар неожиданно и в другом месте. Однако предатель-перебежчик Януарио де Кастро вероломно выдал план повстанцев. Ночью он тайно сбежал из расположения армии Тупак Амару и сообщил испанцам, что утром на них будет совершено нападение, которое станет «второй катастрофой Сангарара». Повстанцы напали перед рассветом, но встретили хорошо организованный отпор врага. Так испанцам удалось избежать тщательно готовившегося удара. Всего между 19 и 22 марта произошло четыре ожесточенных сражения. В них приняло участие более 6 тыс. восставших индейцев, тысяча из них погибла. Командиры Томас Парвина и Фелипе Бермудес сражались до тех пор, пока не пали замертво у пушки, из которой вели огонь по противнику.

Испанец Фелипе Бермудес — человек интересной судьбы. В ноябре 1780 г. еще казначей Арриаги, в первые же дни восстания он принял сторону Тупак Амару и стал преданнейшим его сподвижником: был секретарем, членом Тайного совета Инки, получил от него звание генерала и возглавлял самые ответственные военные операции. Последний бой решил не только его судьбу, но и судьбу провинции Тинта: путь к бастиону повстанцев отныне был открыт. По приказу Арече 31 марта головы двух прославленных генералов Инки выставили для обозрения на главной площади Куско.

Как нам уже известно, Тупак Амару приложил немало сил, чтобы сделать город Тинту неприступным: по отзывам современников, его окружили широким рвом и стеной, которую охраняли 1200 надежных индейцев. Здесь имелись большие запасы мушкетов, пуль, пушечных снарядов. Однако людей, обученных военному делу и ружейному бою, по-прежнему остро недоставало. Неудивительно, что, несмотря на сосредоточение в провинции

Тинга значительной по тем временам военной техники и наиболее преданных индейских отрядов, повстанцы не смогли оказать противнику должного отпора. Во главе испанской же армии стояли профессиональные военные, опытом которых не располагал ни сам Туapak Амару, ни его приверженцы.

Партизанские нападения, совершавшиеся отрядами Туapak Амару, не приносили зримых результатов. Губительная тактика обороны, боязнь активного наступления, столь характерные для крестьянских восстаний, привели к тому, что вскоре стала неумолимо затягиваться петля вокруг провинции Тинта. Испанцы навязывали повстанцам сражения в невыгодных для тех условиях. Колонна под началом Арече вошла в город Кикихану. Роялисты немедленно казнили главного судью, назначенного Туapak Амару, и местного индейского правителя Помаинку.

В ночь с 5 на 6 апреля 1781 г. между селениями Сан-гарара и Тинта, на холмах Чекакупе, произошел последний бой. Туapak Амару расположил свое более чем 14-тысячное войско в узкой долине, позиция была выбрана неудачно, и испанцы не замедлили окружить повстанцев со всех сторон, намереваясь принудить их всех сразу сдаться в плен. На холмах Чекакупе стоял цвет индейского воинства, обреченного на поражение. Под утро 6 апреля Туapak Амару сделал попытку прорвать окружение, но тщетно: роялисты, стоявшие наготове, атаковали повстанцев столь энергично, что «поле боя превратилось в мясорубку» (138). В рядах повстанцев началась паника. Туapak Амару принял решение отступать в южные предгорья, представлявшие надежный тыл.

Однако ему не удалось осуществить свой план. Его предали. Как бесстрастно свидетельствует донесение, составленное по горячим следам, 7 апреля 1781 г., одним из очевидцев пленения индейского вождя, это произошло так. После неудачного сражения на холмах Чекакупе Туapak Амару «верхом на коне быстро поднялся до самой вершины горы с тем, чтобы спуститься по противоположному склону и перебраться вплавь через реку Комбапату. 18 мулатов из пехотного ополчения Лимы, предупрежденные индейцами-перебежчиками о его намерении, пустились за ним вдогонку со всею прытью. Но, прежде чем они появились на берегу реки, повстанец уже бросился в воду: мулаты, заинтересованные в его поимке, чтобы за-

работать 20 тыс. песо, обещанных тому, кто приведет его живым, тоже бросились в воду; быстрое течение сразу же унесло двоих из них, остальные 16 добрались до другого берега тогда, когда Тупак Амару уже скрылся в прибрежных зарослях. Мулаты захватили одного из его капитанов, следовавших за ним, тот ценой своей свободы обещал выдать Инку, он предложил солдатам в полной тишине следовать за ним, пока он не догонит и не окликнет Инку, и тогда, услышав его голос, надо схватить мятежника. Так и сделали: немногим более чем через пол-лиги капитан догнал Инку, и пока тот обсуждал вместе с ним отчаянное свое положение, мулаты напали на него и привели в наш лагерь»⁵.

Имя человека, предавшего Тупак Амару, удалось узнать, хотя оно тщательно скрывалось властями. Метис из Куско — Франсиско Санга-Крус ценой головы Тупак Амару купил себе свободу и «всемиловейшее прощение страшного греха» — участия в восстании.

В дни поражений, в обстановке всеобщей паники и расгаранности особенно сказывалась неподготовленность индейцев к длительной сознательной борьбе.

Говоря о стихийности и неорганизованности классовой борьбы русского крестьянства, В. И. Ленин указывал на отсутствие у него элементарного политического сознания и писал: «Мы... не забываем политической неразвитости и темноты крестьян...»⁶. Эти слова могут быть с известным основанием отнесены и к индейскому крестьянину-общиннику.

Между тем, пока завершалась трагическая развязка событий под Тинтой, в Верхнем Перу происходили важные перемены. Индейцы аймара под началом братьев Катари в Хулиана Апасы перешли к активным вооруженным действиям против испанских колониальных властей. Всякая связь между Лимой и Буэнос-Айресом прервалась, колониальные власти утратили контроль над обширными внутренними горными областями. В середине февраля 1781 г. 7 тыс. индейцев под началом Дамасо Катари сконцентрировались в окрестностях крупного колониального центра — города Чукисаки, или Ла-Платы (нынешний Сукре), с целью захватить его. 10 февраля другой город — Оруро перешел в руки объединившихся индейцев, метисов и креолов. Затем наступила очередь и Ла-Паса. Волнения в его окрестностях начались еще в

январе 1781 г.; 14 марта город со всех сторон наглухо обложили индейские отряды, которыми руководил Хулиан Апаса. Всего, по подсчетам Б. Левина, в марте 1781 г. под командой различных вождей в глубинных областях вице-королевств Перу и Ла-Платы на площади в 1500 км² сражалось более 100 тыс. индейцев⁷.

В районах восстания распространялись воззвания Тупак Амару и многочисленные обращения, составлявшие от имени братьев Катари и Хулиана Апасы⁸. Эти документы призывали жителей восставших провинций признать власть Тупак Амару как нового короля, провозглашалась отмена всех налогов — от королевской подати до десятины. Среди ближайших планов братьев Катари фигурировали «установление нового правления, уничтожение городов, так как от них происходят все поборы и обложения». Прокламации призывали индейцев «стать хозяевами своей земли и плодов, которые она производит» (308).

Не случайно именно к Ла-Пасу были устремлены мысли потерпевшего поражение Тупак Амару. Именно на дороге в Ла-Пас предатели схватили обоз, в котором Микаэла Бастидас в сопровождении двух сыновей и ближайших соратников везла повстанческую казну.

Фельдмаршал дель Валье, вошедший в Тинту, приказал повесить 67 сторонников Тупак Амару, не успевших скрыться. Их отрубленные головы надели на колья и выставили вдоль дороги для всеобщего устрашения. Застучали топоры на площадях и дорогах Перу — предвестники беспощадной расправы.

Я здесь, покарайте меня... я — один в ответе.

*Письмо Тупак Амару виситадору Арече.
5 марта 1781 г.*

6 апреля 1781 г. Хосе Габриэль Тупак Амару, восставший Инка, стал пленником испанской армии. Его повстанческая биография продолжалась всего пять месяцев.

Вместе с ним в руках роялистов оказались его жена Микаэла Бастидас, двое их сыновей — старший, 20-летний Иполито, и совсем еще мальчик Фернандо; Томаса Кондемайта, правительница индейцев Акоса, горячо преданная делу восстания; секретари Тупак Амару; его командиры. Таким образом, в плен попало около 40 человек, в том числе испанцы, креолы, метисы, индейцы и негры, представители всех сословий колониального Перу. Среди испанцев и креолов следует упомянуть Мельчора Артеагу, занимавшегося материальным обеспечением армии Инки; Рамона Понсе, штурмовавшего Пуно и Хулиаку, ответственного за артиллерию; Мануэля Гальегильоса, писаря, выходца из Оруро; Диего Ортигосо, советника, родом из Арекипы; Эстебана Ваку, литейных дел мастера из Куско; Мариано Катаньо, командира; Мариано Бандо, бывшего секретаря Арриаги, ставшего затем секретарем и советником Инки (141—142).

Королевские власти знали об участии испанцев в повстанческом движении. Так, Хосе дель Валье писал 1 января 1781 г. испанскому министру по делам Индий: «В окружении Инки Тупак Амару есть несколько испанцев, которые даже руководят отдельными отрядами его армии»¹. Теперь многих из них ожидал суровый королевский суд. Примечательно также, что среди соратников Инки были выходцы из крупных городов Перу и Ла-Платы, что говорит о широкой, разветвленной сети его единомышленников. В плену оказались и родственники Ту-

пак Амару, так как в восстании принимали участие весь его многочисленный род и род его жены. Среди четырех бывших рабов, освобожденных Инкой, негр, точнее самбо, Антонио Облитас — самая известная фигура. Раб и сапожник коррехидора Арриаги, он лично казнил своего хозяина и стал преданным солдатом Тупак Амару. Ему принадлежали несколько прижизненных зарисовок Тупак Амару, которые не дошли до наших дней и считаются безвозвратно утерянными.

Под усиленной охраной, возглавляемой фельдмаршалом дель Валье, пленников отправили в Куско. Оставшийся на свободе брат Инки — Диего пытался отбить пленников, но безуспешно. Виситадор Арече, которому не терпелось взглянуть на поверженного врага, выехал встречать его в Уркос.

14 апреля 1781 г. печальная процессия появилась на улицах города, оцепленных вооруженной стражей. Окна и балконы были забиты обывателями и зеваками: Тупак Амару, верхом на муле, руки и ноги в цепях, ехал с непокрытой головой, «чтобы все его признали»². За ним следовали жена и ближайшие сподвижники. По распоряжению Арече Инку разлучили с его близкими и всех по отдельности рассадили в мрачные подвалы иезуитского монастыря, временно превращенного в тюрьму.

Колониальные власти рассматривали пленение Тупак Амару, этого грозного врага испанской короны, как огромную победу, дававшую им ключ к горным районам вице-королевств Перу и Ла-Платы. Считалось, что обезглавленное движение выдохнется само собой. Сколь близоруки были испанские чиновники в своих расчетах, показало ближайшее будущее. А пока королевский лагерь шумно ликовал. Епископ Буэнос-Айреса, узнав о поимке Тупак Амару, приказал три дня подряд звонить в колокола во всех церквах своей епархии. На улицах Кордовы и Тукумана местные власти устроили праздничные иллюминации и гулянья. Кульминация событий ожидалась в Куско.

Испанские чиновники — чапетонес, не раз заклеянные Тупак Амару в его воззваниях, поспешно берутся за организацию судилища над пленными повстанцами.

Индийский вождь стремился облегчить участь своих сторонников. Еще в письме к Арече перед лицом решительной схватки с врагом, который был жесток и беспо-

паден, Тупак Амару писал: «Уж так повелось, что в наших краях во всем виноваты индейцы, если так, накажите меня одного как единственного виновного и не расплачивайтесь невинными за дело, начатое мною... Если героические действия, предпринятые во имя облегчения участи бедных жителей провинций, испанцев и индейцев... есть преступление — я здесь, покажите меня, но оставьте жизнь другим» (152), — вновь повторял Инка, словно предчувствуя, что потоками крови затопит страну его «высокопочтенный» адресат.

Призыв индейского вождя к человеколюбию и гуманности остался без ответа.

Тупак Амару и его жену подвергли пристрастнейшему допросу. Специально прибывший из Лимы судья Бенито де ла Мата Линарес пытался выяснить у Инки, кто из видных креолов состоял с ним в заговоре и давал ему «дурные» советы, рассчитывал ли он на английскую помощь, когда задумал восстание и как его готовил. Однако ни сам Тупак Амару, ни его мужественная подруга не выдали ни одной тайны, ни одного имени.

Один из стражников, которому удалось несколько раз беседовать с Тупак Амару, рассказывал, что его чрезвычайно поразили самообладание и уверенность, с которыми держал себя «этот индеец, повергнувший в смятение целое королевство и брошенный в тюрьму»³. Ни раскаяния, ни смирения, ни готовности вымаливать прощение в столь безвыходной и трагической ситуации!

Тупак Амару проявил высокое присутствие духа. По словам очевидца, на всех вопросах он «продолжал упорствовать и не признавал вины, несмотря на страшные истязания, которым подвергли его на дыбе. Ему вывернули одну руку и основательно повредили многие кости. Но и этого оказалось мало, чтобы он сделал признание, которого от него добивались» (2, 787). Постоянный свидетель пыток — Арече — был вынужден с удивлением признать: «Дух и натура этого человека необычайно крепкие, а выдержка несоизмерима ни с чем»⁴. Это не мешало Арече со свойственным ему изощренным цинизмом приглашать измученного, но не покоренного Тупак Амару в собственные апартаменты на трапезу, «достойную его высокого сана».

Тупак Амару боролся до конца. Нет, он не ждал смиренно смертного часа, пытался дать о себе знать

оставшимся на свободе сторонникам, просил у них помощи.

Сохранились записки, которые он тайно писал из тюрьмы. Дону Маркосу Кастильо: «У меня трудные времена, разбита правая рука, поэтому пишу еле-еле». Дону Хосе Паласиосу, двоюродному брату, записка была написана кровью на лоскуте рубахи: «Прошу передать подаателю записки 25 песо в долг». Дону Бернардо Гальего и дону Паскуалу Карвахалю: «Просил Вас прислать 25 песо, но Вы не прислали, вновь обращаюсь к Вам, во имя бога, мне предстоит поездка, а я без средств»⁵.

Ни один из адресатов Тупак Амару, несомненно хороших знакомых Инки по старым временам, не откликнулся на его отчаянные мольбы. Что же касается родственника, дона Паласиоса, в дни триумфа писавшего ему восторженные письма, то он испугался и лично отнес записку в суд, дабы снять с себя всякие подозрения в соучастии.

Охранявшая Инку стража немедленно докладывала обо всех попытках Тупак Амару связаться с внешним миром. Арече стало известно, что он уговаривал стражника Каэтано Вильчеса передать ему нож, чтобы распилить цепи, пообещав взамен указать место, где спрятано много сокровищ (3, 118). Тупак Амару не удалось бежать из подвала иезуитского монастыря, а верноподданный Каэтано Вильчес так и не получил обещанного ему вознаграждения — «трех реалов в день на хозяйство по причине великой скудности королевской казны» (3, 119).

Дни жизни Тупак Амару были сочтены: сказались две недели пыток, перекрестных допросов, очных ставок. 2 мая 1784 г. его нашли в столь тяжелом состоянии, что власти испугались, как бы он не умер до казни. Спешно завершилось слушание дела, при этом королевская аудиенсия в Лиме выполнила все юридические формальности, прислав в Куско обвинителя и защитника. 15 мая 1784 г. виситадор Арече подписал приговор, составлявшийся, судя по всему, в большой спешке.

В обвинительном заключении судьи с предельной четкостью мотивировали поспешность вынесения приговора как «из-за особой опасности, которую представлял обвиняемый (дважды пытался бежать), так и ради быстрейшего успокоения этих обширных провинций». Признавалось также необходимым возможно быстрее

«рассеять распространенное среди всего индейского народа суеверие, будто к Инке нельзя применить смертную казнь по причине его высокого происхождения от главной династии инков как абсолютного и подлинного хозяина этих земель и подданных» (153).

Видимо, исполинская личность Тупак Амару, даже плененного, внушала страх его обвинителям и казалась неуязвимой и неподсудной земному суду для всех индейцев.

«„Преступник“ Тупак Амару обвинялся в том, что возбуждал ненависть к каждому европейцу, ко всем белым, или *шукакунас* (мы знаем, что ненависть была ответом на жестокий колониальный гнет.— *С. С.*)», на свой манер восстал против законного суверена, лишив его самых высоких прерогатив, а именно: назначал священников и судей в провинциях, заставлял принимать себя в церквах с королевскими почестями, уничтожал репарто и миту, королевские адюаны, объявив их несправедливыми, открывал и сжигал обрахе, конфисковал имущество частных лиц и, не удовлетворившись этим, хотел наложить руку на королевскую казну, осуждал на смертную казнь непокорных его воле и ставил для этой цели виселицы во всех селениях, казнив таким путем многих; поднимал селения и провинции, и приведя их жителей к покорности, убедил их, что является их законным и настоящим сеньором; более того, внушил своим солдатам веру в то, что после своей коронации воскресит всех тех, кто погибнет в битвах; приказывал снимать церковные колокола и переливать их на пушки и т. д. (154).

Практически во всех приведенных пунктах обвинения наглядно отразилась программа революционной ломки колониальных институтов, реализованная индейским вождем в ходе восстания. Что же касается его необычайной способности «воскрешать мертвых», то это поверье, бывшее, очевидно, отголоском древних языческих представлений, действительно имело широкое хождение среди повстанцев. Вот еще одно свидетельство, взятое нами из частного письма современника событий, жителя Ла-Паса Хуана Савалы, который писал: «Индейцы с восторгом отдаются смерти, так как убеждены, что на пятый день их воскресит их король Тупак Амару» (3, 84).

Приговор гласил: «Преступника Хосе Габриэля Тупак Амару вывести на главную площадь Куско, волоча

по земле до места казни, где присутствовать ему при исполнении приговоров над его женой Микаэлой, его двумя сыновьями—Иполито и Фернандо, его шурином—Ангонио Басидасом и другими главными капитанами и помощниками в его порочных проектах и планах» (156).

Нужно полагать, с точки зрения королевской юстиции, позволить такому человеку, как Тупак Амару, умереть обычной смертью значило бы проявить к нему непростибельное, преступное «сострадание», а потому решено было, чтобы Тупак Амару пережил восемь смертей, прежде чем умереть самому.

Способы казни для каждого из осужденных организаторы судилища продумали с такой тщательностью, словно задались целью устроить средневековое аутодафе. Приговор производил столь тяжелое впечатление, что вице-король Ла-Платы отказался предать гласности его текст в своих владениях. «Едва ли в каких-либо варварских анналах можно найти документ, сходный с этим по его зверской жестокости и скудоумию, тем не менее вот плод воображения испанского чиновника каких-нибудь 100 лет назад»,— писал в конце XIX в. известный английский историк Клемент Маркхэм⁶.

В пятницу 18 мая 1781 г. на главной площади города Куско соорудили виселицу и помост и оцепили их четырьмя рядами вооруженной стражи. Много казней, много смертей видела древняя площадь, ее плиты были обильно политы кровью сыновей индейского народа, но зрелище, которому предстояло развернуться на ней в тот день, мы вправе сегодня назвать преступлением против человечности.

Казнь началась. Заключенных вывели из камер, каждого посадили в мешок, привязанный к хвостам спаренных лошадей, и выволокли на площадь. Первыми поднялись на эшафот Хосе Бердехо и Андрес Кастело, креолы, командиры, а также Антонио Басидас, брат жены Тупак Амару, и Антонио Облитас. Их «просто повесили» (161).

Затем наступила очередь Франсиско Тупак Амару, 80-летнего старца, и 20-летнего Иполито — дяди и старшего сына Инки. Палачи вырвали у несчастных языки и только потом повесили. Томасу Кондемайту ожидала другая участь: ее удушили железным кольцом, привязанным к колесу, это была гаррота — орудие пытки, «доселе здесь невиданное».

Микаэла Бастидас, по преданию, перед казнью запела ярави, кечванскую песню о любви, прощаясь со своим мужем. Палач попытался отрезать ей язык, но Микаэла сопротивлялась с таким упорством, что это удалось сделать только после ее смерти. Да и сама смерть отступилась было от удивительной женщины-воительницы. Как свидетельствуют очевидцы, шея ее оказалась столь тонкой, что «невиданная гаррота себя не оправдала». Тогда озверевшие палачи ударами покончили со своей жертвой (162).

Индейскому вождю уготовили самую мученическую участь. Его вывели в центр площади, вырвали язык и затем бросили лицом на землю. Далее произошло нечто «совершенно невиданное». Руки и ноги Тупак Амару привязали веревками к седлам четырех лошадей. Сидевшие на лошадях всадники по данному знаку одновременно погнали лошадей в разные стороны. Один из свидетелей казни писал: «Не знаю, то ли лошади были слабые, то ли индеец действительно был сделан из железа, но разорвать его оказалось делом совершенно невозможным; долгое время его раздирали в противоположные стороны, и временами он повисал в воздухе подобно гигантскому пауку, только тогда висатадор (Арече из окна иезуитской коллегии наблюдал сцену казни.— С. С.) из сострадания (1), дабы прекратить мучения несчастного, повелел отрубить ему голову» (162). В то же время он приказал арестовать чиновника, который не обеспечил для казни «подходящих» лошадей.

Все описанное происходило в правление Карла III, по словам авторов расправы, «самого справедливого из всех испанских монархов» (153), который спустя два года утвердил этот варварский приговор.

Казалось бы, мученический конец Тупак Амару и его близких мог удовлетворить самую жестокую фантазию, но нет, до конца было еще далеко. Тело Тупак Амару перенесли на эшафот и отсекли от него руки и ноги. То же самое проделали и с телами других казненных. Среди присутствовавших находилась и еще одна жертва: младшего сына Инки — 12-летнего Фернандо, закованного в кандалы, заставили смотреть на предсмертные муки родителей. Пронзительный крик, вырвавшийся из груди мальчика, еще долго звучал в ушах онемевшей от ужаса толпы. Фернандо, «милостиво» прощенного королевскими

судьями, провели под виселицей и осудили на вечное изгнание.

Анонимный свидетель казни писал впоследствии: «В этот день собралось на площади много народа, но никто не кричал, никто не возвысил голоса...

Среди зрителей не было видно индейцев, во всяком случае никого в индейской одежде, а если такие и были, то прятали лицо под шляпой или пончо... Время тогда было сухое, дни стояли очень ясные, но в день казни рассвет был такой мгlistый, что не было видно солнечного лица, небо везде затянуло тучами; к 12 часам дня, как раз когда лошади раздирали индейца (Тупак Амару.— С. С.), поднялся вдруг такой порыв ветра, и после него начался такой ливень, что все люди и стража поспешно разбежались. Вот причина, почему индейцы говорят, что само небо и силы природы оплакивали смерть Инки...» (162).

Известный перуанский историк Луис Валькарсель пишет: «Есть ли в истории страница более жуткая, чем та, на которой... развернулся кровавый пир чудовищного садизма — казнь Хосе Габриэля Тупак Амару и его близких?.. Ничто по сравнению с ним бои гладиаторов, невинными кажутся пытки инквизиции, благодушными жертвоприношения христиан в римском цирке... Остановись, человечество, созерцая мученический конец Тупак Амару... Его трагедия не изгладится из памяти людской. Она вечное напоминание — символ жертвенности в жизни и сердцах андских народов»⁷.

Изуродованные тела Тупак Амару и Микаэлы были выставлены на вершине горы Пикчу, с которой еще недавно индейский вождь атаковал Куско. Затем тела их бросили в костер и пепел развеяли по ветру. Согласно специальному документу под названием «Распределение четвертованных тел девяти главных преступников, казненных в Куско 18 мая 1781 г.» более 30 перуанских городов и селений были для острастки «украшены» отрубленными руками, ногами и головами Инки и его сподвижников. Голову Тупак Амару выставили «при выходе на самую оживленную дорогу» в Тинте, одну из его рук — в Тунгасуке. «где был он касиком», другую — в столице провинции Карабайя и т. д. (157).

Власти стремились уничтожить все следы пребывания Тупак Амару на перуанской земле: его дом в Тунгасуке

сожгли в присутствии жителей селения; поля посыпали солью; имущество конфисковали; документы, подтверждавшие происхождение от династии инков, публично сжег палач на главной площади Лимы, «чтобы и памяти никакой не оставалось об этих подлых бумагах» (157).

Грозный Тупак Амару был трижды мертв. Однако страх продолжал преследовать колониальные власти. Пять месяцев восстания продемонстрировали со всей силой, какие колоссальные резервы подспудно таят в себе индейские народы, как сильно в них чувство вражды к угнетателям-испанцам. Один из пунктов обвинения прямо указывал на массовые проявления повстанцами ненависти к «правлящей нации». В. И. Ленин писал: «Национальные антипатии так быстро не исчезнут; ненависть — и вполне законная — у нации угнетаемой к угнетающей *останется на время...*»⁸. Для индейского крестьянина коррехидор олицетворял не только жестокого эксплуататора, но и чужеземца-поработителя, так классовая ненависть сливалась с национальной. Это придавало движению социального протеста среди индейцев особенно острый характер.

Пытаясь учесть уроки восстания, колониальные власти принимают ряд драконовских мер, цель которых покончить с социальными и культурными традициями индейцев. Первый удар они наносят по индейской аристократии. Отныне испанская корона перестает ее признавать де-юре и де-факто. Институт наследственных касиков со всеми их привилегиями уничтожается. Касики приравниваются к рядовым индейцам. «Буде же найдется некий соискатель на знатность или происхождение от древних языческих королей, удовлетворять эти претензии можно только с личного разрешения короля. Абсолютно запрещается под страхом самого строгого наказания заниматься разбором подобных дел местным чиновникам. Что же касается полученных доныне документов на знатность, то они не имеют никакой силы и ценности» (157).

Власти изгоняют из употребления одежду языческих времен, прежде всего унку — тунику, или рубашку без рукавов; акольяс — нарядные плащи из черного бархата; маскалайчу — головную повязку с кисточкой из шерсти альпаки, окрашенной в красный цвет. Все эти традиционные знаки достоинства, некогда составлявшие

исключительную прерогативу правителей-инков, после конкисты носили в семьях знатных индейцев.

Коррехидоры получают приказ собрать в индейских домах все запрещенные вещи, в том числе портреты древних правителей, «которых там имеется великое множество, а также сорвать подобные изображения со стен церквей, монастырей и других богоугодных заведений, заменив их изображениями короля» (158). Изгоняются из обихода и путуто — большие морские раковины, священные для индейцев предметы, служившие им музыкальными инструментами. Непременная принадлежность всех традиционных индейских праздников, путуто тоже казались колонизаторам опасными, так как «их странные и заунывные звуки воскрешали в памяти индейцев скорбные воспоминания о прошлом» (159).

И наконец, «чтобы индейцы забыли ненависть, которую они сохранили в отношении испанцев, пусть одеваются они по испанскому обычаю и говорят на испанском языке, который будет введен в школах с небывалой до сих пор строгостью. Тех же индейцев, которые после окончания школы не будут говорить по-испански, примерно наказывать» (159). Всем чиновникам и священникам вменялось в обязанность вести дела с индейцами только на испанском языке⁹.

Испанский король проявил личную заинтересованность в том, чтобы все экземпляры «Подлинных комментариев» Инки Гарсиласо де ла Веги, из которых «индейцы черпали столько опасных сведений», были бы изъяты из обращения. Последовал указ скупить все копии за счет королевской казны, «чтобы отныне искоренить у индейцев всякую память об их дурных обычаях» (3, 267, 268).

Все перечисленные меры были направлены на насильственную ассимиляцию многочисленных индейских народов Перу и свидетельствовали о переориентации колониальной политики Испании, только конец испанского ига уже близился. Испанская Америка стояла на пороге войны за независимость.

ДОН ХОСЕ I, МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ ИНКА, КОРОЛЬ ПЕРУ

Он вернется с криком «Свобода!» ,
Чтобы навечно с родиной быть.
Они не смогут его убить.

(Перевод Риммы Казаковой)

*А. Ромуальдо. Хорал в честь Туapak Амару,
который зовется Свободой. 1954 г.*

Теперь, когда нам известны в общих чертах основные этапы жизни Туapak Амару, когда мы познакомились с его документальным наследием, можно попытаться нарисовать его политический и психологический портрет. Каков же был кругозор Туapak Амару, что он видел ясно и что ускользало от его понимания? Живой барометр эпохи, он остро ощущал состояние всеобщего брожения, недовольства, стремления к переменам, охватившего колониальное общество снизу доверху.

Индийские народы, обреченные на жизнь, полную непосильного труда и лишений, более всех страдали от угнетения и поэтому громче всех выражали протест против колониального произвола.

Для Туapak Амару, вождя индейских народов, защита закабаленных индейских масс стала смыслом и содержанием всей его подвижнической жизни. Он ясно сознавал, что положение индейцев нетерпимо, и страстно желал с ним покончить. Но каким путем?

Туapak Амару, подобно многим другим современникам, прекрасно видел огромную пропасть, существовавшую между Законами Индий и той нищетой и бесправием, в которых прозябали индейцы. Он долго заблуждался, не понимая, что главная вина за безысходную участь индейцев ложится не столько на местных колониальных чиновников, сколько на весь механизм колониальной угнетения в целом, на всю колониальную систему, являвшуюся опорой испанской монархии.

Не будем упрекать Туapak Амару в том, что поначалу он не видел подлинную причину страданий индейских на-

родов и верил в покровительство испанского короля. Это «заблуждение века», разделявшееся всеми без исключения слоями колониального общества, характерно для общественной мысли феодальной эпохи и в Испанской Америке, и в других странах. Интересно в связи с этим привести слова В. И. Ленина, который, касаясь оценки народнической литературой положения русского крестьянства, писал: «Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей... такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки,— а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам»¹.

Однако мы уже знаем, что индейский вождь не всегда уповал на испанского короля. Для личности Инки характерны горячая убежденность в правоте начатого дела, стоическая последовательность в осуществлении задуманного плана. Требования отмены миты, репарто и системы коррехидоров посягали на самую суть колониальных порядков в Перу. Попытка уничтожить основополагающие институты с помощью такого радикального метода, как вооруженное восстание, показывают, что Инка был отнюдь не умеренным реформатором, каким хотят видеть его некоторые буржуазные историки, а сторонником революционных мер.

Тупак Амару стремился выразить интересы и чаяния не только индейского крестьянства, но и других сословий колониального Перу.

Индейский вождь ратовал за союз всех прослоек, угнетенных испанской метрополией, но он до конца не понимал, как велика та пропасть, что их разделяла. Все слои колониального Перу страдали от социального и экономического гнета испанской монархии, но страдали в разной степени. Стремление покончить с чужеземным господством постепенно становилось всеобщим, но при этом различные социальные группы ставили перед собой отнюдь не одинаковые цели.

Перуанский историк Л. Дуран Флорес считает, что в «народных движениях, сотрясавших Анды в 1779—1781 гг., объединились метисы из городских низов с крестьянами-индейцами и креолами средних слоев, это был союз андских народов в национальном масштабе»².

Однако удалось ли Тупак Амару объединить вокруг

себя представителей различных сословий? Только частично. И не удивительно.

Колониальное общество Перу конца XVIII в. пронизывали глубокие классовые противоречия. Активно шел процесс социального размежевания. На одном полюсе находились купцы, собственники шахт и мануфактур, земельных угодий, в их числе испанская знать, креолы, индейская аристократия, разбогатевшие метисы и мулаты. На другом — угнетенные массы крестьян-общинников, городской и сельской бедноты, в своем подавляющем большинстве — индейцы и метисы, а также небольшая прослойка обедневших креолов.

Чем шире развивалось движение, тем обнаженнее выступала на поверхность социальная рознь, а этнические различия все более и более отступали на задний план.

Тупак Амару опирался главным образом на угнетенные массы индейцев и метисов. Однако закабаленным крестьянам противостояла прослойка индейской аристократии. Многие касики верно служили испанскому королю. За услуги в деле подавления восстания несколько индейских правителей — М. Пумакава, Н. Росас, Д. Чокеванка, А. Эгилус и другие получили от испанских властей звание полковников ополчения, пожизненную пенсию и другие отличия (3, 420—421). В карательных действиях против повстанцев участвовало на различных командных постах около 70 знатных индейцев из Куско и окрестных провинций (3, 443—446). Недаром Москосо считал, что если бы индейские вожди единодушно поддерживали Тупак Амару, восстание в Тинте не удалось бы подавить, а вице-король оказался бы в весьма затруднительном положении (3, 334).

Эта резкая поляризация в среде индейской знати показывает, что испанскому правительству удалось перетянуть на свою сторону часть индейской верхушки и заставить ее служить своим интересам. Тем величественнее на этом фоне выглядит благородная фигура Тупак Амару.

Участие креолов — мелких чиновников, ремесленников, местных священников — в народном движении носило эпизодический характер.

К восставшим действительно примкнула часть католического духовенства.

Священник Васкес де Веласко писал для Инки воззвания, Хосе Марури снабжал Тупак Амару людьми и деньгами, Грегорио Йенес в письме к Тупак Амару в первые же дни восстания уподобил его библейскому Давиду и призвал «исправить многие ошибки и прегрешения» (3, 97). Ильдефонсо Бехарано, настоятель прихода в Тунгасуке, активно сотрудничал с Инкой и после подавления движения был отправлен в монастырь Сан-Франсиско в Кадисе. Более 20 священников подверглись впоследствии судебному преследованию «за участие в беспорядках под Куско»³. Но они составляли скорее исключение из правила.

Подавляющее же большинство католического клира, в том числе члены высшей церковной иерархии, не только снабдили власти значительными денежными средствами (около 100 тыс. песо), но и приняли участие в военных действиях. Огромную дезорганизующую роль сыграло, говоря словами епископа Москосо, «грозное оружие» — отлучение повстанцев от церкви (3, 335). Оно вызвало массовое дезертирство метисов и индейцев из повстанческой армии, а также предательство сподвижников Инки, что объявлялось «богоугодным делом».

Многие состоятельные креолы — крупные торговцы и земельные собственники, владельцы шахт и мануфактур — были скорее союзниками испанских колонизаторов. Их благосостояние покоилось на подневольном труде метисов и индейцев; местные угнетатели, они опасались того, что ломка колониальных устоев затронет и их интересы. Эти опасения имели под собой определенную почву. Отсюда колебания, нерешительность креольской прослойки: если малоимущие чиновники, мелкие торговцы еще сочувствовали планам повстанцев, то состоятельные креолы остались в правительственном лагере.

Да и передовая креольская среда не выдвинула в те годы политического деятеля, равного Тупак Амару, освободительное креольское движение переживало период эмбрионального развития и еще не выработало четкой программы действий.

Современниками Тупак Амару были такие видные представители креольской среды, деятели перуанского Просвещения, как Хосе Бакихано-и-Каррильо, Лоренсо Видаурре, Иполито Унануе, Игнасио де Кастро. Врачи и натуралисты, адвокаты и священники, они включились в

освободительное движение через 10—15 лет после восстания Тупак Амару, в канун XIX столетия

Креолы, сочувствовавшие Тупак Амару, ограничивались лишь критикой местных властей. Такой характер, например, носило выступление Бакихано-и-Каррильо на официальной церемонии в честь нового вице-короля Агустина де Хауреги 27 августа 1781 г. В приветственном адресе он резко обрушился на колониальные власти, обвинив их в том, что они принесли голод, опустошение, смерть индейцам. Правитель должен помнить, говорил Бакихано-и-Каррильо, что жизнь каждого гражданина священна и что уничтожение людей — признак бессилия политической власти. Террор не внушает страха, а разжигает революционный огонь, который может вспыхнуть в любой момент⁴. Естественно, что все копии адреса были уничтожены, а его автор подвергся гонениям. Известно также, что Бакихано-и-Каррильо, занимая пост протектора индейцев в Лиме, пытался в 1780 г. спасти от смертной казни индейского касика Бернардо Тамбоваксо, одного из главных участников несостоявшегося выступления в Куско (2, 203—215).

Разрешить исторически сложившийся клубок противоречий во времена восставшего Инки было делом необычайно сложным, практически неосуществимым. Да, выдающийся индейский вождь не сумел разрубить этот гордиев узел, но нужно помнить о том, что проблемы, с которыми он столкнулся 200 лет назад, не потеряли своей остроты и по сей день.

Тупак Амару не удалось осуществить провозглашенные им лозунги и нанести поражение испанской колониальной системе, однако гуманизм его социальной программы, предвосхищение освободительных идей выдвинули Тупак Амару в ряды выдающихся политических деятелей. Недаром современники и последующие поколения воспринимали Тупак Амару в качестве провозвестника войны за независимость, в качестве символа восставшей Америки.

Что же представлял собой Тупак Амару как тактик, какими способами и методами он вербовал себе новых сторонников, как отражал нападки врагов? Эта сторона жизни и деятельности Инки со всей очевидностью свидетельствует о том, что к моменту восстания в нем выковался зрелый, хладнокровный боец. Тупак Амару ради

торжества начатого им дела шел на хитрость, ловкий маневр. Многие лозунги Туapak Амару были лишь данью обстоятельствам и являлись по сути дела тактическим приемом с целью выиграть время или ввести в заблуждение врага. Исследователей смущали неоднократные заверения Туapak Амару в верности «католическому монарху и святой церкви», которые красной нитью проходят через все его воззвания. В первые дни восстания он представлялся даже личным посланцем виситадора Арече, не говоря уже об обращениях, начинавшихся традиционной фразой: «Именем короля, нашего сеньора, повелеваю...». От этой маски верного вассала испанского монарха Туapak Амару не отказался и в последнем послании к Арече. Туapak Амару понимал, что в такой стране, как Перу, где все большие и малые дела вершились именем короля, ссылка на королевский авторитет придаст его акциям видимость законности в глазах представителей всех сословий. Подобная тактика была вынужденной, ему приходилось прибегать к ней из-за низкой политической сознательности крестьянских индейских масс.

Пламенный патриот, Туapak Амару обладал несомненным даром убеждать в своей правоте и привлекать на свою сторону выходцев из низов и верхов колониального общества, людей различного звания и положения. Не случайно ближайшими соратниками и единомышленниками Инки стали испанцы Мариано Бандо и Фелипе Бермудес, до восстания служившие под началом коррехидора Арриаги и находившиеся по ту сторону баррикады. Туapak Амару и его жена Микаэла вели оживленную переписку со знатными индейцами, креолами, священниками. На интенсивность переписки и обширность круга лиц, охваченных ею, обращали внимание и современники Туapak Амару.

Долг историка — исследовать факт. Повстанческая армия Туapak Амару, как мы знаем, потерпела поражение. Сам руководитель движения, не увидев осуществления своих замыслов, погиб от рук роялистов. Здесь мы могли бы поставить точку и перейти к дальнейшему изложению событий. Однако нам хотелось бы коснуться одного из ключевых для понимания действий индейского вождя вопросов, ставшего к тому же предметом оживленной дискуссии в литературе, посвященной истории его движения.

Вопрос этот формулируется так: ставил ли Тупак Амару перед собой цель отделиться от Испании и объявить себя королем Перу? Другими словами, как далеко заходила позитивная программа Инки в случае благоприятного, победоносного исхода начатого им движения.

Опираясь на анализ письменных документов индейского вождя, перуанский историк Р. Варгас Угарте заключает: «Приписывать ему мысль восстановить трон инков и восстать против короля — значит извращать его собственные слова и позицию, которым он не изменил до последнего момента»⁵. Ему вторит его соотечественник Х. Росалес Агирре: «Инка — верноподданный повстанец... его движение не было направлено против короля и не ставило сепаратистских целей, хотя и... открыло путь к независимости»⁶. Американский исследователь Ч. Гибсон также считает, что «революционеры действовали в рамках структуры XVIII в., оставаясь верными королю и церкви»⁷.

В чем же видел Тупак Амару воплощение своих освободительных планов, действительно ли он оставался преданным слугой испанского короля или, отвечая настоятельной революционной потребности своего времени, вынашивал идею исторической важности — свержение испанского колониального господства?

Сразу оговоримся, что разобратся в подлинных намерениях Тупак Амару нам мешает сам Тупак Амару. Как уже упоминалось, в своей повстанческой практике он часто провозглашал одно — верность королю, а делал совсем другое — уничтожал королевские институты. О многих своих планах Инка упоминал вскользь. Действительно, ни в одном обращении или воззвании, написанном при жизни, до самого своего пленения, Тупак Амару не заявил в полный голос о намерении отделиться от Испании, и в числе выдвигавшихся им лозунгов мы не найдем этого призыва. В послании к Арече он объявил «злокозненными» происки врагов, приписывающих ему желание короноваться. Казалось бы, столь категоричное мнение самого Тупак Амару снимает вопрос с повестки дня. Однако, проанализировав отдельные поступки Инки, аргентинский историк Б. Левин заключает, что намерение порвать узы с метрополией существовало у него хотя бы теоретически.

Так, Тупак Амару заставлял священников оказывать ему королевские почести, в переписке с женой именовав себя не иначе как «верховный сеньор»; в последних званиях, в частности к жителям Арекипы, появились глухие намеки на «угрозы со стороны королевства Европы» и призывы «во весь голос воскликнуть: „Да здравствует подлинный хозяин, долой узурпатора!“» и т. д.⁸

Роль серьезного аргумента в пользу высказанных предположений отводится документам, найденным в вещах Тупак Амару после его пленения. Среди них указ, который начинался словами: «Дон Хосе I, милостью божьей Инка, король Перу» и т. д. (206).

Как отнесся Тупак Амару к предъявленному на допросе документу? Он утверждал, что никакого отношения к нему не имеет. Тупак Амару заявил, что упомянутый указ случайно обнаружили у неизвестного ему убитого испанца и что в составлении его он не принимал никакого участия. Этот документ вызвал в литературе оживленную дискуссию: одни авторы считали, что Инка отрицал всякую причастность к нему, дабы облегчить свою участь, другие — что указ фальшивка, подброшенная Инке врагами в качестве компрометирующей улики.

В приговоре, вынесенном Тупак Амару, мы читаем: «Убедив индейцев в том, что он является их законным и подлинным сеньором волей божьей, преступник определил место своей резиденции и способ своей коронации, словно он был полновластным хозяином этой земли... хотел, чтобы в церемонии принесения ему клятвы участвовала вся его нация, издав для этого королевский указ, в доказательство своих противозаконных намерений заставлял рисовать и изображать себя в королевских регалиях, с инкской маскапайчей на голове и др.» (154—155). И вывод суда: Тупак Амару ставилось в вину «стремление к независимости» — самое страшное преступление восставшего Инки. В опубликованном варианте обвинения слово «независимость» было вычеркнуто, чтобы не наводить на опасные размышления.

Между тем документ, в котором Тупак Амару именуется «доном Хосе I», ожидала примечательная судьба. Сходный по содержанию указ, возможно одна из его копий, в мае 1781 г. неизвестными путями был доставлен в селение Силос, в вице-королевстве Новая Гранада (юг современной Колумбии), где в то время разворачивалось

еще одно антииспанское движение. Восставшие жители присягнули на верность новому королю — Тупак Амару (он был к этому времени уже мертв). Наконец, одна из копий указа попала за океан и оказалась в руках венесуэльского патриота Франсиско де Миранды. В феврале 1790 г. он вручил ее вместе с другими документами английскому премьер-министру Уильяму Питту в доказательство того, что освободительное движение развивается и в американских колониях Испании. Миранда добивался отправки английского экспедиционного корпуса для помощи освободительному делу в Испанской Америке⁹.

Итак, Тупак Амару отказался признать документ, сама судьба которого прямо свидетельствовала против него. Познакомимся с этим указом поближе, не сообщит ли он нам нечто важное о намерениях Инки?

Указ начинается с весьма пышного и длинного титула: «Дон Хосе I, милостью божьей Инка, король Перу, Санта-Фе, Кито, Чили, Буэнос-Айреса и континентов, южных морей, сиятельнейший князь, сеньор цезарей и амазонок, владетель Великого Пайтити, посланец и податель благодати божьей и т. д.»

Если оставить в стороне цезарей, амазонок и таинственное Великое Пайтити — сказочно богатую страну, традиционно помещавшуюся в те времена в дебрях амазонской Сельвы, то перед нами скрупулезное перечисление всех колониальных владений испанского короля в Южной Америке, включая и омывающие ее моря. Как явствует из титула дона Хосе I, у него были самые серьезные претензии.

Текст указа состоит из трех смысловых частей. Первая — обвинительная преамбула, в которой подвергается всесторонней критике система колониального господства Испании. «Как не раз постановлялось на многочисленном собрании моего Совета и гласно, и негласно, короли Испании узурпировали у меня трон и владения около трех веков назад, наложив невыносимое бремя на моих вассалов — подушную подать, денежную оплату постоев, адуану, алькабалу, эстанко, десятину, пятину, вице-королей, аудиенсии, коррехидоров и других министров, одинаковых тиранов, продающих руками своих корыстолюбивых чиновников справедливость за деньги тому, кто больше набавит, кто больше даст, распространяя это и на духовные, и на светские должности, не опасаясь гне-

ва божьего, уничтожая индейцев словно зверей, убивая всех, кого нельзя ограбить...»

Как видно, в преамбуле содержатся основные обвинения, предъявлявшиеся Инкой в его воззваниях, наличествует и излюбленная тема — три века страданий индейцев. Однако в документе впервые называется точный адрес — не только коррехидоры, но и вся система колониального правления во главе с вице-королем. Отсутствует традиционное изъятие верноподданнических чувств: короли Испании прямо называются узурпаторами. Здесь Тупак Амару выступает с открытым забралом, отбросив в сторону всякие недоговоренности.

Вторая часть указа — постановляющая: «Именем всемогущего бога повелеваю и приказываю не платить ни один из указанных выше налогов, не подчиняться никаким приказам министров-европейцев, вторгшихся к нам с дурными намерениями; следует платить только десятину и примисию (первые плоды урожая.— *С. С.*) священникам, что причитается богу, а также подать и пятину своему королю и естественному сеньору, однако в умеренных размерах, которые будут определены позже...».

Таким образом, вся колониальная администрация объявлялась вне закона. Фактически это было равносильно призыву к ликвидации испанского колониального господства.

И, наконец, последняя часть, самая знаменательная: «Приказываю огласить и принести присягу верности моей королевской короне во всех городах, селениях и общинах моих владений. Дано в королевской резиденции Тунгасука, столице этих царств. Дон Хосе I» (206).

Как видим, в основе своей указ не содержит положений, которые так или иначе уже не были бы высказаны в распространявшихся от имени Тупак Амару обличительных воззваниях. Всем своим содержанием и смысловой направленностью, эмоциональным строем, излюбленными мотивами и самим слогом этот документ показывает авторство Инки и круга его единомышленников. В нем итог всей его жизни, долгих лет борьбы, его духовное прозрение как политического вождя: освобождение народов от колониального гнета возможно только в результате ликвидации испанского колониального господства, вот главная мысль исторического указа.

Так же как и Б. Левиц, мы убеждены, что текст ука-

за подлинный и нет никакого сомнения в намерении Тупак Амару установить независимое государство в Южной Америке¹⁰. Восставший Инка возводил политическое здание постепенно, в строгом соответствии с успехами самого восстания. В декабре 1780 г. движение шло на подъем, тогда и мог родиться указ. Дело оставалось за тем, чтобы практически осуществить заявленную в нем программу. В силу уже разбиравшихся причин Тупак Амару не удалось реализовать свои освободительные планы.

Подытоживая, мы могли бы сказать, что политическая и социальная программа Инки складывалась из трех частей, которые требовали последовательного осуществления: 1) план-минимум: реформа управления индейскими делами на базе Законов Индий в рамках существующей колониальной системы — как начало мирной, легальной деятельности; 2) уничтожение колониальных институтов: миты, репарто, системы корредидоров и создание индейского самоуправления — как ближайшая задача в поднятом восстании; 3) ликвидация всей колониальной администрации и провозглашение независимого от Испании государства — как дальняя перспектива, план-максимум в случае успешного хода движения.

Остается рассмотреть еще один, тесно связанный с предыдущим вопрос о том, действительно ли Тупак Амару ставил перед собой цель «восстановить или провозгласить империю инков».

С одной стороны, все современники от виситадора Арече до простого индейца, были глубоко убеждены, что восставший вождь стремился к «установлению древнего царства или королевства инков». Отраженный как в устных преданиях, так и в исторических документах это был, так сказать, «глас народа» и «глас эпохи» одновременно. Мнение свидетеля такого масштаба, на первый взгляд, трудно оспаривать.

С другой стороны, воспринятая поколением латиноамериканских историков прошлого столетия эта точка зрения со временем приобрела характер бесспорного исторического факта. Правда, отдельные современные исследователи внесли в нее некоторые уточнения.

Уже упоминавшийся нами перуанский ученый Л. Валькарсель писал: «Возвращение инкского правления, естественно, не означало бы возрождения империи, погиб-

шей в XVI в. ... Несомненно, Тупак Амару не был бы простым продолжателем династии Манко, а руководителем обновленного Перу, которое, оживив свои изначальные корни, укрепило бы их ценностями и новыми элементами европейской культуры»¹¹. Однако подобная оговорка мало что меняет по существу, так как невозможно «оживить изначальные корни» древнего государства инков — Тавантинсуйю, навсегда ушедшего в прошлое.

В тексте только что рассмотренного нами указа отсутствует характеристика нового государственного устройства. Да и сам Тупак Амару не оставил определенных высказываний на этот счет. В самом деле, он называл себя Инкой, говорил об отнятом у него испанскими колонизаторами «древнем троне» и т. д. При этом из всего сказанного вовсе не вытекает, что он сознательно стремился к «реставрации или реконструкции» доиспанских отношений.

Естественно предположить, что представления Тупак Амару о будущем в той или иной мере связывались с древнеинкскими институтами. Но это, главным образом, — лишь дань исторической традиции. На наш взгляд, очень близка к истине точка зрения другого перуанского историка и социолога К. Д. Валькарселя, который отметил: «Тупак Амару не хотел возвращаться к временам инков и формам их политического правления. Он — человек XVIII века. А поднятое им знамя инков он использовал, чтобы начать революционное выступление, опирающееся на могучие традиции индейского народа»¹².

И действительно, широко раскрывая двери перед всеми сословиями Перу — от торговца-креола до митайо-индейца и поденщика-негра, призывая их объединить усилия в борьбе с испанским гнетом, он решал насущные проблемы своего века и меньше всего был озабочен «восстановлением» институтов, ставших далеким прошлым.

К. Маркс в свое время писал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее... как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к за-

кликаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы... революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи... Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного *буржуазного общества*»¹³.

Применительно к описываемым событиям мы могли бы сказать, что «в инкском костюме и с инкскими фразами на устах», в этой доступной, понятной ему форме осознавало себя движение национального и социального протеста в Перу, направленное на уничтожение основ испанского колониального режима. Именно в этом его главная, непреходящая ценность. Вот почему нам кажется более правильным делать акцент на содержании, а не на форме.

Восстание, начатое Тупак Амару, несло в себе мощный революционный заряд. С гибелью Инки оно не только не выдохлось, но и разрослось вширь и вглубь и продолжало угрожать жизненно важным центрам колониальной империи.

ВОССТАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Никогда ранее нам не приходилось наблюдать, чтобы индейцы сражались с таким ожесточением и отчаянным упорством... На них наставляли ружья, а они не только не просили мира, но забрасывали солдат камнями...

*Дневник карательного отряда Р. Ариаса.
22 апреля 1782 г.*

Уничтожив сотни арестованных повстанцев и совершенно невинных людей, королевский эмиссар и каратель виситадор Арече посчитал было свою «умиротворительную миссию» законченной. Однако грозные события, последовавшие вскоре после пленения и казни Инки, опрокинули все его расчеты.

Влияние восстания, или, как называли его современники событий, «великой революции» Тупак Амару, вышло далеко за пределы перуанских Анд. В 1781 г. волнения охватили гарнизоны таких крупных городов в вице-королевстве Ла-Платы, как Ла-Риоха, Белен. Восставшие солдаты — креолы и метисы выказывали открытое неповиновение начальству и дезертировали. Массовые выступления начались в провинциях Жужуй и Сальта, к апрелю восстание охватило всю провинцию Тукуман. Оно вскоре было подавлено, но процессы над его участниками продолжались в течение нескольких лет. Антииспанский заговор был раскрыт в городе Кито: известный общественный деятель и писатель Ф. Х. Санта-Крус-и-Эспехо горячо поддержал освободительное дело Тупак Амару. Под непосредственным воздействием народного движения в Перу началось мощное антиколониальное выступление и в вице-королевстве Новая Гранада, известное под названием «восстание комунерос». В юго-восточном районе страны — Льянос-де-Касанаре — креол дон Хавьер Мендоса провозгласил себя губернатором и 18 мая 1781 г. при-

вел восставших к присяге «королю Америки Тупак Амару».

Что же касается вице-королевства Перу, то оставшиеся на свободе двоюродный брат казненного Инки — Диего, а также средний сын — Мариано, племянники Андрес и Мигель продолжили борьбу с испанским колониальным режимом. В тот страшный день, 18 мая, на главной площади Куско Мариано потерял отца, мать и старшего брата; Мигель — отца, Антонио Бастидаса, брата жены Тупак Амару; Андрес был сыном двоюродной сестры Тупак Амару, Сесилии. Ей палачи оставили жизнь, но подвергли унижительному наказанию: Сесилию, обнаженную, посадили на мула и под градом ударов провезли по улицам Куско, после чего бросили в тюрьму. Словом, каждому из них было что предъявить колониальным властям. Все трое называли себя Инками и подписывали указы ставшим легендарным именем — Тупак Амару.

Очаг восстания переместился к югу, к северным берегам озера Титикака, столицей восставших стал город Асангаро в провинции того же названия. Уже в апреле-мае 1781 г. повстанцы, овладев крупными населенными пунктами, вплотную подошли к городу Пуно. Армия Хосе дель Валье, перед которой стояла задача очистить от повстанцев южные районы Сьерры, укрепить Пуно, а затем оказать помощь осажденному Ла-Пасу, не выполнила этот план. По сообщению Хосе дель Валье, более 2 тыс. индейцев и метисов — две трети его войска — разбежались по дороге. Не хватало пороха, снарядов, надвигалась угроза голода. 26 мая 1781 г. испанцы оставили Пуно, предварительно они заклепали пушки и сбросили их в пропасть. Забрав с собой испанские семьи, жителей Пуно и окрестных сел и остатки своей армии, Хосе дель Валье двинулся обратно в Куско. Так бесславно закончилась попытка испанских властей объединить армии двух вице-королевств под Пуно и Ла-Пасом. «Восставшим был оставлен обширный континент, более 200 лиг от города Потоси до реки Вильканоты. Ла-Пас терял последнюю надежду получить помощь» (3, 78).

Крупный колониальный центр Ла-Пас, расположенный по другую сторону озера Титикака, уже более двух месяцев осаждали отряды индейцев аймара под командованием Хулиана Апасы. За время, прошедшее после пленения Тупак Амару, здесь, в Верхнем Перу, произош-

ло много драматических событий. Братья Катари — Дамасо и Николас, вожди восставших индейцев аймара, были схвачены и казнены (первый — 7 апреля, второй — 7 мая 1781 г.) на главной площади города Чукисаки. Словно подчеркивая преемственность и органическую связь своего движения с движением братьев Катари и восстанием индейцев кечва в Перу под началом Тупак Амару, Хулиан Апаса принял новое имя — Тупак Катари, объединив в нем имена вождей двух восставших братских индейских народов — кечва и аймара.

Драматическая эпопея первой осады Ла-Паса, начатая Тупак Катари 14 марта 1781 г. и продолжавшаяся 109 дней, наглядно показала, что при умелом руководстве и организации индейцы могли стать грозной военной силой. Тупак Катари удалось объединить вокруг себя от 20 тыс. до 30 тыс. индейцев, которых он и направил против осажденного города. Первым делом восставшие уничтожили в окрестностях Ла-Паса все посеы, усадьбы, увели весь скот, изолировав город от внешнего мира. Ла-Пас, расположенный в чашеобразном каньоне одноименной реки, был столь плотно окружен, что ни одному осажденному не удалось из него выскользнуть, не осталась непокрытой ни одна тропинка — разительный контраст с осадой Куско, куда беспрепятственно проникали подкрепления! По словам очевидцев, «все окрестные холмы были густо уставлены палатками, навесами, сараями, и все это делалось так прочно и надежно, словно индейцы считали себя хозяевами города. Словом, город был в настоящем кольце» (3 84).

В лагере повстанцев Тупак Катари построил литейные мастерские, с сельских колоколен снимали колокола и переливали их на пушки. Индейцы и метисы срочно обучались стрелять из ружей и пушек. Отбитые в стычках военные трофеи немедленно обращались против осажденных. И днем, и ночью Ла-Пас подвергался столь интенсивному обстрелу, что «нельзя было никому пройти по улицам — снаряды и камни сыпались как град» (3, 81—82).

Положение осажденных становилось все безнадежнее, Хосе дель Валье, как известно, ушел в Куско, до Буэнос-Айреса было далеко, ближайшие провинции находились во власти индейцев.

Какие же требования выдвигал Тупак Катари, назы-

вавший себя преемником, посланцем «великого Инки», а после его смерти действовавший в союзе с Диего Тупак Амару?

В отличие от своего знаменитого современника, сознававшего необратимость пройденного пути развития, Тупак Катарри относился к тем индейским вождям, которые и в конце XVIII в. продолжали призывать к «полному и окончательному изгнанию всех белых» с американской земли. В их лозунгах наиболее ярко проявлялась ненависть к чужеземцам-угнетателям. Весьма характерны с этой точки зрения условия капитуляции, предложенные осажденным жителям Ла-Паса 9 апреля 1781 г. Помимо выдачи коррахидоров, таможенников, королевских чиновников, землевладельцев и приходских священников (другими словами, всех испанцев и креолов) Тупак Катарри требовал, чтобы европейцы покинули Верхнее Перу и вернулись в свои европейские земли¹. Из захваченных селений нагорья он изгнал всех людей с белой кожей, уничтожил даже принадлежавший им скот. Тупак Катарри говорил только на родном языке — аймара — и под угрозой смертной казни понуждал им пользоваться и своих подчиненных.

Один из современников-испанцев писал: «Заговор всеобщий, могу заверить Вас, нет ни одного индейца, который был бы на нашей стороне, потому что все они мятежники; сейчас они управляют с пушками и огнестрельным оружием с такой же сноровкой, что и испанцы, и идут на смерть как львы, так как их цель — присвоить себе королевство и покончить с испанской нацией» (3, 82).

30 июня 1781 г. на холмах около города появился испанский отряд генерала Игнасио Флореса, прибывший на помощь осажденному Ла-Пасу из провинции Кочабамба. Осада, продолжавшаяся три с половиной месяца, была снята, открылись дороги на Куско и Оруро. Тупак Катарри, не приняв боя с многотысячным войском, отступил в недосыгаемую для роялистов северную провинцию Юнгас.

Тем не менее обстановка и в бассейне озера Титикака, и в окрестностях Куско продолжала оставаться напряженной. В июле 1781 г. виситадор Арече собрался выехать из Куско в Лиму. Коллегия торговцев обратилась к нему с настоятельной просьбой не уезжать, опасаясь,

что в противном случае «столица, ее жители и все провинции Перу подвергнутся ужасному опустошению... оставшись в абсолютной власти мятежников» (3, 23).

Два месяца спустя после казни Тупак Амару лагерь роялистов не чувствовал себя в безопасности. Военная хунта Куско попыталась было создать специальные воинские части для охраны города и его окрестностей и предложила ввести новый налог для их содержания. Характерна реакция на этот проект со стороны светских и духовных властей города: «Малейший слух о новых налогах приведет к такому взрыву ярости, что за неделю восстанет и Куско, и все королевство, не время говорить об этом даже шепотом»,— таково было мнение купцов и торговцев. «В той критической ситуации, которую сейчас переживает Куско, установление новых налогов будет равносильно взрыву... как можно говорить об этом на земле, переживающей самый разгар войны, с более чем 200 тыс. повстанцев между Куско и провинцией Чичас»,— так категорически возражал церковный совет, предложивший воспользоваться внутренними резервами: в случае крайней необходимости он был готов пойти на продажу церковной утвари (3, 30, 34—35).

Хозяева Куско опасались не напрасно: вокруг было беспокойно, отдельные отряды повстанцев жгли усадьбы испанцев, селения «верных» индейцев, уничтожали маисовые поля, угоняли скот.

Главные события назревали вблизи нового бастиона восставших — города Асангаро. Здесь, у северных берегов озера Титикака, в июне 1781 г. сформировалась новая повстанческая армия². Предполагалось соединить два очага восстания — индейцев кечва и аймара, что значительно укрепило бы их силы. Начинался качественно новый этап в индейском движении.

13 июля 1781 г. в провинциях Асангаро, Лампа и других был распространен указ Андреса Тупак Амару. От имени короля Карла III и дона Тупак Амару Инки он повелел «касикам поставить под ружье всех индейцев старше семи лет для ведения войны. Чем скорее будет осуществлено это столь важное дело, тем больше оно послужит общему благу всех индейцев». Призывая индейцев исполнять приказы назначенных им военачальников, Андрес Тупак Амару обещал их «вознаградить званиями маркизов и другими почетными титулами, сделать их вла-

дельцами всего имущества, отнятого у врагов, — всего, что было взято в Ла-Пасе и других местах, а также наделить их землями и имениями, принадлежащими врагам, и, наконец, навечно освободить от репарто, адуаны, миты в Потоси и других тяжких поборов и даней, которые тяготели над индейцами».

Примечательно, что в тексте указа уже погибший Тупак Амару изображается вице-королем, сидящим в Лиме и посылающим оттуда свои приказы. «По его распоряжению ведется и нынешняя война с врагами, для чего им направляется многочисленное войско, сегодня 50 тыс. солдат, готовых к бою, стоят на холмах Ла-Паса (имеется в виду армия Тупак Катарри. — *С. С.*) и дон Диего Тупак Амару пришлет 40 тыс. из Асангаро, не считая многих тех, кого, я знаю, послал мой отец (Тупак Амару. — *С. С.*) лично; общими усилиями обратим в прах всех врагов королевства», — так заканчивался указ Андреса Тупак Амару (3, 35—36).

Чем интересен приведенный документ? Во-первых, тем, что он был равносильен объявлению войны испанскому режиму без каких-либо оговорок, столь характерных для воззваний самого Тупак Амару; во-вторых, повстанцы хорошо осознавали, что их сила в единстве; в-третьих, четко заявлялась аграрная программа: имущество и земельные владения испанцев обещались будущим победителям, речь шла об уничтожении правящего класса как такового. Наконец, спустя два месяца после казни Инки его последователи продолжали действовать его именем; таким образом, самые решительные, самые мощные акции индейского движения осуществлялись авторитетом Тупак Амару.

Одной из значительных повстанческих операций в районе Асангаро стали штурм и взятие столицы провинции Ларекаха — города Сораты — у подножия величественной горы Ильямпу. Осадой руководили Андрес и Мариано Тупак Амару. Начатая в первых числах мая 1781 г. осада Сораты продолжалась три месяца. Несмотря на огромное численное превосходство, индейцам долго не удавалось завершить штурм из-за нехватки оружия. Судьбу города решил Андрес Тупак Амару и при этом весьма своеобразным способом: он затопил его, перекрыв воды рек Чиликани и Килимбаия. 5 августа осажденные сдались, город был разграблен. По приказу Андреса все крео-

лы получили свободу, а испанцы, отказавшиеся перейти на сторону мятежников, были убиты (3, 90—91).

После успешного штурма Сораты повстанцы решили вновь атаковать Ла-Пас. 4 августа 1781 г., как только отряд И. Флореса ушел за новыми подкреплениями, началась вторая осада города, продолжавшаяся 64 дня — до середины октября 1781 г. В осаде приняли участие объединенные отряды Андреса, Мигеля Тупак Амару и индейцы Тупак Катари. О том, сколь большие надежды возлагали повстанцы на успешную осаду Ла-Паса, говорит указ Диего Тупак Амару, подписанный им 20 августа 1781 г. в Асангаро. Он призывал индейцев оказывать всемерную помощь отрядам, штурмовавшим Ла-Пас, организовывать собственными силами отпор роялистам на местах, создавать народное ополчение, «собирать и беречь оружие, отбитое в бою, крайне необходимое для ведения готовящейся войны» (3, 95—96). Как явствует из указа, Ла-Пас находился уже в глубоком тылу восставших.

Любопытно, что под указом стояла подпись Хосе Вайна Капака, назвавшего себя «общественным секретарем новой кнжкисты». Очевидно, среди грамотной части приверженцев Диего Тупак Амару восстание ассоциировалось с событиями двухвековой давности, на этот раз индейцы отвоевывали свою землю у испанцев.

6 сентября 1781 г. Диего, следуя тактике Тупак Амару, вновь опубликовал указ об освобождении негров-рабов, перешедших на сторону повстанцев. Не принимая активного участия в боевых действиях (Диего руководил движением из новой столицы повстанцев Асангаро), он вел оживленную переписку с восставшими районами. Наиболее значительный вклад в развитие повстанческого движения после смерти Тупак Амару, несомненно, принадлежал его племяннику Андресу, или, как называли его современники, «молодому Инке».

Сохранившиеся документы говорят не только о его незаурядных организаторских способностях, но и о тонком политическом чутье. Так же как и Диего, Андрес упорно поддерживал версию о том, что сам Тупак Амару находится в Лиме, назначив их своими представителями в районе восстания. С ведома Диего Андрес называл себя «первородным сыном» Инки с тем, чтобы с помощью авторитета и необычайной популярности самого имени Тупак Амару завоевать доверие повстанцев (3, 95).

Молодой вождь приложил немало усилий, чтобы привлечь креолов на свою сторону. И в указах, и в повседневной практике он брал их под свое покровительство, обещал защиту их интересов. О том, что юный Андрес частично добился своей цели, свидетельствует не только наличие большого числа его сторонников среди креолов, но и доверие, которое они испытывали к планам восставших. Среди дошедших до нас документов имеются несколько писем, которые креолы — приверженцы Андреса Тупак Амару направляли в осажденный Ла-Пас, пытаясь убедить жителей перейти под знамена повстанцев. Одно из таких писем, отправленное 28 августа 1781 г., в разгар второй осады, подписали 11 креолов².

Появившись под Ла-Пасом, Андрес сделал попытку изменить ход позиционной войны, развернувшейся под стенами города. В нескольких километрах вверх по течению реки Чокейяпу, в скалистом ущелье он выбрал место для плотины. На ее строительство Андрес созвал около 10 тыс. индейцев, им предстояло повторить попытку, закончившуюся затоплением Сораты.

12 октября 1781 г. плотину, далекую от завершения, прорвало, хлынувшие в осажденный Ла-Пас воды, хотя и не затопили его полностью, нанесли городу значительный ущерб; 15 октября военный совет принял решение оставить Ла-Пас, если не придет помощь; 17 октября на окрестных холмах появились передовые отряды 10-тысячной армии под началом полковника Хосе де Ресегина. Так закончилась одна из самых ожесточенных военных кампаний индейского восстания 1780—1783 гг.

Армия повстанцев, как и в июле, отошла в полном порядке, не вступив с противником в бой. Андрес Тупак Амару, передав руководство своими отрядами Мигелю Бастидасу, ушел в Асангаро. Там назревали крупные события. Власти в Перу объявили всеобщую амнистию.

Бывший на исходе 1781 год показал всю слабость и неустойчивость положения испанской колониальной власти в вице-королевствах Перу и Ла-Плата: глубинные районы Сьерры вот уже 12 месяцев как вышли из-под контроля, практически колониальная администрация перестала там существовать, поля давно не обрабатывались индейцами, прекратилась добыча серебра. Не было спокойно и на внешнем фронте: ходили слухи о готовившейся английской морской экспедиции к берегам Южной

Америки. Все это вынудило испанские власти первыми обратиться с предложением мира к повстанцам.

12 сентября 1781 г. вице-король Перу Агустин де Хау-реги обнародовал указ о «всеобщей амнистии»: «Отныне именем его величества даруется абсолютное помилование не только рядовым участникам, но и руководителям восстания, чтобы они вернулись в свои дома и селения... даруется также освобождение от налогов на целый год; с этого момента, как только участники восстания услышат или узнают об этих великодушных уступках, могут они без риска и страха вернуться к своим домам, для чего я отдал приказ всем чиновникам, как военным, так и гражданским, чтобы под угрозой потери должности и состояния ни под каким видом не причиняли бы они и малейшего ущерба или обиды тем, кто, поверив в это торжественно провозглашенное прощение, станет возвращаться в свои селения или на прежние места жительства...» (3, 100).

Это была новая победа казненного Инки: испанские власти откровенно признавались в своем бессилии с помощью террора привести к покорности обширные восставшие районы. Однако идея покончить с восстанием путем всеобщей амнистии вызвала негодование королевских чиновников и испанской знати Ла-Платы. Власти Ла-Платы негласно решили не распространять указ на повстанческие отряды, находившиеся в их владениях. А житель осажденного Ла-Пласа богатый испанец Хуан Савала, приверженец самого беспощадного террора по отношению к индейцам, писал: «Впредь индейцы должны платить двойную подать королю, нужно уничтожить их общины, продать земли испанцам и сжечь Законы Индий, для чего должен король поставить по 200 солдат в каждую провинцию, чтобы таким образом заставить уважать славное имя нашего государя... Индеец будет врагом и старших алькальдов, как он был врагом коррехидоров, и любого испанца, вот почему необходима суровость... если его величество хочет сохранить за собой Перу» (3, 213—216).

Как истинный колонизатор, Савала слепо верил только в насилие.

Обращение властей не встретило отклика и в рядах повстанцев, слишком еще хорошо они помнили подробности расправы над Тупак Амару.

Месяц спустя в кампанию по умиротворению страны включился епископ Москосо. Он отправил личное послание Диего и Мариано Тупак Амару, уговаривая их сложить оружие. В свете последующей судьбы индейских вождей интересно привести строки из этого фарисейского документа: «Прислушайтесь, дети мои, к голосу вашего пастыря, который молит и зовет вас не для того, чтобы отдать на заклятие, не для того, чтобы пролить вашу кровь; им движет не желание вас наказать, а лишь кротость и мягкость, столь свойственные характеру служителя церкви»³.

Как отнесся к амнистии Диего Тупак Амару, представлявший интересы повстанцев? Говоря его словами, «с чувством большого удовлетворения и радости» (3, 133). Нет никакого сомнения, что он считал предложение о мире выражением слабости испанского лагеря и признанием мощи возглавляемого им движения.

Копию указа, доставленную в Асангаро 13 октября 1781 г., на следующий же день вывесили в столице повстанцев. Однако Диего мучительно колебался, сомневаясь в искренности намерений испанцев, ожидая подвоха, предательства. В письме к Хосе дель Валье он иронически писал: «Данное слово — нерушимо, поскольку оно королевское, но оно не раз осквернялось его министрами». В том же письме Диего предъявил испанской стороне ряд претензий: «Те, кто ответствен за смерть моего брата, поступили весьма опрометчиво, его следовало бы отправить в Лиму или Испанию, чтобы он раскрыл королю глаза на преступления злодеев-европейцев. Полагаю, это сделали, чтобы скрыть правду, соучастники беззаконий, творимых злодеями-чапетонес» (3, 124).

Диего пытается использовать сложившуюся благоприятную обстановку, чтобы завершить дело, начатое Инкой. Он составляет несколько манифестов с перечислением «обид» и пересылает их епископу Москосо и вице-королю Хауреги. В манифестах, помимо упоминания об обременительных налогах — «только вода еще не обложена податями», содержится резкая критика духовенства — «если и есть праведные священники, то они так редко встречаются, что на сто придется один или самое большое — два» (3, 123—133). Он требует уничтожить институт коррехидоров и репарто, таким образом полностью солидаризируясь с первоначальной программой самого Тупак

Амару. Диего волновали и гарантии безопасности оставшимся в живых родственникам Тупак Амару.

Несмотря на колебания, Диего разослал приказы во все восставшие провинции, в том числе и в лагерь Тупак Катари под Ла-Пасом, готовиться к сдаче оружия. Как руководитель, он был весьма умерен и, очевидно, до конца не осознавал, что такое грандиозное потрясение всех колониальных основ, в какое вылилось движение повстанцев, необычайно драматический, кровавый характер борьбы, повлекший за собой тысячи жертв с той и другой стороны, крайний антагонизм интересов индейских масс и всей колониальной системы никак не могли разрешиться ни «перемирием», ни так называемой всеобщей амнистией. Вероятно, подсознательно ощущая несоразмерность, нереальность и невыполнимость «условий мира», он предчувствовал западню. Ближайшие события утвердили Диего в его подозрениях.

Первым условием мира подписал Мигель Бастидас. 3 ноября 1781 г. на краю села Пукарани, в провинции Омасуйо, произошла его встреча с полковником Х. де Ресегином. Согласно условиям капитуляции Мигель Бастидас и его капитаны обязались в 24 часа сдать все оружие, порох и снаряды, сообщить индейцам об амнистии.

Тупак Катари, предчувствуя опасность, уклонился от встречи, однако в ночь с 9 на 10 ноября 1781 г. его выдал в руки роялистов ближайший сподвижник, подкупленный испанцами. После короткого разбирательства 14 ноября 1781 г. бывший торговец кокой Хулиан Апасы, называвший себя Тупак Катари, верный соратник Инки, был казнен столь же варварским образом, что и Тупак Амару: его привязали к четырем лошадям и разорвали на части. Отрубленную голову выставили в Ла-Пасе. Хулиан Апасы стал первой жертвой так называемой «всеобщей амнистии». Мигеля Бастидаса и 28 его командиров после подписания мира также не отпустили домой, а под сильным конвоем доставили в Ла-Пас и посадили под арест. Диего Тупак Амару очень точно квалифицировал эти действия испанских властей как «предательство» (3, 190).

Каково было положение повстанческой армии? С востока на нее нацелились отряды Х. де Ресегина, с запада — Р. Ариаса, сформированные в Чукисаке и Арекипе. Малейший конфликт мог привести к расправе.

Диего принимает решение встретиться с Р. Ариасом, чтобы официально договориться о прекращении военных действий. На встрече 11 декабря 1781 г. Диего отказался разоружиться, заявив, что условия мира подпишет с фельд-маршалом Хосе дель Валье. На встрече Диего потребовал сменить коррехидоров восставших провинций, чтобы «прежние грабители и тираны не учинили массового разбоя, чтобы сам Р. Ариас покинул пределы провинции Лампа, дабы не возмущать индейцев, и передал ему всех пленных индейских капитанов» (3, 194—195).

Обе стороны подписали предварительное соглашение о приостановлении всяких враждебных действий индейцев против испанцев и наоборот.

Участники встречи оставили нам зарисовки Диего Тупак Амару и его соратников. Диего был одет в камзол из черного бархата, на поясе — кисет из золотой парчи и маленькая золотая шпага, в руке трость с золотым набалдашником. Лет двадцати восьми, светлолицый и худощавый, с крупным носом и ртом Диего Тупак Амару был очень серьезен и немногословен, весьма умен, двумя словами по сути дела отвечал на длинные, обращенные к нему пассажи; по-испански говорил с некоторыми ошибками, писал же свободно и диктовал совершенно непринужденно (3, 196—198). Вместе с Диего в переговорах участвовал и «герой Сораты и Ла-Паса» Андрес, «очень живой и деловитый смуглый юноша с круглым лицом» (мучимый подозрениями, Диего поручил ему рискованную операцию: удостовериться, действительно ли испанцы, пришедшие на переговоры, не принесли с собой оружия).

Однако путь к окончательному миру предстоял еще долгий. Диего колебался, не решаясь добровольно разоружиться и передать себя и многочисленных родственников и сподвижников в руки властей. Заключение мира и личная встреча Диего с главнокомандующим Хосе дель Валье и епископом Москосо были назначены на 20 января 1782 г. в селении Сикуани, лежащем на полпути между столицей роялистов Куско и столицей повстанцев Асангаро. Испанские власти придавали встрече чрезвычайно большое значение: речь шла о политическом наследнике казненного Инки, вожде широкого повстанческого движения, от его поведения и примера зависело дело умиротворения всех горных провинций Перу.

Прошло уже три месяца со дня опубликования «амнистии», но желанное для испанцев умиротворение все еще не наступало. И в окрестностях Ла-Паса, и в окрестностях Куско было тревожно. Из письма жителя Куско от 5 декабря 1781 г. мы узнаем: «Диего не хочет ничего знать об амнистии и продолжает восстание, все окрестные села подвергаются осаде... 20 ноября разграбили селения Ламас и Коля, не осталось ни асьенды, ни хижины, которые не были бы сожжены, сожгли село Ланги и покончили со всеми его жителями (здесь, по одной из версий, выдали испанцам Тупак Амару.— *С. С.*). Паукартамбо осадили также... недавно напали на село Льянаука и унесли все запасы». И наконец, знаменательное утверждение: «сегодня каждый индеец — Тупак Амару» (3, 192—193).

Действительно, в стране, где каждый индеец был Тупак Амару, вопрос об установлении мира превращался в вопрос жизни и смерти. Вот почему в отношении требований Диего Тупак Амару роялисты следовали политике «максимального благоприятствования». Последний сознательно пытался извлечь из нее как можно больше: в январе 1782 г. он потребовал выпустить из тюрьмы свою сестру — Сесилию, томившуюся там с мая 1781 г. Любопытна реакция испанцев на это требование. Документ эпохи гласит: «Был отдан приказ освободить ньесту (так во времена инков звали принцесс.— *С. С.*) донью Сесилию Тупак Амару Инка... Немедленно из всех лавок этого города (Куско.— *С. С.*) затребовали самые лучшие одежды, что и было исполнено с великой поспешностью, однако когда все эти платья были разложены перед нею, сия оскорбленная принцесса заявила, что «не может их надеть, так как она в трауре». Постарались полностью удовлетворить ее желание и под конвоем... отправили в Сикуани для передачи ее брату, когда тот туда прибудет» (3, 208).

Эта сцена разыгралась в самом преддверии знаменательного события: 10 января 1782 г. Хосе дель Валье и епископ Москосо уже выехали навстречу своему могущественному врагу.

Что же касается Диего, то ему не удалось прибыть к месту переговоров в назначенный срок по серьезным причинам: рядовые повстанцы не желали сдавать оружие, веками копившаяся ненависть к колонизаторам, успехи

повстанческого движения — все настраивало их против «мира» и перспективы «жить в любви и согласии» со своими угнетателями.

О подлинно революционных бескомпромиссных настроениях восставшей индейской массы свидетельствует донесение о действиях отряда Р. Ариаса по умиротворению индейцев провинции Чукито. «При появлении испанского отряда большинство жителей укрылось на окрестных холмах, с яростью и бесстыдством они кричали, что не признают помилования, что они решили скорее умереть, чем сдаться испанцам» (3, 219).

Потребовалось пять дней, чтобы окружить двухтысячный отряд индейцев. Среди 300 убитых повстанцев числился и Мельчор Лаура, уполномоченный Диего в должности губернатора и генерал-капитана провинции Чукито. Следовательно, даже ближайшие сподвижники Диего не выполняли его решения сдать оружие. Сильную оппозицию встретил он и в самом Асангаро. Из-за сопротивления сторонников в своем лагере он не мог прибыть в Сикуани к 20 января. Ни Андрес, ни Мариано не поехали с ним, хотя их совместный приезд планировался заранее. По пути следования Диего толпы индейцев «слезно умоляли его не доверяться испанцам», охранявший Диего отряд повстанцев неоднократно пытался повернуть обратно в Асангаро. Несколько монахов и новый коррехидор провинции Тинты Ф. де Сальседо, посланные сопровождать Диего в качестве «почетного эскорта», денно и нощно убеждали его в «искренности и честности намерений королевских властей».

С опозданием на пять дней Диего прибыл наконец в селение Сикуани. Здесь, на славной земле провинции Тинта, где вспыхнули первые искры восстания, оно и должно было закончиться странным, ущербным и прискорбным перемирием.

Не будем утомлять читателя подробностями того, как проходила церемония подписания мирного договора, растянувшаяся на два дня, 26 и 27 января 1782 г. Здесь были клятвы и салюты, торжественные обеды и банкеты. Королевские власти потребовали, чтобы Диего Тупак Амару публично поклялся в верности испанскому королю, католической церкви и королевскому оружию, ему давался срок в 12 дней, чтобы сдать «все пушки, ружья, пистолеты, копыя, сабли, порох, запасы бронзы и меди, зна-

мена и барабаны, военные униформы и регалии», хранившиеся в различных местах; племянников Диего — Андреаса и Мариано, а также не явившихся в Сикуюни родственников — мать, жену и других — обязали предстать перед лицом Хосе дель Валье и Москосо для получения «официального прощения». На Диего возлагалась вся ответственность за умиротворение восставших провинций, и тот обещал, что «ценою своей крови и жизни он усмирят мятежные селения» (3, 224).

Как видно из условий договора, роялисты добились своей цели. А что получили взамен повстанцы? Их с миром отпускали по домам, пообещав не напоминать об участии в восстании. Не маловато ли? Во всем остальном — прежний произвол местных властей, прежняя кабала, безысходность и нищета. Впрочем, Диего Тупак Амару и всем его родственникам гарантировалось «словом чести», что «им не будет нанесено ни малейшего ущерба, касалось ли это их личности, семьи или имущества».

Показательно, что при подписании договора не было сказано ни слова о каких-либо политических или экономических реформах, менявших положение индейских масс. Так, воспользовавшись неопытностью и доверчивостью индейских руководителей, колониальные власти навязали восставшим неравноправный лицемерный мир, приведший в конце концов к ликвидации повстанческого движения.

Примечательно, что власти Ла-Платы, продолжая резко отрицательно относиться к амнистии, скрепя сердце, «дабы не противоречить», опубликовали указ о помиловании и в своих владениях, приурочив его к миру в Сикуюни. За последующие три недели более 30 тыс. индейцев явились в Сикуюни с повинной; церемонии, связанные с «дарованием прощения», по словам епископа Москосо, «не прекращались ни днем, ни ночью» (3, 341).

20 февраля 1782 г. на площадях и улицах «города королей» Лимы и других городов и селений Перу «в честь полного умиротворения» была устроена праздничная иллюминация, три дня звонили колокола больших и малых церквей.

Диего Тупак Амару, помилованный королем и принятый снова в лоно католической церкви, после заключения мира в Сикуюни, объективно говоря, перестал существовать как вождь, как продолжатель дела восставшего Инки.

Однако, несмотря ни на что, обезглавленное движение продолжало жить. Провинции Омасуйо, Ларекаха, Карабайя к северу и западу от озера Титикака, с давними освободительными традициями, не желали подчиняться местным властям; вновь и вновь правительственные отряды пускались в трудный путь, чтобы наказать непокорных индейцев.

Вот отрывки из дневника полковника Себастьяна де Сегуролы: «23 февраля убили более 60 индейцев селения Анкорайма... в Мокомоко уничтожили более 100... у индейцев Италаке оставили 50 трупов и отняли 2 ружья, из которых они в нас стреляли... 7 марта на поле осталось 800 мертвых индейцев, более 100 копий, 4 знамени, одно ружье и один карабин» (3, 244—246). Под Ла-Пасом Р. Ариас в начале марта 1782 г. вел ожесточенные бои с отрядом индейцев в 3500 человек под командой Блас Чоке. В конце марта около селения Хуаки множество индейцев окружили испанский отряд сержанта Анхеля де Эспанья: «Мы немедленно подняли флаг мира, а они в ответ — флаг войны, заявив, что хотят сражаться с нами, и начали атаку с неопишуемой яростью... а ведь жители этого селения получали прощение уже дважды» (3, 251).

Известный нам Х. Савала писал: «Все эти жестокие меры должны были привести к порядку, однако с огромным сожалением мы видим, что происходит совсем обратное. Индейцы потеряли всякий страх перед пулями... Война оставила столько Тупак Амару, что несть числа им, постоянно появляющимся из любого угла... Только за два месяца (март — апрель 1782 г.— С. С.) вокруг Ла-Паса убито более 4 тыс. индейцев, среди них 200 индейских полковников или командиров» (3, 249, 270). По данным испанского командования, во время «умиротворительных» акций за то же время от рук роялистов погибло более 500 индейских женщин и детей.

В апреле 1782 г. сам Хосе дель Валье был вынужден отправиться в район Асангаро, чтобы лично следить «за процессом умиротворения». Специальные отряды охотились за индейскими вождями, отказывавшимися признать мир в Сикуани. Один из них, Алехандро Калисайя, на требование сложить оружие ответил: «Пусть сеньор инспектор (Хосе дель Валье.— С. С.) убирается в Испанию вместе с сеньором вице-королем, в их помиловании мы не нуждаемся» (3, 315). Один из участников военных дейст-

вий тех дней писал: «Нам не приходилось наблюдать нигде равного ожесточения и упорства, с которыми защищались индейцы...» (3, 297). Королевский совет Испании постоянно выражал недовольство «неэффективностью и медлительностью действий» главнокомандующих — Хосе дель Валье в Перу и Игнасио Флореса в Ла-Плате. До конца 1782 г. отборные испанские силы продолжали подавлять очаги восстания в Сьерре.

Все это время Диего вел ничем не примечательную жизнь в селении Тунгасука провинции Тинта. Он наивно полагал, что испанские власти действительно «простили» его и продолжал называть себя Инкой. В октябре 1782 г. он отказался дать расписку в получении выделенных ему 1000 песо пенсии, пока в документе не будет указано его династическое имя — Тупак Амару. Диего не подозревал, что, превратившись из вождя повстанцев в частное лицо и пленника роялистов, он перестал быть для них опасным.

Как утверждал епископ Москосо, ему принадлежала идея помиловать не только участников, но и руководителей движения. Эту идею он и изложил вице-королю Хауреги в письме от 27 августа 1781 г. Очевидно, не без его участия разрабатывалась и вторая, тщательно скрывавшаяся, половина плана: физическое уничтожение всех руководителей движения, сдавших оружие и получивших «прощение».

Через год после мира в Сикуани, в феврале — апреле 1783 г. Диего Тупак Амару, все его родственники и соратники — около 140 человек — были тайно, по предварительному составленному списку арестованы и брошены в тюрьму. Сыновья Тупак Амару — Мариано и Фернандо и племянник Андрес, жившие под строгим надзором в Лиме, «ради спокойствия королевства» также подверглись аресту.

Королевские судьи пол началом печально знаменитого Мата Линареса берутся сфабриковать дело против арестованных. Осуждение Диего и его сторонников — пример типичного колониального произвола. В чем можно было обвинить 14-летнего сына Тупак Амару — Фернандо, который вот уже два года после казни отца переходил из одной тюрьмы в другую? И могло ли служить поводом для ареста его брата Мариано похищение им из монастыря Санта-Каталина в Куско его возлюбленной, причем

давность «проступка» исчислялась в полгода. Что можно было предъявить арестованным многочисленным родственникам Диего (у его матери насчитывалось шесть сестер и четыре брата, а у жены — семеро братьев и сестер)? Ничего, кроме того, что все они принадлежали к «опасному клану», носившему имя Великого повстанца. Всех их ожидало изгнание, «чтобы никакого следа не оставалось от... семьи так называемых Тупак Амару»⁴.

17 июля 1783 г. власти вынесли обвинительный приговор Диего Тупак Амару, его матери Марселе Кастро, жене Мануэле и двум индейцам — Симону и Лоренсо Кондори. Диего вменялись в вину «тяжелейшие проступки», «он доказал своим поведением, что лицемерно отнесся к высочайшему помилованию... вел переписку с индейцами, подписывался — Отец-губернатор и Инка... называл индейцев сладким словом «дети», за что жители провинции Тинта и других мест снабжали его провиантом», и т. д. Марселу Кастро обвинили в том, что она не донесла властям о якобы готовившемся мятеже в местечке Маркапата (3, 411—413). Ничего, кроме этих беспомощных утверждений, не могли предъявить «главным виновникам» — состава преступления придумать так и не удалось.

Тем не менее Диего, его мать, индейцев Кондори власти осудили на смерть, жену Диего — на вечное изгнание.

19 июля 1783 г. на главной площади Куско казнили еще одного Тупак Амару. Предварительно его подвергли пытке раскаленными щипцами, а затем, как и остальных, повесили. Показательно, что протектор индейцев из Куско Себастьян Арена, просивший суд «во имя христианского милосердия» смягчить наказание осужденным, а именно: сначала казнить их и лишь потом тела их подвергнуть пыткам, — был немедленно оштрафован на крупную сумму в 100 песо (4, 223—224).

В середине 1783 г. испанские власти беспощадным террором, подкупом, обманом и предательством привели к покорности восставшие провинции. Последним отголоском некогда мощного движения стала попытка мятежа в окрестностях самой Лимы.

В июне 1783 г. Фелипе Веласко, касик селения Асунсьон провинции Хуарочири, назвавшись братом и представителем Инки Тупак Амару, «сидящего в Великом Пайтити», призвал жителей соседних сел к оружию. Заговорщики собирались блокировать дороги и мосты, ве-

душие к Лиме, выступление было назначено на конец августа. Однако власти быстро подавили мятеж, одних заговорщиков казнили, других — выслали за пределы Перу.

Было бы неверно утверждать, что колониальные власти не сделали никаких выводов из грандиозного потрясения, к которому привело индейское восстание 1780—1783 гг. Испанская корона предприняла попытку упорядочить управление колониями: в 1783 г. был уничтожен институт коррехидоров, объявлялась запрещенной ненавистная система торговли — репарто. Вводилось новое административное деление. В вице-королевстве Перу создавались восемь интенденсий, управлявшие ими интенданты и субделегаты назначались в Испании и получали твердое государственное жалованье, существенно ограничивалась власть вице-короля. В 1787 г. в Куско была создана новая королевская аудиенсия. Так почти сразу же после смерти Тупак Амару колониальная администрация осуществила многие из его проектов. Однако и эти реформы мало что изменили в положении индейцев.

Репарто пустило столь глубокие корни и было столь «привлекательным» для колониальной олигархии средством быстрого обогащения, что уже Эскобедо, преемник Арече на посту генерального виситадора в Перу, попытался восстановить репарто. Эта попытка не увенчалась успехом. Однако уже в правление Карла IV (1788—1808) мита и репарто были полностью восстановлены. И сменившие коррехидоров субделегаты вплоть до начала войны за независимость продолжали заниматься и явно, и через подставных лиц этой выгодной незаконной торговлей.

Военные расходы на карательные экспедиции во время восстания составляли ежегодно около 1,5 млн. песо. В 1784 г. испанская корона, крайне неудовлетворенная малой эффективностью ополчения в деле поддержания порядка во внутренних районах, решила усилить регулярную армию. В такие крупные города, как Куско, Арекина, Ла-Пас, были назначены пехотные части, дабы рассеять всякие иллюзии о слабости королевского оружия.

Одновременно всячески противодействуя усилению креольского ополчения, не без основания полагая, что оно в любой момент может повернуть оружие против короля, власти стремились «испанизировать» колониальную ар-

мию и отказали в награждении и поощрении большей части креолов, активно участвовавших в подавлении восстания.

Масштабы развернувшихся во время движения 1780—1783 гг. событий, необычайный накал классовых противоречий, длительные военные действия и попытка восставших осуществить свои чаяния на практике — все говорит о том, что по существу восстание Тупак Амару было крестьянской войной, угрожавшей жизненно важным устоям всей колониальной системы Испании в целом. В. И. Ленин писал: «...Мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии»⁵.

В зарубежной историографии последних лет появилась новая тенденция в освещении событий конца XVIII в. в Перу. Так, колумбийский историк Фр. Посада считает, что необходимо ввести определение «революционная эпоха», когда речь идет о восстании Тупак Амару и связанном с ним восстании комунерос в Новой Гранаде. Эти движения, пишет он, не должны рассматриваться только как «простые предвестники войны за независимость, они открыли революционный этап, закончившийся битвой при Аякучо в 1824 г.»⁶. Ему вторит перуанский историк Л. Дуран Флорес: существует «общепринятая установка называть Тупак Амару «провозвестником», оставляющая его в рамках XVIII в., справедливость требует уточнения: он положил начало революционной эпохе войны за независимость»⁷.

Глава десятая

ПО СЛЕДАМ ТУПАК АМАРУ

.Кровь [Тупак Амару] оплодотворила эту землю и вырос на ней богатый урожай, собранный мужественной рукой великого Боливара.

*Письмо Хуана Баутисты Тупак Амару
Симону Боливару 15 мая 1825 г.*

Испанские власти стремились физически уничтожить представителей инкской династии, поскольку видели в них реальную угрозу стабильности колониальной системы. Узнав о поимке близких Тупак Амару, мадридский двор выразил «полное удовлетворение, так как с пленением Диего, трех его племянников, семьи и других родственников король обеспеченным спокойствием и покорностью внутренних районов Перу»¹. После казни Диего во имя соблюдения «высших государственных интересов» 78 человек (из них 59 женщин, стариков и детей) были приговорены к пожизненному изгнанию с перуанской земли.

В начале октября 1783 г. все они отправились по этапу из Куско в Лиму. Среди арестантов были Хуан Баутиста, сводный брат Тупак Амару, отсидевший год в тюрьме после его казни, помилованный в 1782 г. и вновь арестованный; Вентура Монхаррас — престарелая мать Хуана, ставшая матерью и для Инки (родная его мать Роза Ногера умерла, когда Хосе исполнилось три года). Любимая сестра Тупак Амару — Сесилия умерла, не выдержав повторного заключения, по этапу шли трое ее малолетних детей. Еще 14 детей и подростков разделили трагическую участь своих родителей. «Особо опасные преступники» — сыновья Тупак Амару Фернандо и Мариано по-прежнему содержались в лимской тюрьме. Касаясь специально их судьбы, вице-король Хауреги в письме к министру по делам Индий особо подчеркивал: «Суд... посчитал делом государственной важности отметить, чтобы для их заточения не назначались бы тюрьмы в Африке или в других

местах, откуда легко совершить побег, по непредвиденному случаю какая-нибудь враждебная Испании держава может завладеть представителями этой... семьи и нарушить покой короля и этих владений» (3, 425).

В апреле 1784 г. судьба арестованных решилась окончательно. На рейде порта Кальяо стояли готовые к отплытию два военных фрегата — «Перуано» и «Сан-Педро-де-Алькантара», им предстоял путь в Испанию через Рио-де-Жанейро. 13 апреля 1784 г. заключенных погрузили на корабли. Братьев Фернандо и Мариано разлучили навсегда, сыновья Тукак Амару больше никогда не увидели друг друга, их увозили на разных кораблях. Средний сын Тукак Амару — Мариано больше никогда не увидел и землю: он умер от голода и болезней в смрадном трюме «Перуано». Труп его выбросили в море. Из 29 пленников 18 умерли во время плавания, в Кадис в феврале 1785 г. прибыло только 11, из них через три года в живых осталось четверо.

Иначе сложилась судьба младшего сына Тукак Амару — Фернандо. Ему просто дважды «повезло»: он пережил длившийся почти год морской переход через два океана. Корабль, на котором он плыл, в феврале 1785 г. потерпел крушение близ португальского берега. Мальчик оказался чуть ли не единственным, кому удалось спастись. Это ли не было чудесным избавлением от грозившей ему каторги? Но измученный, умирающий от голода подросток, побродив три дня на свободе, сам явился к властям и открыл свое имя, будучи «уверен в своей невиновности и доброте и великодушии его величества испанского короля». Однако и здесь, за тысячи километров от родной земли, имя мальчика внушало страх. Фернандо немедленно упрятали в подземелье монастыря Санта-Каталина в Кадисе и учредили за ним строжайший надзор. После полутора лет заключения, тяжело заболев, он направил на имя Карла III письмо, полное достоинства и недетской горечи: «Не слишком ли много страданий выпало на долю человека, чье единственное преступление состоит только в том, что он родился на свет»², — писал Фернандо. В 1788 г. его направили в специальное благотворительное заведение для сирот и детей бедняков в селении Хетафе, в 18 км южнее Мадрида, где, учась «письму, счету и началам философии», он и прожил пять лет. Фернандо отказался от предложенной ему духовной карьеры, пытался

служить в королевских канцеляриях, но без особого успеха.

Вот отзывы о нем его духовных пастырей: «Экзальтированное воображение... несколько возбужден... очень живой, но мало размышляет и еще меньше проявляет энергию характера» (3, 496).

Кто знает, какие чувства, какие мысли обуревали этого юношу? Вся его короткая жизнь стала страшным обвинением колониальному режиму. В 13 лет — свидетель мученической смерти отца и матери. Затем долгие годы заточения: из тюрьмы — в крепость, из крепости — в монастырь. Изгнание с родины и суровая необходимость прижиться на чужой земле. Тяжелая душевная депрессия — «черная меланхолия», а также болезни, вынесенные из различных тюрем, довершили судьбу последнего сына Тупак Амару. Он умер в возрасте 30 лет в Мадриде, на самом пороге XIX столетия. После 1798 г. имя Фернандо Тупак Амару, «сына главного виновника минувших потрясений в Перу», перестает упоминаться в архивных документах Испании.

А ведь он мог дожить до войны за независимость и увидеть торжество освободительного дела, начатого отцом, как случилось с его дядей — Хуаном Баутистой. Командир, доверенное лицо Тупак Амару, казначей и хранитель ценностей в повстанческой армии, он попал в руки местных властей через три месяца после казни Тупак Амару. Освобожденный после мира в Сикуани, спустя год Хуан вместе со всеми родственниками Тупак Амару был схвачен во время новой волны арестов и в сентябре 1783 г. приговорен к пожизненному изгнанию в Испанию.

Сосланный в Сеуту, что на западном побережье Африки, он провел на каторге долгие годы. В 1822 г. ему удалось добраться до Буэнос-Айреса. Индеец ехал умирать на родину. Война за независимость шла к победоносному завершению. Бернардино Ривадавия, президент молодой Аргентинской республики, специальным указом назначил престарелому Хуану ежемесячную пенсию с тем, чтобы тот написал воспоминания о событиях, участником и очевидцем которых был. Так родились ставшие знаменитыми мемуары под названием «Продолжительный плен»³. Документ, проникнутый горечью пережитых страданий, стал грозным обвинением колониальному произво-

лу и своеобразным памятником благородному делу Великого повстанца.

Предоставим же слово брату и соратнику Инки. В нем как бы воплотилась биография повстанческого движения от дней триумфа до дней поражения. Хуан Баутиста заслужил право быть выслушанным, он нашел в себе силы вынести тяжкие годы изгнания и, шагнув из XVIII в XIX столетие, стал олицетворением живой связи времен⁴.

«В возрасте 80 лет, после 40 лет тюремного заключения за дело независимости, я был освобожден из пучины рабства, чтобы испытать воздух свободы. Для нынешнего поколения я жертва деспотизма, пережившая его удары, к удивлению всего человечества... Три испанских короля в равной степени испытывали удовольствие, обрекая меня на убогую и постыдную жизнь, уже забыты были причины моего осуждения, под ударами времени и следа почти не осталось от учреждений, вынесших мне приговор, только я продолжал оставаться узником...» — так начинается рассказ Хуана Баутисты.

«Вот история моих страданий. Слабость не позволяет мне сделать увлекательным мой рассказ, в нем нет живых образов и опущены существенные детали, однако не думаю, что моя судьба оставит кого-нибудь равнодушным в дни, когда весь мир поднялся против тиранов».

Судя по всему, многие подробности были забыты автором воспоминаний, поэтому мы не найдем в его мемуарах хронологически выдержанного повествования.

«В те дни я избегал ареста (имеется в виду пленение Тупак Амару.— С. С.) и меня не коснулась волна этого дьявольского террора, однако мысли о моем брате, тело которого было разрублено на куски и выставлено на обозрение у въездных ворот города, об уничтожении невинной и достойной семьи, олицетворявшей собой чистоту, искренность и кротость наших славных отцов, древних инков, мучительно преследовали мой угасающий дух в моем убежище. После ужасной смерти моего брата и меня схватили в скалах над селением Суримана. Среди многочисленных тюремщиков ни одному не хватило человечности, чтобы разрешить увидеться, хоть ненадолго, с моей матерью и женой, которые, подобно мне, содержались в одиночестве без права общаться друг с другом...»

Меня освободили (после «всеобщей амнистии». — С. С.). Целый год мы боролись за то, чтобы прокормить себя...

Все заставляло нас предчувствовать близкую беду, несмотря на слово самого Карла III, которым нам обещали полную безопасность. Мы были совершенно убеждены, что тираны не сдерживают своих слов, те же, кто властвовал над нами, принадлежали к той же породе, что лишила жизни наших последних Инков...»

Особенно ярко в памяти Хуана Баутисты запечатлелся тягостный путь в изгнание, который привелось пережить всем арестованным родственникам Тупак Амару.

«После того как нам определили вечное изгнание, наступил день нашего выхода из Куско. Для наших мучителей это было самое лучшее развлечение. Распорядок дня был оглашен заранее, люди высыпали на улицы и на балконы домов... Нас вышло более 60 человек, в том числе и дети от трех до восьми лет, все влачили цепи... Мы обошли вокруг главной площади, выставляя напоказ нашу нищету, наши цепи и наш позор...

За все время нашего пути до Лимы стражники постоянно проявляли к нам бесконечную жестокость: по два-три дня оставляли без еды и питья, на самые насущные просьбы отвечали ударами или оскорблениями... им доставляло удовольствие издеваться над нами. Моя несчастная мать три дня просила пить с тоской, слезами и мольбами... она так и умерла от жажды, и ее смерть легла на наши плечи тяжким бременем... И я не перестаю удивляться, как эти люди могли проявлять такую исключительную жестокость...

Мы надеялись, что в столице власти проявят к нам некоторое снисхождение. Однако как мы обманывались! Сменились только палачи и мучения. Подземелье, в которое нас упрятали, из всех удобств располагало только цепью. К ней мы и были прикованы, отданные под присмотр тюремщика, обязанного следить за малейшими нашими движениями... Много моих товарищей по несчастью умерли рядом со мной и среди них мой дядя — дон Бартоломе Тупак Амару в возрасте 125 лет (это, очевидно, явное преувеличение.— *С. С.*).

Пять месяцев провели мы в лимской тюрьме. Когда нас вывели на пристань порта Кальяо, повторилась такая же картина, что и в Куско. Не в состоянии нести наши цепи, подгоняемые ударами, мы с трудом поднялись на палубы кораблей. Меня и мою семью погрузили на фрегат «Перуано». Капитан фрегата дон Хосе Кордова отли-

чался исключительной свирепостью. Всех нас разместили в трюме, приковав друг к другу цепями, все удобства — старое пончо и овечья шкура, наш ежедневный паек был столь скуден, что мы постоянно голодали и набрасывались на кости, которые нам кидали во время обеда... Мы были совершенно заброшены, ни врач, ни капеллан, ни капитан не оказывали нам никакой помощи, а ведь то была прямая их обязанность. Половина моих братьев умерла от цинги, не достигнув и Рио-де-Жанейро, я искренне и горячо жаждал смерти. В глубине нашего отчаяния мы догадывались, что и в Испании наши муки не закончатся...

Четыре месяца мы провели на рейде Рио-де-Жанейро, после чего направились в Испанию. Через десять месяцев бросили якоря в Кадисе. В надежде найти хоть какое-нибудь сострадание к перенесенным нами мучениям мы думали, что, каким бы ни был приговор, королю достаточно будет уже пережитых нами страданий...

1 марта 1785 г. нас выгрузили на берег, я был отведен в замок Сан-Себастьян, два стражника поддерживали меня с двух сторон, чтобы я мог идти. Нам уже приготовили камеры, они были из камня, с маленьким оконцем, заделанным широкой железной перекладной почти во всю его ширину, пол — каменный и влажный, двойные двери. Стража была поставлена у дверей, у окна и на крыше, все предусмотрели заранее, кроме еды, а ведь у нас за плечами был такой длинный путь...

Три года и три месяца провел я в замке и не вспоминаю ни одного жеста сострадания со стороны охранявших меня тюремщиков. Наконец, Карл III определил судьбу тех немногих несчастных, оставшихся к тому времени в живых. Все они были разосланы в различные тюрьмы Испании — в Оране, Альхусеме, Мелилье, Пеньоне и Малаге. Мне уготовили другую участь, я был отправлен в Сеуту на корабле, везшем соль. Мы прибыли туда 1 июня 1788 г.

За 34 года много чего произошло ... Во мне теплилась надежда вернуться на родину. После потрясения, произведенного революцией во Франции, стало очевидным, что в отношениях между Америкой и Испанией должны произойти перемены. В Сеуте появились новые арестанты, эхо событий в Европе докатывалось и до мест нашего заключения. В 1820 г. кортесы постановили, что

все американцы (жители американских колоний.— *С. С.*), осужденные по политическим мотивам, должны быть отпущены на свободу, им было обещано 10 песо в день и возвращение на родину за государственный счет. Все американцы воспользовались этим декретом и обрели свободу... кроме меня. Судья Антонио Гарсиа заявил, что меня это не касается, так как мое дело проходило не через кортесы, а через Совет по делам Индий... Наконец, под предлогом лечения мне разрешили выехать в Кадис, там был рядом Гибралтар, откуда нетрудно добраться и до Америки.

Полтора года ждали мы удобного случая... 3 августа 1822 г. мы отправились к берегам Южной Америки, навсегда покинув Испанию... Через 70 дней плавания я прибыл в Буэнос-Айрес, здесь ко мне протянулись руки моих уже независимых братьев, чтобы обнять меня...» (3, 879—906).

15 мая 1825 г. Хуан Баутиста Тупак Амару направил письмо выдающемуся деятелю войны за независимость Симону Боливару. Для этого был прекрасный повод — после битвы при Аякучо в декабре 1824 г. родина автора мемуаров — Перу, сбросила бремя испанского колониализма, стала наконец свободной. «Если долг друзей родины инков, память о которой так близка и дорога мне, принести поздравления герою Колумбии и освободителю многочисленных стран Южной Америки, мое сердце, полное ликования, радуется этому вдвойне. Я прожил до 86 лет в тяжких скитаниях, на грани жизни и смерти, чтобы увидеть наконец завершение того великого и справедливого дела, которое принесло нам радость обладания правами и свободой; к ней стремился и дон Хосе Габриэль Тупак Амару, мой нежный и обожаемый брат, мученик перуанской империи, его кровь оплодотворила эту землю и вырос на ней богатый урожай, собранный мужественной рукой великого Боливара» (3, 908).

Хосе Габриэль Тупак Амару, восставший Инка, шагнул в XIX в. вместе со своими потомками и последователями. Среди продолжателей начатого им освободительного дела оказались и его враги, в том числе и такой могущественный, как уже известный читателю знатный индейский касик дон Матео Пумакава. Логика исторических событий заставила его принять сторону Тупак Амару.

Революция, происшедшая во взглядах этого некогда происпански настроенного индейского вождя, «чье рвение любовь и верность королю служили вечным примером другим индейцам испанских владений», необычайно наглядна.

Прямая противоположность Тупак Амару по мировоззрению, Матео Пумакава являл собой не менее сильную личность, однако духовно поработченную колонизаторами. Это был Тупак Амару наоборот, конформист до мозга костей, возглавивший ту часть индейских касиков, которая порвала со своим народом и интересы испанской короны защищала как свои собственные.

Чем занимался наш «антигерой» после казни Тупак Амару? В начале 1782 г. он представляет свидетельства о своих «подвигах» в дни восстания, в августе 1783 г. ему присваивают звание полковника ополчения, утвержденное лично королем Карлом III. Вице-король Теодор де Круза преподносит дону Матео еще одну золотую медаль. В 1788 г. Пумакава отмечает коронацию Карла IV боем быков в своем селении Чинчерос. Затем следует очередное повышение с соответствующим более высоким денежным содержанием. Дону Матео оказывается большая честь: его избирают членом кабильдо Куско, на религиозных праздниках он носит хоругвь с изображением патрона города св. Яго. Итак, почет и процветание как награда за верную службу королю.

1808 г. Испания во власти наполеоновской армии. Куско, спасая имя «вернейшего города», собирает пожертвования королевскому дому. Матео Пумакава дважды фигурирует в списке жертвователей и вносит 2,5 тыс. песо! В середине 1809 г. в городах Ла-Пас и Чукисака начались массовые антииспанские волнения. Но если при жизни Тупак Амару, 28 лет назад, недовольными были индейские общинники-крестьяне, теперь восстают жители городов, главным образом метисы и креолы. За прошедшие 30 лет креольское освободительное движение развилось, окрепло и стало мощным фактором политической жизни. Восставшие отказались признать власть испанского короля, к тому времени пленника Наполеона, и образовали временную хунту. Навести порядок в восставшем районе колониальные власти доверили испанскому генералу Х. Гойенече и слуге короля — М. Пумакаве.

В результате карательной экспедиции ликвидированные испанские органы власти в Верхнем Перу были вос-

становлены. За столь неоценимую услугу Пумакава получил звание бригадира, а в сентябре 1812 г. его назначили президентом королевской аудиенсии в Куско. Это ли не предел всех желаний? В те годы при испанском дворе считали, что он «способен повелевать 40 тыс. индейцев одним лишь словом»⁵.

3 августа 1814 г. в Куско произошел антииспанский переворот. Уроженцы Куско, креолы братья Ангуло, священник Габриэль Бехар захватили военный штаб и отдали приказ об аресте королевских чиновников. Была избрана революционная хунта в составе трех человек, одним из ее членов стал... Матео Пумакава. Индейский аристократ, прижизненно увенчанный лаврами, образец верно-подданничества, перешел в ряды противников авторитарной власти... Процесс сближения индейцев и креолов, начало которому было положено в 1780—1783 гг., за последовавшие три десятилетия углубился. Если в 1780 г. креолы в своем большинстве остались верными королю, то во время восстания 1814 г. в Куско уже креолы, братья Ангуло, возглавили освободительное движение. В лице М. Пумакавы они искали и нашли союзника, представлявшего интересы индейцев, и выступили с ним единым фронтом.

Какие же события происходили в это время в других частях колониальных владений Испании? В Новой Испании, Венесуэле, Новой Гранаде, Ла-Плате шли ожесточенные бои против испанской правительственной армии, война за независимость была в самом разгаре. В январе 1813 г. объединенные провинции Ла-Платы провозгласили отделение от Испании, сформированная под Тукуманом Северная армия патриотов вела наступление против армии испанцев, защищавшей Верхнее Перу. Вторая Венесуэльская республика под руководством Боливара в июле — декабре 1814 г. сражалась с превосходящими карательными силами испанцев. В августе 1814 г. в провинции Мендоса генерал Хосе де Сан-Мартин приступил к подготовке армии для освобождения Чили и Перу, где были сосредоточены главные силы роялистов. В Чили уже действовала патриотическая армия под руководством Бернардо О'Хиггинса. Вот о каких союзниках мечтал 35 лет назад индейский вождь Тупак Амару.

Индейская Сьерра, обширные высокогорные плато вице-королевств Перу и Ла-Платы, составляли глубокий

тыл, где еще сильны были позиции испанской короны. Восстание в Куско лишало испанцев последней опоры. 30 октября 1814 г. М. Бельграно, командующий Северной армией Ла-Платы, боровшейся за освобождение Верхнего Перу, прислал в Куско письмо с призывом «объединить действия обеих армий и гнать испанцев до Кальяо»⁶.

Матео Пумакаве доверили ответственную задачу — обеспечить южные подступы к Куско, взять крупный центр — город Арекипу и принудить к сдаче рассеянные по другим городам отряды испанского ополчения. Продав часть своего имущества для покупки оружия и припасов, во главе пятитысячного войска Пумакава выступил на юг. 9 ноября 1814 г. он наголову разбил испанские силы под Арекипой, вошел освободителем на улицы города. Отсюда М. Пумакава направил послание вице-королю Х. Абаскалю в Лиму с предложением прекратить кровопролитную гражданскую войну, поскольку «новая система основательно упрочивается в Америке»⁷.

Однако закрепить военный успех не удастся: на помощь Арекипе перебрасывается отряд полковника Х. Рамиреса, оборонявший Пуно. Уклонившись от открытого боя, М. Пумакава оставляет Арекипу и становится лагерем около Сикуани. Здесь, как мы помним, в январе 1782 г. был подписан знаменитый «мир» с Диего Тупак Амару. Здесь, в этих памятных местах, разворачивались драматические события индейского восстания 1780—1783 гг. Только тогда М. Пумакава сам преследовал повстанцев, теперь правительственные отряды охотились за ним.

6 марта 1815 г. М. Пумакава направил Х. Рамиресу письмо: «Как можно оставаться верным королю, которого больше не существует, как можно подчиняться его указам и содержать в тяжких цепях рабства несчастного униженного американца?» — писал он и предлагал Х. Рамиресу сдать оружие без боя и перейти на сторону патриотов. Но позиции роялистов оставались еще сильны.

9 марта 1815 г. на берегах реки Айявири произошло решительное сражение. У М. Пумакавы было 30 тыс. солдат и 40 пушек против 1300 солдат и 6 пушек Х. Рамиреса. Превосходство сил патриотов повергло в уныние роялистов. Неожиданно для самого себя Х. Рамирес выиграл бой, умело организовав наступление. 75-летний Матео Пумакава потерпел первое и последнее поражение в

своей жизни. Военный совет роялистов, собравшийся в Сикуани, обвинил его в том, что «он собирался идти приступом на Лиму и довести до конца дело освобождения». Приговор скорый и обычный — повесить и четвертовать был приведен в исполнение 17 марта 1815 г. Немного спустя казнили и других вождей восстания.

Так закончилась жизнь одного из значительных руководителей патриотического движения 1814—1815 гг. в Куско, тесно связанного с освободительной борьбой патриотов в других частях Южной Америки. Однако потребовалось еще долгих девять лет ожесточенной борьбы с роялистами, прежде чем «вернейший город Куско» стал наконец свободным. Это произошло в декабре 1824 г. после битвы патриотов с роялистами на поле Аякучо. Между казнью Тупак Амару и днем, когда солдаты маршала Хосе Антонио де Сукре прошли по улицам Куско, пролегла напряженная, богатая историческими событиями эпоха.

Какие же плоды принесла эта знаменательная победа — свержение испанского колониального гнета — миллионным индейским массам Перу, Боливии, Аргентины?

Передовые деятели войны за независимость, такие как Хосе де Сан-Мартин, Симон Боливар, Мануэль Бельграно и другие, хорошо сознавали, сколь велик вклад индейцев в материальную и духовную культуру латиноамериканских стран. В июле — октябре 1816 г. в Тукумане горячо дебатировался вопрос о переносе столицы в глубь Перу и о восстановлении «древней монархии инков». 6 июля 1816 г. М. Бельграно заявил, что, по его мнению, «формой правления, наиболее соответствующей провинциям Ла-Платы, была бы умеренная монархия под названием «Династия инков», так как восстановление этого дома, столь грубо лишенного трона, было бы справедливым делом»⁸.

К мысли о том, что династия инков должна представлять и олицетворять национальную независимость, М. Бельграно возвращался не раз. «План поставить во главе Инку» казался замечательным и Х. де Сан-Мартину. В одной из прокламаций от 6 июля 1816 г., обращенной к народам Перу, говорилось: «Скоро будет восстановлена Династия инков, и мы увидим на троне при древнем дворе в Куско законного наследника короны!»⁹ Неутомимый поборник освобождения испанских колоний

Франсиско де Миранда также одно время представлял будущее политическое устройство колоний в форме конституционной монархии во главе с наследственным императором — Инкой.

Нужно признать, что упомянутые проекты, отдавая дань исторической традиции, были утопичны по самой своей сути и совершенно игнорировали конкретную социально-экономическую действительность в молодых латиноамериканских республиках, которые возникли на развалинах испанской колониальной системы. Этим декларациям суждено было остаться на бумаге.

В ходе войны за независимость наиболее радикально настроенные ее лидеры предприняли попытку провести демократические реформы для улучшения положения индейских народов. Упразднилось само название «индейцы» и их уравнивали в правах с другими гражданами. 27 августа 1821 г. Сан-Мартин издал декрет: «Впредь не называть коренных жителей ни индейцами, ни туземцами: они — дети и граждане Перу и должны именоваться перуанцами». Следующий декрет объявлял об уничтожении миты, всех видов долговой кабалы и личной службы, а также позорной подушной подати трибута — символа угнетения¹⁰. Симон Боливар также издал несколько подобных декретов на территории Республики Боливии, бывшего Верхнего Перу: он отменил подушный налог на индейцев, запретил миту, принудительный труд индейцев на строительстве дорог и церквей, в поместьях, впредь все заработки должны были выплачиваться индейцам деньгами на условиях предварительно заключенных с ними договоров и т. д.

Большая часть вышеназванных революционно-демократических декретов была отменена вскоре после окончания войны за независимость. Креольская олигархия — это зловещее и могущественное детище феодально-абсолютистской Испании — вот кто пришел на смену С. Боливару и Х. де Сан-Мартину. Буржуазные правительства латиноамериканских государств в течение всех последующих лет проводили по отношению к миллионному индейскому населению политику колониального угнетения в ее худшем варианте.

Сами индейцы не смогли выступить как самостоятельная политическая сила в войне за независимость, руководство которой находилось целиком в руках креолов.

Х. Мариатеги писал по этому поводу, что индейцы оставались в значительной части аморфной, социально неорганизованной массой. Они еще не превратились в крестьянский класс, проникнутый революционным духом и отстаивающий свое право на землю, им не хватало связей в национальном масштабе и поэтому они не могли определить своей судьбы¹¹. Показательно, что в годы войны индейские массы не выдвинули вождя, который сформулировал бы социальные и политические требования индейцев. Тупак Амару был мертв, многочисленная плеяда его соратников была уничтожена.

Латиноамериканские страны стали независимыми, однако в них по-прежнему не нашлось места для индейских народов. Именно это обстоятельство имел в виду Х. К. Мариатеги, когда писал в 1928 г.: «В нашем народе бок о бок существуют, так и не слившись и не достигнув взаимопонимания, аборигены и конкистадоры... Как и в эпоху вице-королевства Республика Перу сейчас — это республика колонизаторов, а не коренного населения. В формировании нашей национальности и ее институтов стремления и интересы $\frac{4}{5}$ населения не играют почти никакой роли»¹².

Так продолжалось и до недавнего времени.

«Разве не ясно, что от удара, парализовавшего индейца (имеется в виду конкиста.— *С. С.*), парализовало всю Америку. И до тех пор, пока индеец не тронется с места, не начнет хорошо ходить и Америка!»¹ — так пророчески писал замечательный кубинский мыслитель Хосе Марти.

Пришедшее к власти в Перу 3 октября 1968 г. Революционное правительство вооруженных сил сознавало, что подлинное национальное возрождение страны невозможно без кардинального улучшения жизни крестьянских индейских масс. Разработанная группой прогрессивно мыслящих офицеров программа социально-экономических преобразований получила символическое название «План Инка».

Национализация предприятий могущественных иностранных монополий, отделений банков, средств связи, создание государственных предприятий, таких как «Петроперу» по добыче нефти, «Минероперу» по добыче полезных ископаемых, «Пескоперу» по добыче рыбы, нанесли сильный удар частному капиталу и укрепили позиции государственного сектора в основных отраслях экономики. Но ни одна из этих политических и экономических акций нового правительства Перу не имела такого резонанса и внутри, и за пределами страны, как коренная ломка отношений собственности в деревне.

Перуанская землевладельческая олигархия по богатству, мощи и влиянию считалась второй на Латиноамериканском континенте после Бразилии: в середине 60-х годов 8% землевладельцев распоряжались 91% всей пригодной для обработки земли. После опубликования 24 июня 1969 г. Закона об аграрной реформе были экспроприированы латифундии американских монополий и местной олигархии, а также все аграрно-промышленные

комплексы, находившиеся в иностранной собственности. На основе таких комплексов, как «Парамонга» (бывший хозяин — североамериканская компания «Грэйс»), «Каса Гранде» (бывший владелец — западногерманская компания «Гильдемейстер») и 12 крупных латифундий, были созданы сельскохозяйственные кооперативы. Правительство национализировало и крупнейшие сахарные плантации на Тихоокеанском побережье страны.

К концу 1976 г., по официальным данным, почти 300 тыс. крестьянских семей получили в пользование более 7 млн. га земли, принадлежавшей ранее латифундистам². Важно отметить, что наделенные землей перуанские крестьяне объединяются в сельскохозяйственные и трудовые кооперативы. Традиции коллективизма, заложенные в древней индейской общине айлью, обретают новую жизнь, принимают новые формы.

Аграрная реформа ведет к решению не только земельного, но и ряда других, не менее насущных вопросов: в стране ликвидируются все и всякие формы феодальной и полуфеодальной эксплуатации, многие из которых просуществовали без малого половину тысячелетия — со времен конкисты, национализированы все водные источники страны, установлен режим пользования оросительными системами в интересах беднейшей части народа.

Столь продуманный, комплексный подход к одной из традиционных для Латинской Америки острейших проблем дал основание Хорхе дель Прадо, Генеральному секретарю Перуанской Коммунистической партии сказать: «Радикальная аграрная реформа, направленная на ликвидацию латифундий и докапиталистических пережитков в деревне, означает начало подлинной аграрной антиимпериалистической революции...»³.

Событие исключительной важности произошло на культурном фронте: в мае 1975 г. язык кечва был объявлен наравне с испанским государственным языком Перу. Можно сказать, что впервые после конкисты многомиллионные индейские народы получили право говорить в полный голос. В ноябре того же года министерство просвещения опубликовало «Основной алфавит кечва», на базе которого будет разработана письменность для пяти существующих диалектов. Программа предусматривает преподавание на родном языке в начальных классах: для индейских детей, жителей гор, — на кечва; для жителей

городов — на испанском. В старших классах для первых будет обязательным изучение испанского, для вторых — кечва.

Президент Института Андской культуры Эрнесто Море сказал: «Результаты официального признания языка кечва неизмеримо велики и важны. Когда индеец почувствует, что его речь стала одной из составных частей системы образования, когда он научится читать и писать на родном языке, у него рассеется тяжелое чувство дискриминации и унижения, которое вызывало исключение его языка из культурного процесса и хода общественно-экономических преобразований в стране»⁴.

В 1975—1977 гг. за школьные парты сели более 5 млн. детей и взрослых, или 49% населения страны в возрасте от 5 до 38 лет⁵. Сейчас в республике быстрыми шагами идет ликвидация неграмотности.

Впервые в истории Перу создаются реальные предпосылки для того, чтобы вывести из многовековой духовной и культурной изоляции индейские народы.

Только упорная борьба всех прогрессивных сил страны за последовательное осуществление провозглашенных реформ приблизит то время, когда исполнится заветная мечта пламенного патриота Тупак Амару о братском союзе всех людей без различия цвета кожи, рожденных на перуанской земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

- ¹ *Cornejo R. E. Velasco o el proceso de una revolución. Lima, 1969, p. 121—129.*
- ² *Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.). М.—Л., 1946, с. 71—72; *Война за независимость в Латинской Америке. 1810—1826. М., 1964, с. 20; Альперович М. С., Слёкин Л. Ю.* Образование независимых государств в Латинской Америке. М., 1966, с. 33; *Альперович М. С.* Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971, с. 41; *Зубрицкий Ю. А.* Великое восстание.— Перу. 150 лет независимости. М., 1971, с. 29—55; *он же.* Инки-кечуа. М., 1975, с. 126—132; *Созина С. А.* Великий индейский повстанец Тупак Амару.— Новая и новейшая история, 1973, № 3—4; *Самаркина И. К.* Община в Перу. М., 1974, с. 94—96; *Валькарсель Д.* Тупак Амару, революционер.— Латинская Америка, 1975, № 4; *Гавриков Ю. П.* Перу: от инков до наших дней. М., 1977, с. 28—32.
- ³ *Colección documental de la Independencia del Perú, XXX tomos. Lima, 1971, t. II (La Rebelión de Túpac Amaru), vol. 1—4 (далее ссылки на второй том указанного изда-*
- ния, состоящего из четырех книг, даются в тексте в круглых скобках: первая цифра обозначает книгу, вторая — страницы).*
- ⁴ Автор не задавался целью дать историографический очерк литературы о восстании в полном объеме. Историю издания документального наследия см.: *Valcárcel C. D. El retrato de Túpac Amaru. Lima, 1970, p. 25—35.* Из наиболее ценных исторических трудов см.: *Markham C. R. A History of Peru. Chicago, 1892; Solar E. del. Insurrección de Túpac Amaru, sus antecedentes y efectos. Lima, 1926; Cornejo Bouroncle J. Túpac Amaru. La Revolución precursora de la emancipación continental. Cuzco, 1963; Fisher L. E. The Last Inca Revolt, 1780—1783. Norman, 1966; Durand Florez L. Independencia e integración en el plan político de Túpac Amaru. Lima, 1974 и др.*

Большой вклад в разработку проблем, связанных с восстанием Тупак Амару, внес прогрессивный аргентинский ученый Болеслао Левин. Его капитальный труд «Тупак Амару, el rebelde. Su época, sus luchas y su influencia en el continente» (t. 1—2. Buenos Aires, 1943) был отмечен специальной премией. В последние годы кубинский Институт книги выпустил до-

полненное издание вышеупомянутого исследования, ставшего библиографической редкостью, и ряд других публикаций ученого по этой теме.

Среди перуанских историков следует отметить К. Д. Валькарселя, его труды по различным проблемам движения Тупак Амару, в частности публикации малоизвестных источников. К. Д. Валькарсель — автор исследования «Восстание Тупак Амару» и редактор двух томов документов по истории восстания, вошедших в уже упоминавшееся «Собрание документов по истории независимости Перу».

- ⁵ *Valcárcel L. E.* Ruta cultural del Perú. Lima, 1972, p. 210.

Глава первая. Уроки истории

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.
- ² Цит. по: *Мамонтов С. П.* Литература независимого Перу. — Культура Перу. М., 1975, с. 244.
- ³ *Мариатеги Х. К.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 386.
- ⁴ *Huerta Preciado M. T.* Rebeliones indígenas en el Noreste de México en la época colonial. México, 1966, p. 102.
- ⁵ *Capdevielle E. G. de.* Rebeliones indígenas en el Norte del Reino de la Nueva España. México, 1967, p. 5.
- ⁶ *Randolf J.* Las guerras del Arauco. Santiago de Chile, 1948, p. 20.
- ⁷ *Lipschutz A.* Perfil de Indoamérica de nuestro tiempo. La Habana, 1972, p. 160.
- ⁸ *Navarro García L.* Sublevación del Yaqui de 1740. Sevilla, 1966, p. 150—151.

- ⁹ *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana. La Habana, 1973, t. I, p. 119—120.
- ¹⁰ *Castro Arenas M.* La rebelión de Juan Santos. Lima, 1973, p. 108, 115—116, 144.

Глава вторая. Сколько хозяев у индейца?

- ¹ В испанских официальных документах название «Индий», присвоенное американским владениям Испании еще во времена Колумба, употреблялось в течение всего колониального периода вплоть до начала XIX в.
- ² Так называли своих вождей индейцы араваки, жившие на Антильских островах, где высадились первые испанские конкистадоры — завоеватели. По мере проникновения испанцев в глубь Американского континента это обозначение было перенесено ими на представителей индейской знати других народов и принято в колониальном законодательстве и официальных документах. В древнем государстве инков глав земледельческих общин именовали «курака» от кечванского «великий господин».
- ³ *Самаркина И. К.* Указ. соч., с. 65, 63—64.
- ⁴ *Spores R.* The Mixtec kings and their people. Norman, 1967, p. 114.
- ⁵ См.: *Romero E.* Historia económica del Perú. Lima, s/a, t. 1, p. 172—173.
- ⁶ *Lara J.* La cultura de los Incas. La Paz-Cochabamba, 1966, p. 60—61.
- ⁷ *Lohmann Villena G.* El corredor de Indios en el Perú bajo las Austrias. Madrid, 1957, p. 509.

- ⁸ *Colin M.* Le Cuzco à la fin du XVII-e et au début du XVIII-e siècle. Caen, 1966, p. 142.
- ⁹ См.: *Anales del III Congreso nacional de historia del Perú.* Lima, 1965, p. 223.
- ¹⁰ *Lohmann Villena G.* Op. cit., p. 422.
- ¹¹ «Репартимьенто» буквально значит «распределение». В первые годы после конкисты этим термином обозначалось также закрепление индейцев одной или нескольких общин за тем или иным испанским землевладельцем с целью обработки земли и обслуживания его хозяйства, а также для работы на горных промыслах, в частности в Мексике.
- ¹² *Valcárcel L. E.* Op. cit., p. 188.
- ¹³ См.: *Vargas Ugarte R.* Historia del Perú. Virreynato. Lima, 1956, p. 238.
- ¹⁴ *Valcárcel L. E.* Op. cit., p. 187.
- ¹⁵ См.: *Silva Santisteban F.* Los obreros en el virreynato del Perú. Lima, 1964, p. 8, 150, 161.
- ¹⁶ *Villaran M. V.* Apuntes sobre la realidad social de los indígenas del Perú ante las Leyes de Indias. Lima, 1964, p. 115.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 130—131.
- ¹⁸ *Lewin B.* La insurrección de Túpac Amaru. Buenos Aires, 1963, p. 9.
- ¹⁹ *Juan J., Ulloa A. de.* Noticias secretas de América. Buenos Aires, 1953, p. 181—182.
- ²⁰ *Markham Cl. R.* Op. cit., p. 180—181.
- ²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 471; 484—485.
- ²² Относительно численности индейцев Перу в начале конкисты не существует единого мнения. Так, перуанский исследователь С. Лоренте (1860) определил ее в 10 млн., американский историк Ф. Минс (1931) — в 16—32 млн. Х. К. Мариатеги (1928) — в 10 млн.; представитель нового направ-

ления в демографических исследованиях — американец Ш. Кук — в 38 млн. (*Informe demográfico del Perú.* Lima, 1972, p. 7; *Markham Cl. R.* Op. cit., p. 218).

- ²³ *René-Moreno G.* Bolivia y Perú. Más notas históricas y bibliográficas. Santiago-de-Chile, 1905, p. 12—13, 24.
- ²⁴ *Valcárcel L. E.* Op. cit., p. 193.
- ²⁵ См.: *Informe demográfico...*, p. 10, 22, 26.
- ²⁶ *Lewin B.* La supuesta participación jesuítica en la rebelión de Túpac Amaru. Cochabamba, 1948, p. 15.
- ²⁷ *Lewin B.* Los movimientos de emancipación en Hispanoamérica y la Independencia de Estados Unidos. Buenos Aires, 1952, p. 176.

Глава третья. Клич в Тинте

- ¹ *Rosales Aguirre J. C.* Túpac Amaru.— Biblioteca hombres del Perú. Lima, 1964, t. XI, p. 34.
- ² Тупак Амару в переводе с языка кечва означает «сияющая, великолепная змея». Родовое имя Хосе Габриэли включало слово «кондор», — название величественной птицы, владычицы андских вершин; династическое — название змеи. В одном из храмов древнего Куско — «амару канча» — в особом загоном содержались почитавшиеся священными змеи огромных размеров. *Odriozola M. de.* Documentos históricos del Perú en las épocas del coloniaje despues de la conquista y de la independencia hasta la presente. Lima, 1863, t. I, p. I (далее ссылки на этот источник даются в тексте книги, в скобках указываются страницы первого тома издания).

- ³ По поводу года и дня рождения Тупак Амару не существует единой точки зрения, поскольку испанские власти уничтожили его семейный архив. Во время процесса в апреле 1781 г. сам Тупак Амару будто говорил, что ему 38 лет (2, 748), а это противоречит известным фактам: его мать Роза Ногера умерла в октябре 1741 г. (2, 18). До недавнего времени считалось, что Кондорканки родился в 1740 г. Американский историк Дж. Роуи на 39-м Международном конгрессе американистов в Лиме в 1970 г., производя анализ ранее не использовавшихся документов, привел факты в подтверждение новой даты — 10 апреля 1738 г. См.: *Chaves J. C. Túpac Amaru*. Buenos Aires, 1973, p. 64. К. Д. Валькарсель указывает другой день рождения — 19 марта. См.: *Valcárcel C. D. Túpac Amaru*, San Martín, Bolívar. Lima, 1972, p. 15.
- ⁴ *Lewin B. La vida de Túpac Amaru*. La Habana, 1973, p. 13.
- ⁵ См.: *Cornejo Bouroncle J. Op. cit.*, p. 137.
- ⁶ *Ibid.*, p. 134.
- ⁷ *Romero E. Op. cit.*, p. 240.
- ⁸ См.: *Lewin B. Los movimientos de emancipación...*, p. 62.
- ⁹ Цит. по: *Самаркина И. К.* Указ. соч., с. 72.
- ¹⁰ Там же, с. 94.
- ¹¹ *Means Ph. The Rebellion of Túpac Amaru II. 1780—1781.— The Hispanic American Historical Review*, 1919, vol. II, N 1, Febr., p. 4—5.
- ¹² *Mariátegui X. K.* Указ. соч., с. 382.
- ¹³ *Villaran M. V. Op. cit.*, p. 19.
- ¹⁴ Цит. по: *Кузьмищев В. А.* Фелипе Гуаман Пома де Аяла и его хроника.— *Культура Перу*, с. 89.

- ¹⁵ *Инка Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков. Л., 1974, с. 628.
- ¹⁶ *Зубрицкий Ю. А.* Инки-кечуа, с. 127.
- ¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 43.
- ¹⁸ *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. — Библиотека всемирной литературы. М., 1968, т. 58, с. 379—380.
- ¹⁹ *Lewin B. La rebelión de Túpac Amaru...*, t. I, p. 89.

Глава четвертая. Восставший Инка

- ¹ *Зубрицкий Ю. А.* Инки-кечуа, с. 128—129; *Valcárcel D. La rebelión de Túpac Amaru*. México, 1965, p. 52; *Lewin B. La rebelión de Túpac Amaru...*, t. I, p. 343—345.
- ² *Lewin B. La rebelión de Túpac Amaru...*, t. I, p. 345.
- ³ *Зубрицкий Ю. А.* Инки-кечуа, с. 117.
- ⁴ *Cornejo Bouroncle J. Op. cit.*, p. 132.
- ⁵ *Инка Гарсиласо де ла Вега.* Указ. соч., с. 646—647.
- ⁶ См.: *Gibson Ch. The Inca Concept of Sovereignty and the Spanish Administration in Peru*. New York. 1948, p. 101—102.
- ⁷ *Roel V. Los Libertadores. Proceso social, económico, político y militar de la independencia*. Lima, 1971, p. 14—15.
- ⁸ Тупак Амару пытался заманить Кабреру в Тунгасуку в первые же дни восстания. Он потребовал, чтобы Ла Мадрид, владелец обрахе в Помоканче, сидевший в его домашней тюрьме вместе с Ариагой, вызвал Кабреру запиской. Однако Ла Мадрид отказался выполнить приказ Тупак Амару, сославшись на то, что поссорился с Кабрерой и записка не даст должного эффекта (2, 396—397).

- ⁹ *Lewin B.* La resurrección de Túpac Amaru, p. 35.
- ¹⁰ *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 403.
- ¹¹ *Durand Florez L.* Op. cit., p. 118.
- ¹² *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 402.
- ¹³ *Lewin B.* La resurrección de Túpac Amaru, p. 62.
- ¹⁴ *Valcárcel D.* La rebelión de Túpac Amaru, p. 113—114.

Глава пятая. Осада Куско

- ¹ *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 456.
- ² *Ibid.*, p. 459.
- ³ См.: *Campbell L. G.* The Army of Peru and the Tupac Amaru Revolt.— The Hispanic American Historical Review, 1976, vol. 56, N 1, Febr., p. 36.
- ⁴ *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 266—267.
- ⁵ *Ibid.*, p. 444—445.
- ⁶ См.: *Fisher L. E.* Op. cit., p. 125.
- ⁷ См.: *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 463—464.
- ⁸ Роль важного доказательства того, что Инка рассчитывал на поддержку, играет письмо, отправленное им 22 ноября 1780 г. близким родственникам, братьям Угарте, видным жителям Куско — «самым главным головам этого города». Приказав им арестовать коррехидоров и всех, кто вооружает солдат для отпора повстанцам, Ту-пак Амару далее пишет: «...если вы сделаете это, станете хозяевами города и будете управлять им до моего прихода, который последует в ближайшее время во главе 60 тыс. индейцев и 6 тыс. солдат, что будут скоро в моем распоряжении» (2, 301). Письмо было отправлено еще до начала южного похода и

- имело целью побудить к действию сторонников в Куско.
- ⁹ Факт переговоров подтвердил один из секретарей Ту-пак Амару — Сиснерос, показавший впоследствии на суде, что «девять видных жителей Лимы отговаривали Ту-пак Амару от поездки в Испанию и призывали его начать дело собственными силами» (2, 718, 721). Священник Ви-сенте Сентено из Лимы писал Ту-пак Амару в ноябре 1780 г., что-де «Лима находится в хорошем состоянии, пусть она тебя не тревожит, это — беру на себя, тебе же следует лишь начать дело» (по пересказу доносчика, монаха Сальдивара, прочитавшего это письмо в доме Ту-пак Амару) (3, 423). Другое свидетельство — архидьякона Вильяльбы, утверждавшего, что Ту-пак Амару не делал ни шагу, не получив письма из Куско, «которые, как говорят, уходили и приходили непрерывно» (3, 438).
 - ¹⁰ См.: *Valcárcel D.* La rebelión de Túpac Amaru, p. 169.
 - ¹¹ *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 407—408.
 - ¹² *Ibid.* p. 467.
 - ¹³ См.: *Cornejo Bouroncle J.* Op. cit., p. 203—204.

Глава шестая. Решительная схватка

- ¹ См.: *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 347.
- ² *Ibid.*, p. 382.
- ³ *Valcárcel C. D.* El retrato de Túpac Amaru, p. 26—28.
- ⁴ См.: *Hamann de Cisneros S.* Mateo Pumacahua.— Biblioteca hombres del Perú Lima, 1964, t. XVI, p. 88.
- ⁵ *Cornejo Bouroncle J.* Op. cit., p. 322—323. Имеются и другие версии пленения Ту-пак

Амару. Согласно одной из них, в селении Ланги, все жители которого разбежались, Тупак Амару встретили старуха-индианка и два метиса, которые схватили его и передали испанцам (3, 18). Однако версия, приведенная в книге, кажется автору более правдоподобной, так как она подтверждена документально.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228—229.

⁷ См.: Lewin B. La rebelión de Túpac Amaru..., t. I, p. 438.

⁸ Братья Катарри и Хулиан Апасы были неграмотны, тексты обращений составляли их секретари — грамотные метисы или креолы, владевшие языком кечва или аймара. Нам известно также, что Тупак Амару располагал целым штатом писарей и секретарей, которые размножали воззвания, делая их копии для рассылки по глубинным провинциям. Было скопировано и письмо Тупака Амару к Арече от 5 марта 1781 г. Одну из этих копий доставили в лагерь повстанцев, осаждавших в то время Ла-Пас, где по приказу Тупака Катарри ее неоднократно прочитывали вслух.

Глава седьмая. Расправа

¹ Lipschutz A. Op. cit., p. 247.

² Chaves J. C. Op. cit., p. 161.

³ Ibid., p. 164.

⁴ Lewin B. La insurrección de Túpac Amaru, p. 25.

⁵ Lewin B. La rebelión de Túpac Amaru..., t. II, p. 736.

⁶ Markham C. R. Op. cit., p. 205—206.

⁷ Цит. по: Cornejo Bouroncle J. Op. cit., p. 356.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 51.

⁹ Последнее предложение не было чем-то новым. Еще в 1550 г. испанский король направил послание руководству всех духовных орденов, действовавших в испанских колониях, с требованием использовать все доступные средства для обучения индейцев испанскому языку. Знание испанского языка считалось обязательным для всех касиков и их сыновей. На практике испанская грамота стала доступной лишь части индейской знати. Массовое же обучение индейцев испанскому языку не было осуществлено на практике ни в те времена, ни в последующие столетия (см.: Gibson Ch. Op. cit., p. 104—105).

Глава восьмая. Дон Хосе I, милостью божьей Инка, король Перу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 342.

² Durand Florez L. Op. cit., p. 16—17.

³ Valcárcel C. D. Documentos de la Audiencia del Cuzco en el A. G. I. Lima, 1957, p. 43.

⁴ См.: Pike F. A Modern History of Peru. New York, 1967, p. 34—35.

⁵ Vargas Ugarte R. Op. cit., p. 407—408.

⁶ Rosales Aguirre J. Op. cit., p. 5—6.

⁷ Gibson Ch. Spain in America. New York, 1966, p. 179—180.

⁸ Lewin B. La insurrección de Túpac Amaru, p. 104—106.

⁹ См.: Лаврецкий И. П. Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки. М., 1976, с. 89.

- ¹⁰ См.: *Lewin B.* La vida de Túpac Amaru, p. 84.
- ¹¹ *Valcárcel L. E.* Op. cit., p. 186.
- ¹² *Валькарсель Д.* Указ. соч., с. 146.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 119—120.

Глава девятая.

Восстание продолжается

- ¹ См.: *Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru..., t. II, p. 536.
- ² *Ibid.*, p. 517—518.
- ³ *Lewin B.* La insurrección de Túpac Amaru, p. 95.
- ⁴ *Valcárcel D.* La rebelión de Túpac Amaru, p. 209.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.
- ⁶ Цит. по: *Durand Florez L.* Op. cit., p. 10.
- ⁷ *Ibid.*, p. 33.

Глава десятая.

По следам Тупак Амару

- ¹ *Lewin B.* La resurrección de Túpac Amaru, p. 96—97.
- ² *Cornejo Bouroncle J.* Op. cit., p. 552.

- ³ *Memorias del hermano de Túpac Amaru* escritas en Buenos Aires. Prologo de Alfredo Varela. Buenos Aires, 1976, p. 65.
- ⁴ Текст воспоминаний Хуана Баутисты Тупак Амару приводится со значительными сокращениями.
- ⁵ *Hamann de Cisneros S.* Op. cit., p. 95.
- ⁶ *Ibid.*, p. 115.
- ⁷ *Ibid.*, p. 136.
- ⁸ *Cornejo Bouroncle J.* Op. cit., p. 12.
- ⁹ *Ibid.*, p. 13.
- ¹⁰ См.: *Lipschutz A.* Op. cit., p. 58—59.
- ¹¹ См.: *Мариатеги Х. К.* Указ. соч., с. 79—80.
- ¹² Там же, с. 143.

Заключение

- ¹ Цит. по: *Acosta L.* José Martí, la América Precolombina y la Conquista Española. La Habana, 1974, p. 23.
- ² *La Presencia*, 1977, 3 febr.
- ³ *Латинская Америка*, 1969, № 1, с. 16.
- ⁴ *Культура Перу*, с. 9.
- ⁵ См.: *Латинская Америка*. 1976, № 2, с. 142.

Абаскаль Хосе Фернандо де 149
 Авилес Габриэль 79
 Алапарита Паскуаль 87
 Алос Хоакин де 26, 85, 86
 Альварадо Педро де 11
 Альварес М. А. 34
 Альмагро Диего де 10, 14
 Ангуло братья 148
 Апаса Хулиан (Тупак Катари)
 86, 95, 96, 121—123, 128, 130
 Апу-Ольянтай 47
 Ареназ Себастьян 137
 Арече Хосе Антонио де 30, 36—
 38, 52, 53, 71, 78, 84, 88, 91—
 93, 97—100, 103, 112, 120, 123
 Ариас Рамон 120, 130, 131, 133,
 135
 Арриага Антонио де 35, 39—41,
 56, 66, 70, 85, 90, 97, 112
 Артеага Мельчор 97
 Астете Пабло 45
 Атавальпа 14, 16

Бакихано-и-Каррильо Хосе де
 54, 110, 111
 Бандо Мариано 97, 112
 Басадре Модесто 26
 Бастидас Антонио 102, 121
 Бастидас Мигель см Тупак
 Амару Мигель
 Бастидас Микаэла 55, 57, 59,
 66—68, 96, 97, 102—104, 112
 Бастине Гильермо де 72
 Бельграно Мануэль 149, 150
 Бердехо Хосе 102
 Бермудес Фелипе 88, 93, 112
 Берналес Франсиско 82
 Бехар Габриэль 148
 Бехарано Ильдефонсо 110
 Боливар Симон 146, 148, 150,
 151
 Бустаманте Карлос Инка 23

Вайна Капак 44, 57
 Вайна Капак Х. 128
 Вака Эстебан 97
 Вальдивия Педро де 10, 12, 13
 Валье Хосе дель 75, 78, 89, 92,
 96—98, 121, 127, 131, 132, 134—
 136
 Валькарсель Луис 7, 104, 117
 Валькарсель Карлос Даниэль
 118, 157
 Ваман Пома де Аяла Ф. 49
 Варгас Педро 87
 Варгас Угарте Р. 113
 Васкес де Веласко 110
 Веласко Фелипе 137
 Вертис Хосе де 84, 85, 120
 Видаурре Лоренсо 110
 Вильчес Каэтано 100
 Вилья Николас 67
 Вильярран Мануэль Висенте 49
 Вильяррозаль Педро 16

Гальвес Хосе де 83
 Гальего Бернардо 100
 Гальегильос Мануэль 97
 Гарсиа Антонио 146
 Гарсиласо де ла Вега, Инка 51,
 58, 106
 Гибсон Чарльз 113
 Гириор Мануэль де 52
 Гойенече Х. М. 147
 Гутьеррес Симон 33, 72, 75

Деустуа А. 9
 Дидро Дени 53
 Дуран Флорес Л. 108, 139

Зубрицкий Ю. А. 51, 57

Ингарикона Андрес 87

Ипес Грегорио 110

Кабрера Фернандо де 59, 64
 Калисайя Алехандро 135
 Кан Эк Хасинто 15, 16
 Капдевилъ Э. Г. 11
 Карвахаль Паскуаль 100
 Карл III 36, 38—40, 70, 73, 77,
 103, 124, 141, 144, 145, 147
 Карл IV 147
 Кастело Андрес 102
 Кастильо Ильдефонсо 74
 Кастильо Маркос 100
 Кастро Игнасио де 110
 Кастро Марсела 137
 Кастро Януарио 93
 Катаньо Мариано 97
 Катары Дамасо и Николас 86,
 95, 122
 Катары Томас 26, 85, 86
 Кауполикан 13
 Кесада Гонсало Хименес де 10
 Кир 25
 Колоколо 13
 Кольятопо Антонио 50
 Кондемайта Томаса 97, 102
 Кондори Симон и Лоренсо 137
 Кондорканки Диего 42
 Кондорканки Бартоломе 43
 Кондорканки Блас 43
 Кондорканки-и-дель Камино
 Мигель 43
 Кондорканки Хосе Габриэль см
 Тунак Амару Хосе Габриэль
 Кордова Велес де 16
 Кордова Хосе 144
 Кортес Эрнандо 10
 Круа Теодор де 147
 Ксенофонт 25

 Ла Мадрид Бернардо 41, 42, 79
 Лайсекилья Франсиско 82
 Лара Хесус 23
 Лаура Мельчор 133
 Левин Болеслао 36, 65, 96, 113,
 116, 156
 Ленин В. И. 9, 31, 95, 105, 108,
 139
 Лишутц Алехандро 13, 32
 Лоайса-и-Арестеги Ф. де 73

 Мамани Исидро и Хуан 87
 Манко 118
 Мариатеги Хосе Карлос 9, 49,
 152
 Маркс Карл 118—119
 Марти Хосе 153

Мата Линарес Бенито де 99, 136
 Марури Хосе 110
 Маркхэм Клемент 31, 102
 Мендиета 56
 Мендоса Хавьер 120
 Мильтон Джон 54
 Минерва 26
 Миранда Фрасиско де 115, 151
 Морачимо Висенте 50
 Море Эрнесто 155
 Монтескье Шарль 53
 Мотекухсома 16
 Монтель Мигель 55
 Монхаррас Вентура 140, 144
 Москосо Хуан Мануэль 67, 70,
 73, 78, 83, 109, 110, 127, 129,
 131, 132, 134

Ногера Роза 140

Облитас Антонио 39, 98, 102
 Ортигосо Диего 97
 Ортис де Сервантес 50
 Отс Капдеки Х. М. 48
 О'Хиггинс Бернардо 148

Падилья-и-Пастрана Х. 50
 Паласиос Хосе 72, 100
 Парвина Томас 88, 93
 Паредес Хосе 87
 Пачакути Юпанки 57
 Пилькоуако Хуана 42, 43
 Писарро Франсиско 10, 14, 68,
 78
 Питт Уильям 115
 Помаинка 94
 Понсе Рамон 87, 97
 Посада Франсиско 138
 Прадо Хорхе дель 154
 Пумакава Матео 57, 73, 74, 78,
 81, 88, 92, 109, 146, 147

Рамирес Хуан 149
 Рейналь Гийом 54
 Рене-Морено Габриэль 9
 Ресегин Хосе де 129, 130
 Ривадавиа Бернардино 142
 Родригес Карлос 44
 Ромуальдо А. 107
 Росалес Агирре Х. 113
 Росас Николас де 74, 81, 109
 Руссо Жан-Жак 53

Савала Хуан 101, 126, 135
 Сальседо Ф. де 133

Самаркина И. К. 22
 Самудио 85
 Сан-Мартин Хосе де 148, 150, 151
 Санка Николас 87
 Санта-Крус-и-Эспехо Ф. Х. 120
 Санта Крус Франсиско 95
 Санталисес Вентура 50
 Сантистебан 31
 Сантос Хуан 16, 17
 Сан-Франсиско-де-Борха 44
 Сан Хосе Тупак Инка Калисто 50
 Савараура Педро 57, 74
 Савараура Тито Атаучи 57, 74
 Сегурола Себастьян де 86, 135
 Сен-Пре 53
 Сиснерос Диего 55
 Соль Висенте 70
 Сукакава Бернардо 62, 63
 Сукре Хосе Антонио де 150
 Суперунда 17
 Тамбоваксо Бернардо 38, 76, 111
 Толедо М. М. де 73
 Толедо Франсиско де 29, 42, 43
 Торрес Франсиска 43
 Тупак Амару Андрес 121, 124, 125, 128, 131, 133, 134, 136
 Тупак Амару Блас 50
 Тупак Амару Диего Кристо-
 баль 59, 65, 79, 88, 98, 121, 123, 125, 127—134, 136, 140, 149
 Тупак Амару Иполито 59, 97, 102
 Тупак Амару Мариано 59, 121, 125, 127, 133, 134, 136, 140, 141
 Тупак Амару Мигель 121, 128, 130
 Тупак Амару I 14, 42, 43, 57

Тупак Амару Сесилия 121, 132, 140
 Тупак Амару Франсиско 102
 Тупак Амару Фернандо 97, 102, 103, 136, 140—142
 Тупак Амару Хосе Габриэль (Тупак Амару II) 5, 6, 7, 18, 19, 39, 40—49, 51—56, 58—68, 70, 72, 74—79, 80—85, 96—105, 107—112, 120, 125—130, 136, 146—148, 155.
 Тупак Амару Хуан Баутиста 59, 140, 142, 143—146
 Тупак Катари см. Хулиан Апа-
 са

Ульоа Антонио де 19, 30
 Унануе Иполито 110

Фарфан Лоренсо 38
 Фейхоо Б. Х. 25
 Фигероа Антонио 76, 83
 Филипп I 17
 Филипп II 27, 47
 Филипп III 58
 Флорес Игнасио 123, 128, 136

Харос Висенте 73
 Хауреги Агустин де 76, 111, 126, 129, 140
 Хименес де Вильяльба С. 56, 65
 Хуан Хорхе 19, 30

Чи Сесилио 16
 Чиллитупа Маркос 72, 74
 Чоке Блас 135
 Чокеванка Диего 23, 57, 63, 109

Эгилус Антонио 109
 Эспанья Анхель де 135

КРАТКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Адуана 37, 63, 101
Айлью 21, 22
Алькабала 34, 37, 40, 63
Алькальд 79, 127
Альферес 43
Аррериа 34
Асендадо 27, 30, 35, 48
Асьенда 26, 32
Аудиенсия 19, 20, 33, 79, 138

Виситадор 36, 52, 78, 80, 89
Вице-король 19, 20, 24, 33, 71,
84, 86

Генерал-капитан 34, 133
Грасиас а сакар 32
Гуатако 28
Губернатор см. коррехидор

Законы Индий 47—49, 91, 107

Инка 7, 14, 58, 63, 73, 87, 114,
118, 121
Интендант 138
Интенденсия 138

Кабильдо 20, 27, 79, 82
Кальцонси 16
Касик (сеньор натураль) 21,
22—24, 43, 76, 105
Компаниас 71
Коррехидор 20, 24—26, 33—35,
39, 50, 60, 85, 90, 133, 138
Кортесы 145, 146
Креол 17, 18, 33—35, 65, 83, 108,
110, 129
Курака 79, 157

Лансас 34

Медиа аната 34
Метис 15, 17, 32, 37, 38, 51, 65,
71
Милисия см. ополчение
Мита 27, 29, 31, 40, 50, 52, 63
Митайо 29, 30, 52
Мулат 15, 32, 35, 37, 71, 94—95

Ньюста 42, 132

Обрахе 27—29, 31, 41, 50, 59
Ойдор 19
Ополчение 66, 71, 89, 149

Падронсильо 26
Паскинес 38
Пенинсуларес 33
Неон 32
Подать см. трибуто
Протектор 20, 54, 85, 111, 137
Пукакунас 101

Репартимьенто (репарто) 25,
26, 40, 59, 77, 138

Самбо 32, 37, 65, 98
Сапа Инка см. Инка
Сиса 34
Совет по делам Индий 20, 50,
51, 55, 146
Субделегат 138

Трибуто 22, 23, 26, 37

Чапетонес 33, 40, 63, 87, 98, 127

Эстанко 35

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга о Тупак Амару	3
Вместо предисловия	5
Глава первая. Уроки истории	8
Глава вторая. Сколько хозяев у индейца?	19
Глава третья. Клич в Тинте	39
Глава четвертая. Восставший Инка	56
Глава пятая. Осада Куско	70
Глава шестая. Решительная схватка	84
Глава седьмая. Расправа	97
Глава восьмая. Дон Хосе I, милостью божьей Инка, король Перу	107
Глава девятая. Восстание продолжается	120
Глава десятая. По следам Тупак Амару	140
Заключение	153
Примечания	156
Указатель имен	163
Краткий указатель терминов	166

Светлана Алексеевна Созина

**ТУПАК АМАРУ —
ВЕЛИКИЙ ИНДЕЙСКИЙ ПОВСТАЕЦ.
1738—1781**

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства **Н. В. Шевелева**

Художник **М. М. Бабянков**

Художественный редактор **И. В. Разина**

Технические редакторы **Т. С. Жарикова, М. Н. Фролова**

Корректоры **Н. М. Вселюбская, Г. М. Котлова**

ИБ № 7408

Сдано в набор 28.09.78.

Подписано к печати 05 01 79

Т-02803. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 2.

Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая.

Усл. печ л. 9,2. Уч.-изд л 9,2

Тираж 50 000 экз. Тип зак 993

Цена 35 коп.

Издательство «Наука»

117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул, 94а

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

Гавриков Ю. П.**ПЕРУ: ОТ ИНКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ.**

7,5 л. 50 к.

Рассказывается о далеком прошлом и сегодняшнем дне Перу: о древней инской цивилизации, противостоявшей варварству испанских конкистадоров, и событиях последних десятилетий, дается анализ особенностей революционного процесса, происходящего в стране.

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

-30
Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97, 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13, 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24, 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95, 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289, 252030 Киев, ул. Ленина, 42, 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31, 433900 Краматорск, ул. Марата, 1, 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2, 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57, 199164 Ленинград, Университетская наб., 5, 199004 Ленинград, 9 Линия, 16, 103009 Москва, ул. Горького, 8, 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7, 630090 Новосибирск Академгородок, Морской проспект, 22, 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51, 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137, 700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11, 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 11, 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43, 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18, 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49, 450075 Уфа, проспект Октября, 129, 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42, 310007 Харьков, Уфимский пер., 4/6.